

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет., 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопад Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board

of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in

the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq.

243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Грибков А.А., Зеленский А.А. Постановка задачи и определение подходов к построению смысловых моделей знания для искусственного интеллекта	1
Сергиенко А.Ю. (Не)возможность теодицеи: влияние Лиссабонского землетрясения на философско-антропологические представления эпохи Просвещения	14
Саяпин В.О. Историческая индивидуация в свете спекулятивной онтологии и нового материализма у Мануэля Деланда	39
Козлова Н.Ю. Риторика науки: о концептуальных истоках одного оксюморона и возможностях его преодоления	58
Медведев В.И. Значение как категория социально-гуманитарного познания: к вопросу о специфике наук о человеке	68
Англоязычные метаданные	81

Contents

Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Formulation of the problem and definition of approaches to building semantic knowledge models for artificial intelligence.	1
Sergienko A.Y. The (un)possibility of theodicy: the impact of the Lisbon earthquake on Enlightenment philosophical anthropology	14
Sayapin V.O. Historical individuation in the light of speculative ontology and new materialism in Manuel DeLanda.	39
Kozlova N.Y. Rhetoric of Science: On the Conceptual Origins of One Oxymoron and the Possibilities to Overcome It	58
Medvedev V.I. Meaning as a category of social sciences and humanities	68
Metadata in english	81

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Грибков А.А., Зеленский А.А. Постановка задачи и определение подходов к построению смысловых моделей знания для искусственного интеллекта // Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74407
EDN: GHJTVU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74407

Постановка задачи и определение подходов к построению смысловых моделей знания для искусственного интеллекта

Грибков Андрей Армович

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник; Научно-производственный комплекс "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ andarmo@yandex.ru

Зеленский Александр Александрович

ORCID: 0000-0002-3464-538X

кандидат технических наук

ведущий научный сотрудник; Научно-производственный комплекс "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.5.74407

EDN:

GHJTVU

Дата направления статьи в редакцию:

08-05-2025

Дата публикации:

15-05-2025

Аннотация: В статье исследуется проблематика создания смысловых моделей знаний,

которые могут быть использованы для наделения систем искусственного интеллекта способностью в пониманию смысла текста на естественном или любом другом языке. В качестве возможных средств для построения смысловых моделей знаний рассматриваются механизм мультисистемной интеграции знаний, разработанный авторами ранее, формальные онтологии и техники понимания смысла, сформировавшиеся в рамках филологической герменевтики. Значимыми составляющими представленного в статье исследования являются рассмотрение используемых в настоящее время языковых моделей искусственного интеллекта, нового подхода к осмыслению знаний через их обобщение в виде открытых моделей, оценка генезиса и перспектив телеологической и аксиологической интерпретаций смысла для естественных и искусственных когнитивных систем. Методологической базой представленного в статье исследования являются авторские наработки в области системного анализа, известные методы анализа, принятые в рамках герменевтики, структурализма, классической гносеологии, теории формальных онтологий, лингвистического и языкового моделирования. Научная новизна данного исследования заключается в определении необходимого инструментария для создания смысловых моделей, обобщающих знания. Указанный инструментарий включает: мультисистемную интеграцию знаний, основанную на интеграции субъекта познания во множество систем с последующим обобщением паттернов, выявляемых в этих системах, и их трансляции для решения задач осмысления и творчества; формальные онтологии, реализующие описание знаний из какой-либо предметной области в виде концептуальных схем с учетом имеющихся правил и связей между элементами, позволяющее автоматическое извлечение знаний; широкое разнообразие герменевтических техник понимания смыслов. Констатированы объективные ограничения использования для искусственных когнитивных систем, не обладающих субъектностью, ценностной приоритизации в понимании смыслов. Некоторые ограничения в использовании для искусственных когнитивных систем также имеют герменевтические техники понимания смысла текста. Это связано с невозможностью полноценной рефлексии без чувств, эмоций и желаний, порождаемых потребностями, также иницирующими субъектностью.

Ключевые слова:

смысловая модель, знания, искусственный интеллект, когнитивная система, мультисистемная интеграция знаний, паттерны, формальные онтологии, ценностная приоритизация, потребности, субъектность

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда по гранту No 24-19-00692, <http://rscf.ru/project/24-19-00692/>

Введение

Системы искусственного интеллекта в последнее десятилетие уверенно вошли в нашу повседневную жизнь. Возможности современных общедоступных реализаций искусственного интеллекта с каждым годом расширяются и уже включают в себя распознавание текста, человеческой речи, генерацию текста на любую заданную тему, написание музыки и т.д.

Более детальная и строгая оценка существующих версий искусственного интеллекта формирует менее идиллическую картину. Несмотря на существенные достижения искусственный интеллект остается крайне ограниченным, качественно не отличающимся

от систем машинного обучения, которые положены в его основу.

Информационной базой реализованных систем искусственного интеллекта являются различные языковые модели. Наиболее известными из языковых моделей являются NLP (natural language processing – обработка естественного языка), LLP (large language model – большая языковая модель) и LCP (large concept models – большая концептуальная модель), причем LLP и LCP-модели используют NLP-модели в качестве одного из базовых структурных элементов. NLP-модели, в свою очередь включают в себя лингвистические модели [\[1\]](#), представляющие собой практическую реализацию идей структурализма [\[2, с. 72-83\]](#).

Модели NLP [\[3\]](#) служат цели обучения машин чтению, пониманию, интерпретации и реагирования на человеческий язык. Основными инструментами NLP являются синтаксический анализ предложений, семантический анализ текстов и алгоритмы анализа настроений, позволяющие оценивать выраженные в тексте эмоции и мнения.

LLM-модели [\[4\]](#) служат пониманию и генерации текста. Основными инструментами LLM-моделей являются разбивка текста на элементы-токены (слова и элементы слов), представление токенов в виде описания их семантической информации и задания отношений с другими токенами, анализ релевантности и значимости слов по отношению друг к другу и др. Формирование LLM-модели предполагает обязательную предварительную подготовку искусственного интеллекта (ИИ) в виде обучения методам изучения грамматики и обработки фактов, а также последующую тонкую настройку (finetuning) с привлечением экспертов-людей, пополняющих знания ИИ в отдельных сегментах, где наблюдаются пробелы в знаниях, ошибки в интерпретации или «галлюцинации» [\[5\]](#).

LCM [\[6\]](#) – тип языковой модели, которая обрабатывает язык на уровне концепций, а не анализирует отдельные слова. LCM-модель интерпретирует семантические представления, которые соответствуют целым предложениям или связным идеям, что позволяет учитывать более широкий смысл языка, а не только лексические конструкции предложений.

Общим недостатком всех языковых моделей является их ограниченность лингвистическим дискурсом – искусственный интеллект (система машинного обучения), построенный на базе NLP (MonkeyLearn, MindMeld, Amazon Comprehend, GPT-3, GPT-4 и др.), LLM (ChatGPT, Gemini и др.) или LCM (Meta [\[1\]](#)), формирует систему знаний исключительно на основе интерпретации текстов и не предполагает инструментов взаимосвязи с реальным миром. Следующим шагом в развитии систем искусственного интеллекта по мнению большинства экспертов в области ИИ станет формирование смысловых моделей, которые неизбежно будут опираться на языковые модели, но позволят формализоваться связи между языковым описанием объектов и процессов и их смыслом.

В контексте определения подходов к построению смысловых моделей формулируются несколько ключевых задач, рассмотрению которых посвящена данная статья: раскрытие понятия «смысл» и определение формальных средств его выявления и описания; исследование формирования смыслов на примере человеческого сознания и описание выявленных механизмов в рамках системного подхода; рассмотрение общности механизмов осмысления и творчества и интеграция механизма мультисистемной интеграции знаний, описанного авторами, в системное смысловое описание объектов и

процессов; оценка возможности использования для смыслового моделирования онтологий и герменевтических техник понимания смысла.

Осмысление знаний на основе открытых моделей

Ответ на вопрос о то, «что такое смысл?» не столь тривиален, как это может показаться на первый взгляд. Адекватным, по мнению авторов, является определение смысла как сущностного содержание того или иного выражения языка (знака, слова, предложения, текста). То есть понятие смысла привязано к языку. Поэтому логичной является установка на достижении понимания смысла на основе использования языковых моделей. С другой стороны, понятие «смысл» связано с познанием – в процессе познания осуществляется понимание смысла знания.

Что требуется для того, чтобы понять смысл знания? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять: что представляет собой знание? Знание – это не истина, не достоверное представление реальности, а совокупность моделей, каждая из которых локальна (ограничена по области описания) и ограничена по точности соответствия объекту познания.

Всякое ли знание осмысленно? Безусловно, нет. Вероятно, что для основной части объектов и процессов в системе знаний внутреннее содержание неизвестно или известно лишь частично. Граница между осмысленным и неосмысленным знанием проходит через разделение представляющих это знание моделей на открытые и закрытые. Ранее было дано определение этих моделей [\[7, с. 18-20\]](#): «Под «закрытыми» мы будем понимать модели, образованные на основе эмпирических знаний в ограниченной области познания (например, некоторого диапазона изменений исследуемого параметра), и несоответствующие реальности за пределами этой области. Под «открытыми» – модели, которые оказываются применимым за пределами области познания, на основе данных по которой модель создавалась».

Для того, чтобы модель была открытой, она должна не просто формально (в частности, количественно) соответствовать объекту или процессу, а быть достоверной. Ранее проведенные исследования позволили сформулировать пять правил формирования достоверного знания [\[7, с. 195-201\]](#): непротиворечивости, онтологичности, связности, изоморфизма и комплектности. Из указанных правил осмыслению знания в наибольшей степени способствует выявление его соответствия правилам онтологичности и изоморфизма. Согласно правилу онтологичности «формирование достоверного элемента модели мироздания требует обеспечения его соответствия априорным знаниям, либо определения эволюционных связей данного элемента с менее сложными элементами, для которых указанное соответствие обеспечивается», а согласно правилу изоморфизма «определяемый элемент или совокупность элементов модели мироздания должны соответствовать известным паттернам». Напомним, что паттернами называют шаблоны форм и отношений объектов, повторяющиеся на различных уровнях организации мироздания, в различных предметных областях.

Правило онтологичности определяет соответствие реальности формируемых в рамках систем знаний моделей. Если такое соответствие обеспечивается, то модель, очевидно, будет открытой в силу ее достоверности. На практике обеспечение онтологичности знаний в большинстве случаев недостижимо: логические цепочки, которые необходимо выстроить от априорных знаний до конкретного знания, относящегося к сложным объектам и процессам, оказываются слишком длинными для отслеживания и обоснования.

Правило изоморфизма более доступно для использования. Нет необходимости что-либо доказывать или аргументировать – существование в мироздании изоморфизма форм и законов является неоспоримым эмпирическим фактом, практической реализацией целостности мироздания. Выявление в формируемой модели паттернов форм и законов – подтверждение правильности понимания объекта познания. Через эти выявленные паттерны раскрывается смысл знания, заключающийся в интеграции в систему мира познаваемого объекта (в виде модели) с определением его места и роли. Паттерны определяют суть (внутреннее содержание) модели, обобщающей знания, а суть, в свою очередь, указывает на место, которая модель занимает в системе мира.

Итак, для осмысления знания его необходимо представить в виде открытой модели, построенной на основе паттернов форм и законов, а также (в той мере, в которой это возможно) верифицированной по отношению к существующему априорному знанию. Последнее требование в значительной степени удовлетворяется при использовании для описания объектов универсальных паттернов высокого уровня [\[7, с. 211-217\]](#), определенных исходя из априорного знания (базовых законов бытия).

Мультисистемная интеграция знаний для осмысления и творчества

Ранее проведенные исследования позволили интерпретировать творчество как имплементацию представления о целостности мира посредством, с одной стороны, заимствования средств для реализации творчества из форм и законов окружающего мира, и, с другой стороны, использования творчества как инструмента созидания целостного представления о мире. В результате, представление целостности мира является императивом (требованием к форме и содержанию) творчества [\[8\]](#).

Осмысление знания – творческий процесс, результатом которого является интеграция знания в представление о целостности мира. Как мы уже выяснили, одной из ключевых форм этой интеграции является выявление паттернов форм и законов, задействованных в моделях, обобщающих знания об объектах и процессах реального мира.

Осмысление существующего (ранее созданного) знания и творчество (созидание нового знания) имеют в своей основе общий механизм интеграции знаний, позволяющий обеспечить целостность представления мира, получивший название «мультисистемная интеграция знаний» [\[9\]](#).

Механизм мультисистемной интеграции знаний, заложенный в человека от природы, является необходимым для интеллектуальной деятельности. Функционирование этого механизма основано на интеграции человеческого сознания во множество систем, которым человек принадлежит, с которыми связан или взаимодействует. Такими системами являются физический мир, биологическая и экологическая системы, общество, в том числе, система экономических отношений, интеллектуальные сферы, связанные с культурой и духовной жизнью человека и др. В каждой из систем, в которые интегрировано человеческое сознание, происходит сбор, систематизация и обобщение знаний в виде паттернов форм и законов. Эти обобщенные паттерны (как паттерны высокого уровня, логически соотносимые с априорными знаниями, так и вторичные, генезис которых не детерминирован) используются человеком в процессе интеллектуальной деятельности для творчества (посредством трансляции паттернов из одних систем в другие) и осмысления знаний (посредством соотнесения выявленных в обобщающих их моделях паттернов с паттернами в системах, в которые интегрировано человеческое сознание).

Механизм мультисистемной интеграции знаний – универсальный и применим для любых когнитивных систем, наделенных (или наделяемых) интеллектом. Определяющим вектором развития систем искусственного интеллекта является реализация в них механизма мультисистемной интеграции знаний. В настоящее время данная задача пока не решена. Одной из основных составляющих решения данной задачи является разработка формальной теории мультисистемной интеграции знаний, над которой авторы работают в настоящее время. Эта теория должна заложить необходимый базис в формализации представления паттернов, их выявлении, систематизации и сопоставлении. Также необходимо определение комплекса необходимых и достаточных инструментов для идентификации объектов и процессов, подлежащих осмыслению или сопоставлению с аналогами (использующими те же паттерны).

Телеологическая и аксиологическая интерпретации смысла

Является ли «смысл» абсолютной категорией, отвечающей на вопрос о сути модели, обобщающей знаний? Или, может быть, осмысление знания предполагает осознание его цели и/или ценности? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, для начала констатируем взаимосвязь двух обозначенных интерпретаций осмысления: телеологической [\[10, с. 45-52\]](#), предполагающей ведущую роль в определении смысла знания его цели, и аксиологической [\[10, с. 22-32\]](#), предполагающей ведущую роль в определении смысла знания его ценности. В рамках гносеологического анализа телеологическая интерпретация смысла неизбежно сближается с аксиологической: осмысление цели модели, интегрирующей знание, означает ее ценностную квалификацию. Как писал Аристотель: «благо есть цель всякого возникновения и движения» [\[11, с. 70\]](#). Ценностная квалификация знания опирается на определение его полезности («блага» в терминологии Аристотеля), в свою очередь, зависящей от способности этого знания удовлетворять потребности. В контексте человеческой цивилизации речь идет о потребностях человека или общества в целом.

Восприятие реальности в рамках человеческого сознания преломляется через призму аксиологической интерпретации смыслов. С одной стороны, это является негативным явлением, поскольку мир в сознании субъекта не соответствует реальности, но, с другой стороны, восприятие остается в целом адекватным, одновременно становясь более функциональным [\[12\]](#). Сосредоточенность на цели (максимизации ценности и, в конечном итоге, наилучшее удовлетворение человеческих потребностей) стимулирует построение моделей обобщенного знания, все более функциональных и при этом осмысленных как часть целостного восприятия мира. В этом заключается механизм формирования смыслов, инициируемый аксиологической интерпретацией: из разрозненной среды знаний управляемые градиентом ценности формируются модели обобщенного знания, осмысление которых требует не раскрытия их сути (внутреннего содержания), а квалификацию ценности (полезности) для удовлетворения потребностей людей. При этом, как писал В. Франкл, основоположник логотерапии (от др.-греч. λόγος — смысл, причина): «Смысл должен быть найден, но не может быть создан... Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его совесть. Одним словом, совесть – это орган смысла. Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации» [\[13, с. 37-38\]](#).

Любой объект или процесс, становясь объектом познания может быть представлен посредством широкого разнообразия моделей, обобщающих знания о нем и

интегрирующих эти знания в общую систему знаний о мироздании. Параметры и критерии оценки, положенные в основу модели, не могут быть произвольными (они ограничены достоверностью формируемой модели), но могут существенно различаться. В том числе, приоритизация критерия ценности (полезности) не противоречит требованию обеспечения достоверности модели.

Задействование при мультисистемной интеграции знаний ценностного подхода, влекущего за собой неизбежное переопределение моделей обобщенного знания, – естественно для человеческого сознания, не способного в полной мере избавиться от субъективности восприятия мира, своего в нем места, форм и средств взаимодействия с ним. Является ли подобное искажение необходимым для искусственных когнитивных систем – вопрос, на который, вероятно, следует дать отрицательный ответ. Это связано с существованием неустранимого различия искусственных и естественных когнитивных систем, обусловленного наличием у последних (сознания человека или животных) субъектности, инициируемой потребностями. Как показывают исследования [\[14\]](#), субъектность необязательна для наделения искусственных когнитивных систем способностью к интеллектуальной деятельности. Не обладая субъектностью и потребностями, искусственная когнитивная система не может повысить функциональность своего осмысления обобщенных моделей знания за счет приоритизации ценностного подхода, основанного на понимании ценностей, присущем человеку и другим естественным когнитивным системам.

Смысловые модели и формальные онтологии

Эффективность смыслового моделирования для интеллектуализации искусственных когнитивных систем в значительной степени зависит от выбранного формата представления смысловых моделей. Одним из возможных форматов, получивших в последние годы активное развитие, являются онтологии [\[15\]](#), реализующие формальное описание знаний из какой-либо предметной области в виде концептуальных схем с учетом имеющихся правил и связей между элементами, позволяющее автоматическое извлечение знаний. Перспективной областью применения онтологий является извлечение смысла из текста на естественном языке [\[16\]](#).

Онтологии строятся с использованием [\[17\]](#): экземпляров (индивидов) – низкоуровневых компонентов, подлежащих классификации; понятий (классов), обобщающих экземпляры или другие понятия (классы); атрибутов, характеризующих экземпляры или понятия (классы); отношений между экземплярами, определяемых их атрибутами. Внутри структуры онтологий выстраиваются таксономии – категоризованные слова, упорядоченные по иерархическому признаку. В настоящее время существует множество формальных языков, используемых для кодировки онтологий: CASL (Common Algebraic Specification Language), CL (Common Logic), DOGMA (Developing Ontology-Grounding Methods and Applications), Semantic Application Design Language (SADL), OWL (Web Ontology Language), KIF (Knowledge Interchange Format), ACL (Agent Communications Language) и др.

Представление предметной области посредством онтологий предполагает описание всех ее аспектов, включая характерные объекты и предметы исследования, применяемые научные методы, выполняемые проекты и полученные результаты [\[18\]](#). Необходимым этапом формирования онтологий является построение их терминологической основы [\[19\]](#). После соответствующей систематизации и обобщения формируется тезаурус терминов для данной предметной области, который становится языковой основой оформляющейся

парадигмы. Получаемое в результате представление предметной области складывается из упорядоченных классификациями и таксономией объектов и понятий, свойств (атрибутов) и связей (отношений), которые описываются согласно установленной для данной предметной области парадигме.

Как соотносятся между собой, с одной стороны, подход к осмыслению знания на основе мультисистемной интеграции знаний, основой которого является выявление в ограниченных предметных областях паттернов форм и отношений моделей обобщенного знания, и, с другой стороны, подход к осмыслению знания исходя из его представления посредством онтологий, формализующих свойства и связи элементов знания в рамках установленной парадигмы?

Осмысление посредством формальных онтологий служит идентификации моделей знания, «расшифровке» знания, представленного на естественном языке или в иной форме, не обладающей необходимой формализацией для непосредственного извлечения знаний. Осмысление знания на основе мультисистемной интеграции знаний служит определению места и роли модели знания в системе знаний о мироздании, а также выявлению универсальных средств (паттернов форм и законов), определяющих модель знания о предметной области. Данные два подхода к осмыслению знания являются не альтернативными, а взаимодополняющими. Кроме того, между этими подходами неизбежно взаимное проникновение – идентификация моделей, обобщающих знание, является одной из задач, решаемых при мультисистемной интеграции знаний, а построение терминологической базы онтологий требует использования лексико-семантических паттернов, которые в дальнейшем могут быть включены в коллекции вторичных (прикладных) паттернов, используемых для осмысления знания.

Понимание в филологической герменевтике

На том же поле субъективного познания, что и телеологическая или аксиологическая интерпретация осмысления, реализуется деятельность герменевтики. По мнению Г.И. Богина, «герменевтика – именно деятельность, а не наука, но по герменевтике возможны и даже необходимы научные разработки» [\[20\]](#). Субъективность герменевтики является неизбежным следствием выбора понимания в противоположность анализу объективных структур знания.

Понимание в герменевтике осуществляется через рефлексию субъекта. Даже если мы, как М. Хайдеггер [\[21, с. 264-370\]](#), будем определять понимание через экзистенцию *Dasein*, то и в этом случае участие субъекта сохраняется – через него транслируется рефлексия бытия, которая и есть понимание. При этом, как утверждает Х.-Г. Гадамер: «Бытие, которое может быть понято, есть язык... мы говорим не только о языке искусства, но также и о языке природы, и вообще о некоем языке, на котором говорят вещи» [\[22, с. 548-549\]](#).

Аналогичное определение можно дать для филологической герменевтики. Г.И. Богин пишет [\[20\]](#): «Предметом филологической герменевтики является понимание – усмотрение и освоение идеального, представленного в текстовых формах. Тексты могут быть на естественных языках или на "языках" других искусств».

Филологическая герменевтика предлагает большое разнообразие инструментов – техник понимания текста. Г.И. Богин выделяет следующие основные группы, объединяющие 105 техник [\[20\]](#): техники усмотрения и построения смыслов (создание направленности рефлексии, растягивание или категоризация смыслов, понимание схемы действия

по срезу смысловых (повествовательных) нитей, наращивание и категоризация предикаций, регулирование ожидания смыслов, достраивание рефлексий, актуализация для связывания нового знания с понимаемым и т.д.), использование рефлексорного мостика (метафоризация, актуализации фонетические, интонационные, грамматические и др., бинарное противопоставление образующих текст средств, отсылки и интертекстуальность, ирония, симметрия и др.), техники расклеивания смешиваемых конструкторов (значение и смысл, значение и понятие, содержание и смысл, ассоциация и рефлексия и т.д.), техники интерпретационного типа (восстановление смысла по значению, усмотрение и определение альтернативного смысла, самоопределение в мире усмотренных смыслов или в альтернативном смысловом мире и др.), техники перехода и замены (от смысла к значению, от значения к смыслу, от значения к понятию, от понятия к значению и др.), техники выхода (к пониманию смысла, к усмотрению и осознанию красоты или художественности, к переживанию или гармонии, к определению истинности, к формулированию идеи и т.д.). Степень формализации техник различна, однако все они представляют несомненный интерес для решения задачи осмысления знаний, представленных в текстовом виде (или, в терминах герменевтики, – для интерпретации и понимания текста).

Потенциал герменевтики в решения проблемы понимания для систем искусственного интеллекта пока сложно оценить. В большой степени это связано с отсутствием субъектности у искусственных когнитивных систем, что делает невозможной полноценную рефлексю, включающую в себя, наряду с обращением внимания на содержание и функции собственного сознания, также разбор чувств, эмоций и желаний. Между тем рефлексия является ключевым элементом большей части техник понимания текста, сформулированных в рамках филологической герменевтики. Работы, посвященные применению подходов герменевтической философии для понимания текстовых знаний в системах искусственного интеллекта, немногочисленны и полного представления о существующих перспективах в данной области не дают [\[23,24\]](#).

Сравнительно недавно в научный обиход вошел новый термин – цифровая герменевтика [\[25\]](#) – интерпретация текстов, цифровых объектов и технологий с помощью компьютера или даже искусственного интеллекта [\[26\]](#). В этом случае, однако, решается задача, обратная той, которая возникает при наделении когнитивной системы способности к пониманию смысла моделей, обобщающих знание (например, в виде текста). Цифровая герменевтика – случай расширения возможностей прикладного использования герменевтики за счет использования современных технологий, а не использование герменевтики для усиления искусственного интеллекта (его способности к пониманию).

Выводы

Резюмируем проведенное в статье исследование:

1. В последние годы наблюдается активное развитие систем искусственного интеллекта, построенных на использовании различных языковых моделей. Несмотря на существенные достижения, следует констатировать наличие препятствий для дальнейшего развития, связанных с ограниченностью языковых моделей. Необходим переход к смысловым моделям, оперирующим не словами или предложениями, а смыслами.
2. Возможным подходом к определению понятия «смысл» является представление знаний в виде обобщающих их моделей и проведение границы между моделями, исходя из их открытости или закрытости. Осмысленными моделями в этом случае будут только

открытые, применимые за пределами области познания, на основе данных по которой они создавались.

3. Достоверность открытых моделей, обобщающих знания, обеспечивается их изоморфизмом, т.е. выявлением в их формах и определяющих их законах повсеместно распространенных паттернов, свидетельствующих об интеграции моделей в систему представлений о мироздании.

4. Ключевым инструментом осознания существующего знания и рождения нового (посредством творчества) является мультисистемная интеграция знания, позволяющая на основе соединения знаний из разных предметных областей выявлять паттерны форм и законов, которые в дальнейшем могут транслироваться между предметными областями, позволяя творить и решать интеллектуальные задачи.

5. Смысл знания, понимаемый человеком (или другой естественной когнитивной системой, обладающей субъектностью), обладает выраженными чертами субъективности, делающими неизбежной телеологическую и аксиологическую интерпретацию смыслов. Проявляющаяся при этом приоритизация ценности (полезности) может способствовать повышению функциональности восприятия. Для искусственных когнитивных систем, не обладающих субъектностью и, соответственно, не способных на категоризацию интерпретаций смыслов по критерию ценности (полезности), телеологическая или аксиологическая интерпретация смыслов невозможна, а, следовательно, смысловые модели лишены субъективности.

6. Перспективным инструментом смыслового моделирования являются онтологии, реализующие формальное описание знаний из какой-либо предметной области в виде концептуальных схем с учетом имеющихся правил и связей между элементами, позволяющее автоматическое извлечение знаний. Формальные онтологии и мультисистемная интеграция знаний – подходы к осмыслению знания, взаимно дополняющие друг друга и взаимно проникающие, наиболее точно и полно определяемые в совокупности.

7. Герменевтика – деятельность, направленная на понимание текстов на естественных и любых других языках, накопила значительный арсенал прикладных инструментов – техник понимания текстов. Эти техники, очевидно, эффективны в случае использования человеком. Возможность их использования для искусственных когнитивных систем – вопрос, требующий дополнительного исследования. Можно предположить, что из-за отсутствия субъектности подходы герменевтической философии, центральное место в которой занимает рефлексия, не могут быть применены в полной мере.

[\[1\]](#) Запрещена в РФ

Библиография

1. Тулупова Т.А., Павленко С.А. Лингвистические модели-формальные методы в лингвистике // Современные инновации. 2021. № 2(40). С. 44-46. EDN: CSXQNP.
2. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
3. Khurana D., Koli A., Khatter K., Singh S. Natural language processing: state of the art, current trends and challenges // Multimedia Tools and Applications. 2022. 82(3). pp. 3713-3744. DOI: 10.1007/s11042-022-13428-4. EDN: OMUYAR.
4. Minaee S., Mikolov T., Nikzad N., Chenaghlu M., Socher R., Amatriain X., Gao J. Large Language Models: A Survey. 23 Mar 2025. arXiv:2402.06196v3. DOI:

10.48550/arXiv.2402.06196.

5. Huang L., Yu W., Ma W., Zhong W., Feng Z., Wang H., Chen Q., Peng W., Feng X., Qin B., Liu T. A Survey on Hallucination in Large Language Models: Principles, Taxonomy, Challenges, and Open Questions // ACM Transactions on Information Systems. 2024. Vol. 43. Issue 2. Article No.: 42. С. 1-55. DOI: 10.1145/3703155. EDN: FHGSXF.

6. Large Concept Models: Language Modeling in a Sentence Representation Space / LCM team, Loïc Barrault, Paul-Ambroise Duquenne, Maha Elbayad et al. 15 Dec 2024. arXiv:2412.08821. DOI: 10.48550/arXiv.2412.08821.

7. Грибков А.А. Эмпирико-метафизическая общая теория систем: монография. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2024. 360 с. DOI: 10.17513/np.607. EDN: QTOCDS.

8. Грибков А.А. Творчество как имплементация представления о целостности мира // Философская мысль. 2024. № 3. С. 44-53. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.70034 EDN: ATWDXF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70034

9. Грибков А.А., Зеленский А.А. Разумная когнитивная система с мультисистемной интеграцией знаний: возможность и подходы к формированию // Философская мысль. 2025. № 2. С. 1-11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.2.73395 EDN: HUPLGY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73395

10. Пивоев В.М. Философия смысла, или Телеология. Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. 114 с. EDN: QWJQZV.

11. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976.

12. Дорофеев Ю.В. О функциональных основаниях восприятия и понимания текста // Педагогический ИМИДЖ. 2019. Т. 13. № 3 (44). С. 321-332. DOI: 10.32343/2409-5052-2019-13-3-321-332.

13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

14. Грибков А.А., Зеленский А.А. Общая теория систем и креативный искусственный интеллект // Философия и культура. 2023. № 11. С. 32-44. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.11.68986 EDN: EQVTJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68986

15. Смирнов С.В. Онтологии как смысловые модели // Онтология проектирования: научный журнал. 2013. № 2. С. 12-19. EDN: QICWND.

16. Богуславский И.М., Диконов В.Г., Тимошенко С.П. Онтология для поддержки задач извлечения смысла из текста на естественном языке // Информационные технологии и системы (ИТиС'12). Сборник трудов 35-ой Конференции молодых ученых и специалистов ИППИ РАН. Петрозаводск, 19-25 августа 2013 г. С. 152-160.

17. Smith B. Basic Concepts of Formal Ontology / In: Formal Ontology in Information Systems. N. Guarino (Ed.). IOS Press, 1998. P. 19-28.

18. Загоруйко Ю.А., Сидорова Е.А., Загоруйко Г.Б., Ахмадеева И.Р., Серый А.С. Автоматизация разработки онтологий научных предметных областей на основе паттернов онтологического проектирования // Онтология проектирования. 2021. Т. 11. № 4 (42). С. 500-520. DOI: 10.18287/2223-9537-2021-11-4-500-520. EDN: EEHSIA.

19. Кононенко И.С., Сидорова Е.А. Методика разработки лексико-семантических паттернов для извлечения терминологии научной предметной области // System Informatics (Системная информатика). 2022. № 20. С. 25-46.

20. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001. 731 с.

21. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. Пер. А.Г. Чернякова. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.

22. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.В. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

23. Нестеров А.Ю. Проблема понимания и искусственный интеллект // Открытое образование. 2008. № 1. С. 58-63. EDN: KUUNLZ.
24. Liu T., Mitcham C. Toward Practical Hermeneutics of Fourth Paradigm AI for Science // Technology and Language. 2024. № 5(1). P. 89-105. DOI: 10.48417/technolang.2024.01.07. EDN: KBKBR5.
25. Буралкин М.Ю., Черненькая С.В. Цифровая герменевтика // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды XI Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 25-26 октября 2019 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019. С. 43-45. EDN: TJVUMH.
26. Чemezova E.P. Современные технологии и герменевтический анализ поэтического текста // Педагогика и просвещение. 2024. № 1. С. 57-66. DOI: 10.7256/2454-0676.2024.1.39927 EDN: EMZBUQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39927

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Постановка задачи и определение подходов к построению смысловых моделей знания для искусственного интеллекта» предмет исследования проблемы осмысления знаний в системах искусственного интеллекта (ИИ). Основной фокус — преодоление ограничений существующих языковых моделей: обработки естественного языка (Natural Language Processing — NLP), больших языковых моделей (Large Language Models — LLM) и крупных концептуальных моделей (Large concept models — LCP), которые обладают рядом существенных недостатков при работе с информацией.

В работе использованы методы 1) анализа современных языковых моделей (NLP, LLM, LCM), который позволил вскрыть их ограничений; 2) классификации моделей знаний на открытые и закрытые; 3) интеграции философских концепций (телеология, аксиология) и герменевтики. Исследование включает обзор научных публикаций российских и зарубежных авторов в области ИИ, философии познания и лингвистики.

Тема статьи крайне актуальна в условиях быстрого роста возможностей ИИ и необходимости преодоления ограничений языковых моделей, где ключевой проблемой остаётся неспособность систем оперировать смыслами, а не только текстовыми конструкциями. Статья затрагивает фундаментальные вопросы, необходимые для создания интеллектуальных систем нового поколения. Создание смысловых моделей, по мнению автора (ов), позволит значительно расширить функциональные возможности ИИ, обеспечивая связь между языком и реальной средой.

В целом научная новизна работы определяется введением в научный оборот новых концепций осмысления знаний. В частности, следует отметить классификацию моделей знаний на открытые (универсальные, основанные на паттернах) и закрытые (ограниченные эмпирическими данными). Особого внимания заслуживает утверждение, согласно которому механизмом осмысления имеющегося знания и формирования нового через творческий процесс выступает мультисистемная интеграция знания, позволяющая на основе соединения знаний из разных предметных областей выявлять паттерны форм и законов, которые в дальнейшем могут транслироваться между предметными областями, позволяя творить и решать интеллектуальные задачи. А анализ возможностей герменевтики и онтологий для формализации смысловых моделей привёл к выводу о

том, что обе методики имеют определённые преимущества и недостатки. Герменевтика эффективно работает для понимания и интерпретации текстов людьми, тогда как онтологии обеспечивают формализацию знаний и автоматизацию их обработки. Несколько спорным можно считать вывод, что для искусственных когнитивных систем, не обладающих субъектностью и, соответственно, не способных на категоризацию интерпретаций смыслов по критерию ценности (полезности), телеологическая или аксиологическая интерпретация смыслов невозможна, а, следовательно, смысловые модели лишены субъективности.

Структурно работа состоит из введения, основного раздела, посвящённого теоретическим аспектам осмысления знаний, и выводов. Материал изложен последовательно и логично, хотя местами с позиций философского осмысления проблематики может показаться перегруженным техническими деталями. Авторский стиль отличается чёткостью изложения и соответствует академическим стандартам. Используются термины с лаконичными формулировками (например, мультисистемная интеграция знаний), облегчающие восприятие сложных концепций. Однако некоторые фрагменты требуют внимательного прочтения для глубокого понимания.

Работа включает библиографию, состоящую из 26 источников, охватывающих различные аспекты темы: языковые модели (NLP, LLM, LCM), теории познания, герменевтика, телеология, аксиология, феноменология, философии языка. Список представлен в порядке цитирования, указаны полные библиографические описания источников. Автор (ы) активно ссылаются на существующие теории, что укрепляет их аргументацию.

Материал будет востребован среди исследователей в области философии познания, искусственного интеллекта, когнитивных технологиям. Для широкой аудитории текст может оказаться слишком специализированным, но для целевой аудитории — это ценный источник идей в области развития ИИ.

Таким образом, статья «Постановка задачи и определение подходов к построению смысловых моделей знания для искусственного интеллекта» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Сергиенко А.Ю. (Не)возможность теодицеи: влияние Лиссабонского землетрясения на философско-антропологические представления эпохи Просвещения // Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74157 EDN: CAROTP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74157

(Не)возможность теодицеи: влияние Лиссабонского землетрясения на философско-антропологические представления эпохи Просвещения

Сергиенко Алексей Юрьевич

аспирант; Центр практической философии «Стасис»; Европейский университет в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А

✉ asergienko@eu.spb.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.5.74157

EDN:

CAROTP

Дата направления статьи в редакцию:

19-04-2025

Дата публикации:

19-05-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния Лиссабонского землетрясения 1755 года на трансформацию философско-антропологических представлений эпохи Просвещения. Основное внимание исследования уделено критике лейбнианского проекта теодицеи и его аксиологическим положениям, а также формированию на основании этой критики мировоззренческих категорий "оптимизма" и "пессимизма". Исследуется, как катастрофа стала катализатором переосмысления онтологических, гносеологических и этических аспектов философской антропологии: места человека в "безразличном" космосе, пределов рационалистической интерпретации мира, проблемы нравственных оснований в условиях структурной несправедливости физического мира. Особый акцент сделан на критике провиденциализма с деистических позиций Вольтером

и с атеистических позиций философами французского материализма. Подробно исследуется роль Лиссабонского землетрясения в становлении докритической философии Канта с экспликацией интуиций его ранних произведений в теоретическую структуру критического периода, на основании чего происходит формирование положений критической "оптимизма". Методология исследования сочетает в себе историко-философскую реконструкцию дискуссии Лейбница, Вольтера и Руссо о провиденциализме, дискурс-анализ философских произведений, осмысляющих событие Лиссабонского землетрясения ("Кандид, или Оптимизм" Вольтера, "Жак-фаталист и его хозяин" Д. Дидро, "докритические" работы И. Канта), интерпретацию концепций "оптимизма" и "пессимизма" в оптике философской антропологии. Работа демонстрирует, как интеллектуальные рецепции Лиссабонского землетрясения не только эксплицировали "оптимистический" кризис лейбнизианской теодицеи, но и способствовали переосмыслению исторических и физических аспектов человеческого существования. Автор выявляет, что материалистическая оптика в философии французского Просвещения (Д. Дидро, П.-А. Гольбах, Д. де Сад) интерпретировала человеческое бытие в регистре экзистенциальных рисков. Главным выводом становится тезис о трансформации философско-антропологических представлений: человек определяется как конечное существо, вынужденное искать пути примирения разума с природой в посткатастрофическом мире. Исследование показывает, что кантовский синтез, сочетающий гносеологический "пессимизм" познания с рационалистическим "оптимизмом" автономии разума, предложил конструктивную модель для современной философской антропологии, актуальную в условиях новых глобальных вызовов.

Ключевые слова:

Лиссабонское землетрясение, теодицея, оптимизм, пессимизм, прогресс, вымирание, Просвещение, Готфрид Вильгельм Лейбниц, Вольтер, Иммануил Кант

Введение

Великое Лиссабонское землетрясение 1755 года было не только сейсмической катастрофой и гуманитарным кризисом для Португалии, но событием парадигматического значения, изменившим философско-антропологические представления эпохи Просвещения. Философская рефлексия о месте человека в мире, в котором невозможно признать справедливость и целесообразность катастрофы в отношении многих тысяч людей, жителей Лиссабона, нашла выражение в критическом осмыслении концепции теодицеи, согласно которой существующий мир — «лучший из возможных». Из критики положений теодицеи развиваются философские системы мировоззрений «пессимизма» и «оптимизма».

Целью данного исследования является анализ траекторий осмысления события Лиссабонского землетрясения в философских произведениях эпохи Просвещения. В рамках проблематики философской антропологии катастрофа требует переосмысления как: онтологическая проблема (бытие человека в условиях «безразличного» космоса), гносеологический вызов (пределы рационалистического познания мира), практико-этическая дилемма (нравственные основания человека в несправедливом мироустройстве). С историко-философской точки зрения Лиссабонское землетрясение рассматривается как теоретический «раскол» эпохи Просвещения: во-первых, приобретает теоретическое влияние деистический взгляд на природу божественной воли, что ослабляет основания веры и укрепляет независимые начала человеческого

разума; во-вторых, как следствие из первого, континуальность мира переосмысливается с материалистических позиций, укорененных в открытиях естественных и гуманитарных наук XVIII века. Объект исследования — «сейсмологический» след Лиссабонского землетрясения в философско-антропологических представлениях эпохи Просвещения. Предмет — ревизия «оптимизма» и «пессимизма» как мировоззренческих категорий, сопровождающих философскую концептуализацию человеческого существования в произведениях Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и И. Канта.

Методология исследования сочетает в себе историко-философскую реконструкцию дискуссии Лейбница, Вольтера и Руссо о провиденциализме, дискурс-анализ философских произведений, осмысляющих событие Лиссабонского землетрясения («Кандид, или Оптимизм» Вольтера, «Жак-фаталист и его хозяин» Д. Дидро, «докритические» работы И. Канта), интерпретацию концепций «оптимизма» и «пессимизма» в оптике философской антропологии. Ценность дихотомии «оптимизм» и «пессимизм» для целей исследования обосновывается, во-первых, культурологическим анализом с опорой на интеллектуальные рецепции Лиссабонского землетрясения (М. Молески, Р. Тавареш), во-вторых, анализом становления и развития этих концепций в истории идей эпохи Просвещения.

Проблематика исследования определяется рядом противоречий между «оптимистическими» и «пессимистическими» интерпретациями горизонта будущего, актуального для человеческого разума в конечном порядке мира. Проблема акцентируется на материале концептуального анализа философских позиций французского материализма (Д. Дидро, П.-А. Гольбах, Д. де Сад) как отражения внутреннего конфликта интеллектуальных тенденций эпохи Просвещения: с одной стороны, «оптимистические» воззрения на прогресс исторического человечества, с другой, «пессимистические» — на неизбежность вымирания человека как биологического вида. Концептуализация мировоззренческих положений философии французского материализма предлагается в связи с тематизацией «экзистенциальных рисков» в оптике критических исследований будущего (Т. Мойнихан). Обращение автора к работам И. Канта связано с попыткой немецкого философа преодолеть указанные противоречия через переосмысление теодицеи как отношения разума и природы в своих поздних сочинениях.

Актуальность работы связана с тремя аспектами: историко-философским — уточнение перспективы философско-антропологических представлений эпохи Просвещения в связи с интеллектуальными оценками Лиссабонского землетрясения; теоретическим — тематизация «экзистенциальных рисков» в материалистической философии Просвещения и разработка категории «негативной мудрости» (И. Кант) в рамках критического переосмысления проекта теодицеи; современным — возможность использования анализа Лиссабонского землетрясения как модели угрозы для автономии человеческого разума. Новизна исследования заключается в рассмотрении землетрясения не только как исторического факта, но как реального основания для катастрофического дискурса, изменившего философскую оценку мировоззренческих позиций.

Просвещение на руинах Лиссабона: между провиденциализмом и рационализмом

1 ноября 1755 года в католический праздник — День Всех Святых — Лиссабон, один из крупнейших городов Европы XVIII века, за шесть минут превращается в руины^[1]. Столицу Португалии сотрясает мощнейшее из виденных человечеством землетрясений. В результате главного толчка в центре города образовалась трещина, отколовшая часть Лиссабона от суши. Немного спустя, в результате падения церковных свечей, по всему

городу распространился огонь. Небо над городом заслонили полотна дыма. Пожар не могли потушить пять дней. После главного толчка, который длился 3-6 минут, вода отошла от берега в море и вернулась серией цунами, поднимая 20-метровые волны на Лиссабон. По существующим подсчетам погибли несколько десятков тысяч людей, а пострадавшими были люди по всему побережью Португалии, Испании и Марокко. Афтершоки распространились по всей Европе: от Франции до Германии и Англии. Особенно поразившим набожных свидетелей землетрясения был тот факт, что немногочисленными уцелевшими зданиями в городе оказались публичные дома на улице Руа-Формоза, в то время как все храмовые сооружения были разрушены практически до основания [\[1\]](#).

Такой удар по столице одного из крупнейших и влиятельных колониальных государств, одного из центров католического мира, где были сосредоточены все атрибуты политико-теологического могущества: дворец монарха, храмовые комплексы, флот, архивы и библиотеки, — на время парализовало центральную власть. Новость о трагическом разрушении португальской столицы была разнесена печатью по всей Европе, катастрофу обсуждали в личных переписках и в литературе. Историк Марк Молески в работе «Эта бездна огня» (англ. *This Gulf of Fire*) подробно рассматривает сейсмологический характер влияния землетрясения на культурную жизнь, интеллектуальные дискуссии и политический статус Португалии во всеевропейском значении [\[2\]](#). После случившегося португальский монарх Жозе I пребывал в растерянности, отказавшись возвращаться в разрушенный город, так что «управление катастрофой» полностью легло на министра, реформатора Себастиана Жозе де Карвалью-и-Мела или же маркиза Жозе де Помбала. Восстановление и последующее преобразование Португалии под фактической диктатурой просвещенного помбализма, стал, по словам Молески, афтершоком (англ. *fourth tremor*) Лиссабонского землетрясения [\[2, p. 121\]](#). Принцип помбализма: «Хоронить мертвых и кормить живых» [\[2, p. 187\]](#) — можно понимать как девиз господства меркантильного и прагматического разума Просвещения, непоколебимого перед ужасом природных стихий [\[2\]](#). Вместе с утверждением помбализма как официальной идеологии власти происходит централизация государственного управления, начинается активная борьба с влиянием аристократии и клерикалов путем секуляризации социальных институтов, в экономике принимается протекционистская политика, в столице проводятся урбанистические реформы, утверждается (формальное) равенство в правах жителей португальской метрополии и бразильских колоний. Кроме того, прагматика катастрофы потребовала новые, рациональные основания для интерпретации произошедшего бедствия. Помбал создал специальный опросник для населения, где предлагал ответить на ряд вопросов о характере толчков, движениях водных потоков, последовавших разрушений, смертях и практических мерах, предпринятых правительством и Церковью. Этот опросник, по сути, являлся первой попыткой эмпирического анализа сейсмической активности и ее социально-экологических последствий [\[2, p. 335\]](#). Таким образом сверхъестественный интерес к причинам землетрясения побудил становление новой области знаний — сейсмологии (от греч. *σεισμός* — землетрясение).

Вероятно, что одним из первых письменных свидетельств — но далеко не единственным — было найденное не так давно исследователями из Эксетерского университета письмо монахини, сестры Катрин Уиттэм, которая стала очевидицей землетрясения, пока мыла посуду. В письме своей родственнице Уиттэм говорит: «Мы провели день в молитвах, но с большим страхом и опасениями, так как весь день и ночь нас трясло и била дрожь» [\[3\]](#). Письмо Уиттэм не только отмечает сейсмологические аспекты землетрясения такие как форшоки, но также помещает личные переживания события в эмоционально-

психологический контекст. Как заметит философ и филолог Вернер Хамахер в своей работе, посвященной тематизации дрожи (англ. *quaking*) и проблеме саморепрезентации мышления в контексте нововременных литературы и поэзии, после Лиссабонского землетрясения «метафоричность земли и дрожи полностью утратили свою кажущуюся невинность; они больше не являлись простыми фигурами речи» [4, p. 263]. Стихийное бедствие трансформирует распространенные до этого представления о гармонической синхронии физической природы и человеческого существования. Бессилие перед лицом разрушительной стихии глубоко проникает в ощущение мира нововременного субъекта. Попадая в экзистенциальный регистр, землетрясение становится сейсмологическим нарративом, толкающим философскую рефлексию к критическому осмыслению горизонтов человеческого будущего.

Яркие страницы интеллектуальной истории Лиссабонского землетрясения написаны португальским ученым Руи Таварешем в работе «Небольшая книга о великом землетрясении» [5]. Он показывает, насколько глубоко образ Лиссабонского землетрясения вошел в культурные репрезентации катастроф будущего и даже прошлого и стал незабвенной формой коллективной памяти, навсегда закрепившей это событие в культуре как универсальную травму. Как считает Тавареш, с теоретической точки зрения Лиссабонское землетрясение стало эпицентром эпистемологического конфликта между фаталистическим (детерминизм) и скептическим (индетерминизм) подходами к истории. «Возможно ли познать модель прошлого?» [5, с. 17] — этот вопрос проблематизирует значение сингулярных событий в непрерывной последовательности исторических связей. Существуют ли «поворотные моменты» в истории или каждый день в своем роде особенный?

Использование маркизом Помбалом разрушений столицы для воплощения рациональных идеалов Просвещения являлось способом инструментализации катастрофы. Драйв модернизации повлек культурное переустройство всего колониального и католического государства, деконструкцию старых порядков, которые отстаивали сторонники влиятельного священника иезуитского ордена Габриэля Малагриды. В 1756 году Малагрида публикует работу «Суждение об истинной причине Землетрясения», где в духе проповеди о возмездии называет главной причиной несчастья греховное и недостойное поведение лиссабонцев [5, с. 151]. Помбал увидел в этом угрозу: если дело ограничивается духовными материями, если все предreshено порядком провидения, кто будет хоронить мертвых и кормить живых? И кто оценит проделанные усилия? Уже после издания книга была подвергнута новой системе цензуры, согласно выводам которой главное догматическое отступление Малагриды состояло в том, что он «настаивал на сверхъестественном происхождении Великого Землетрясения» [5, с. 155]. Стараниями одиозного премьер-министра в 1761 году Малагрида был обвинен в ереси и сожжен Инквизицией. Случившееся в 1755 году в качестве великого потрясения произошло не по прямой воле Бога. Землетрясения являются лишь естественной частью того мира, который создан в согласии с божественным замыслом. Поэтому практические следствия из катастрофы ограничиваются и определяется лишь долженствованием человека.

Рассматривая философские и литературные образцы «иллюминизма» (в работах Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма, И. Канта, Д. Дидро) — той самой просвещенной мысли, вдохновившей Помбала — Тавареш демонстрирует, что Лиссабонское бедствие стало призывом к обновлению европейской мировоззренческой парадигмы и (возможно, не всегда последовательной) критике философской аксиомы «Всё — к лучшему» (фр. *Tout est bien*) [5, с. 173]. Следовательно, необходимо проанализировать, как на фоне

землетрясения формируются «оптимистические» и «пессимистические» взгляды на судьбу человеческого рода.

Обширную генеалогию пессимизма и оптимизма в философии представляет в своей фундаментальной работе «Пессимизм. История и критика» (1877) английский философ и психолог Джеймс Сёлли. Во-первых, Сёлли предлагает понимать пессимизм и оптимизм как философские системы, отличные от «инстинктивных» настроений в бытовом поведении человека [\[6, с. 21\]](#). Как философские системы, оптимизм и пессимизм являются двумя образами детерминизма, помещающими человеко-размерную реальность в «надмирный» космологический порядок. Такие системы не сугубо умозрительные, а предлагают способы познания действительных фактов жизни. Во-вторых, философ определяет рационалистические версии пессимизма и оптимизма в Новое время как «рассудочные», отличая их, например, от «непосредственных», которые опираются на интуитивное познание. «Непосредственные» оптимизм и пессимизм характерны, например, для христианского вероучения и образов мира в романтической поэзии. Сёлли также отличает особый род «метафизического» пессимизма в философских системах А. Шопенгауэра и Э. фон Гартмана. Предмет рассудочной философской системы — «условия существования вообще всего живого в мире» и человечества, в частности [\[6, с. 21\]](#). Господствующей формой «оптимизма» в первой половине XVIII века было синтетическое учение о теодицее, предложенное Лейбницем и развитое его последователями-рационалистами. Теодицея утверждала абсолютное для мироустройства значение гармонии. Лиссабонское землетрясение стало, как описывает Сёлли, провиденциальным расколом в метафизике Нового времени, наиболее ярко отразившись в письменной дискуссии Вольтера и Ж.-Ж. Руссо о восприятии последствий катастрофы [\[6, с. 41\]](#).

Эту дискуссию подробно анализирует бразильский философ Хосе Маркес в статье, где на основании материалов переписки философов сравнивает их взгляды на справедливость «путей провидения» [\[7\]](#). Согласно Маркесу, Руссо, отвечая Вольтеру в письме, стремится защитить роль провидения на основании рационального знания, не прибегая к онтологическим или метафизическим аргументам доказательства высшей воли. Отличительная особенность позиции Руссо — антропологическая аргументация. Он возлагает ответственность за катастрофу на цивилизационные институты, развитие которых привело к инструментализации катастрофы. Руссо считает, что стихийные катастрофы — не «каприз природы», но возникают в связи с «социальными и поведенческими паттернами людей» [\[7, р. 18\]](#). Таким образом, признавая имманентность целостности мира нравственному стремлению человека, Руссо предлагает новую рецепцию оптимизма. Маркес подчеркивает практико-ориентированность позиций как Вольтера, так и Руссо, несмотря на их коренное различие: «пессимизм» признает важность человеческих переживаний и аффектов, оптимизм же призывает к автономии нравственного руководства.

В русскоязычных публикациях тематизация феноменов оптимизма и пессимизма отмечена рядом исследований философа Вадима Колмакова. Согласно Колмакову, «оптимизм» — это абстрактная категория, заключающая в себе способ позитивной оценки разных феноменов реальности. Оптимизм имеет религиозные истоки в христианстве, становится элементом мировоззрения в секулярном мире Нового времени и двигателем утопических нарративов в радикальной политике новейшей истории. Колмаков подчеркивает антропоцентрическую односторонность «оптимизма» в его ориентации на ценность физического существования человека [\[8, с. 52\]](#).

Пессимистические настроения возникают как эмоционально-детерминированная реакция на неурядицы социально-бытовых ситуаций, но после Лиссабонского землетрясения благодаря, в частности, работам Вольтера обретают структуру философской системы, которая претворяется ядром экзистенциальной негативности в постромантической философии XIX века. «Пессимистическая» мысль оспаривала претензии «оптимизма» на провиденциальное господство в мире и искала пути выхода из кризиса оптимистических нарративов XX столетия (неолиберальная коммодификация повседневности, быстрые климатические изменения, милитаризация глобальной культуры). В статье «Спор трех философов» Колмаков утверждает, что пессимистическое настроение, заложенное в поэтический скептицизм Вольтера, неизбежно трансформируется в философский фатализм. Вольтер одновременно признает страдания людей и бессмысленность случая, чем «лишает человека права на счастье» [\[9, с. 24\]](#). Пессимистическая логика, доведенная до своего предела, предполагает обреченность человека на несчастье. Руссо и Кант видят в этом угрозу свободе и на ее условии стремятся примирить человека с миром, признавая несовершенство (или ограничения возможности познания) последнего.

Первой актуальной задачей для моего исследования становится выявления идейного резонанса между пессимистической интерпретацией Лиссабонского землетрясения и материалистическими интуициями радикального французского просвещения (Дидро, Гольбах). Вместе с пессимизмом из духа Просвещения рождается практическая философия, требующая развития человеческих способностей и полагания на разум, а не на божественную справедливость. Эту «оптимо-пессимальную» амбивалентность идеалов Просвещения стремится преодолеть Кант через критику метафизики. Как я постараюсь показать в дальнейшем изложении, критическая мотивация Канта «вдохновлена» в том числе Лиссабонским землетрясением и следует за нарративом провиденциального раскола, начиная с ранних натурфилософских работ. Следует попробовать пройти через ключевые моменты этого нарратива, чтобы в антропологических обликах «пессимизма» и «оптимизма» реактуализировать философское следствия из Лиссабонской катастрофы.

Все ли к лучшему? Или рождение пессимистической философии

Нововременной феномен «оптимизма» отражает этические следствия из идеи теодицеи (от лат. *theodicea* — «богооправдание»), предложенной немецким философом Готфридом Вильгельмом Лейбницем. Очевидно, «оптимистический» тон философии был задан задолго до Нового времени в эсхатологическом учении христианства, например, в учении Аврелия Августина. Согласно исследованию воронежского философа Колмакова, термин «оптимизм» впервые был применен как понятие французскими иезуитами, выступившими с критикой геометрического метода в философии Лейбница [\[8, с. 40\]](#).

В своей поздней работе «Теодицея» (1710) Лейбниц стремится объяснить как «человеческая беда» связана с «Божественной справедливостью» и таким образом описать происхождение метафизического, морального и физического видов зла в мире. Для этого философ вызывается найти путь через «лабиринт» противоречий между свободой и необходимостью, руководствуясь принципом предустановленной гармонии. В чем заключается этот принцип, и как он позволяет решить указанную проблему?

Порядок гармонии отражает динамические отношения между двумя рядами понятий: свободой и необходимостью, душой и телом. «Ленивый разум», покоряющийся сиюминутным побуждениям, нерефлексивно принимает положение мира как обреченное и тем самым отвергает активное участие высшего порядка в совершенствовании красоты мира. Предустановленная гармония — активный принцип, который заключается в метафизическом единстве души и тела, где последнее «по своему изначальному

строению приспособлено посредством внешних предметов исполнять все то, что оно делает по воле души» [\[10, с. 67\]](#). Этот аспект гармонии Лейбниц называет «префигурацией». Выражение, происходящее из деятельного начала души, обуславливает внутреннюю свободу в префигуративных вариациях организованных тел, но также и налагает ограничения существованием в единственно-необходимом мире. По Лейбницу, из принципа следует, что «с необходимостью существует простые и непротяженные субстанции, рассеянные по всей природе», они «остаются независимыми от всех других, кроме Бога» и «не всегда бывают отделены от всякого организованного тела» [\[10, с. 82\]](#). Физический мир состоит из множества подобных простых субстанций, выражающих отношения свободы и необходимости в нематериальном единстве души и тела.

Это значит, что каждая монада как соединение формы жизни — неорганической, животной или человеческой — с множеством бесконечно малых элементов деятельной потенции — особенная и самостоятельная инстанция сущего, отличная в своем содержании от любой другой. Монады содержат в себе префигуративное начало (подобно тому, как семя содержит потенциальное развитие в дерево), позволяющее ей действовать, выражать себя в той степени совершенства, которое предусмотрено творческим замыслом. Предустановленная гармония позволяет заключить, что деятельность разума и постулаты веры не противоречат друг другу и равно необходимы, поскольку по-своему объясняют совершенное устройство мира. Разум и вера независимо друг от друга действуют в русле единого целеполагания, предусмотренного божественной волей.

В чем же заключается «оптимизм» лейбницианской философии? С точки зрения концепции теодицеи любое событие в мире происходит сообразно с порядком разумного провидения как «в лучшем из возможных миров». То, что переживается человеком в качестве зла — есть реальное несовершенство мира, но в нем самом нет абсолютной необходимости. Зло, говорит Лейбниц, «почти-ничто» [\[10, с. 143\]](#). Все, с чем мы сталкиваемся в мире, не приближает его к лучшему состоянию, ведь оно уже заведомо предваряющей волей Бога (внутри индивидуального понятия) есть совершенное. По Лейбницу, целостность единственного мира, данного в выборе «наилучшего из возможных» — это благо в совершенной степени. В этом смысле следует понимать слова философа: «Бог прежде желает блага, а затем — наилучшего» [\[10, с. 145\]](#). Отсюда также следует, что зло, явленное как несовершенство, страдание или грех, является лишь средством для восхождения ко все высшим степеням совершенства для каждой отдельной монады.

В последней части трактата, который Лейбниц посвящает физическому злу, и разрушительным действиям природных стихий, он советует «не страшиться того, что нам предопределено, и не жаловаться на то, что случается с нами» [\[10, с. 304\]](#). Если гносеологический аспект оптимизма здесь будет отвечать за постижение красоты и гармонии, в котором пребывает мир по божественной воле, то политический аспект — за пересборку религиозной догматики с помощью рационалистической философии, чтобы предложить основания для объединения католических и протестантских постулатов веры, дробивших культурное пространство современной Лейбницу Европы. Концепции теодицеи стремился дать рационалистические основания последователь Лейбница философ и просветитель Христиан фон Вольф. Его интерпретация теодицеи повлияла на философские взгляды Мозеса Мендельсона, Иоганна Готтшеда и, впоследствии, Иммануила Канта. В утилитарном ключе моральной философии идею гармонии

восприняли английские деятели науки и искусства: лорд Энтони Шефтсбери в работах «Исследования о добродетели» и «Моралисты» и поэт Александр Поп в поэме «Опыт о человеке» [\[6, с. 36; 8, с. 49; 11, с. 115\]](#). Учения о гармонии — в теологической, натурфилософской или рационалистической версиях — все так или иначе подразумевают континуальность как имманентную черту существования, поддерживаемую в каждом конкретном случае логикой теодицеи о целостности мира.

«Пессимизм» же отражает скептический взгляд французского философа Франсуа Мари Вольтера. Сам Вольтер не использовал понятие «пессимизма», зато силой своей критики популяризировал понятие «оптимизма». В действительности, крайней фигурой пессимизма в философских дискуссиях Нового времени заслуживает называться французский философ и математик Блез Паскаль за свои теоцентрические воззрения на природу человека, столь отличные от вольтеровских. Если в «пессимистической» версии философской антропологии Паскаля фундаментальной идеей было «ничтожество» человеческой природы (человек как *roseau pensant*, «мыслящий тростник»), то, согласно советскому историку философии Виталию Кузнецову, оценка Вольтером человеческого бытия — гораздо более утешительная. Он восхваляет любовь и могущество человека как совершенного творения и искушенного творца [\[11, с. 115\]](#). В данном же случае, пессимизмом могут быть названы озвученные Вольтером скептические и фаталистические настроения эпохи, укорененные в деистических представлениях о безотносительности и безразличии высшей воли к человеческому миру.

До Лиссабонского землетрясения Вольтер в духе времени верит в пуск в спонтанную и произвольную, но всеобъемлющую целостность мира (что заметно, например, еще по повести «Задиг, или Судьба»). Но после 1755 года — резко ставит под сомнение жизнь в «лучшем из миров», описывая новый философско-антропологический тип — человека, чья отдельная воля отныне полностью отчуждена от высшего понятия божественного произволения. Вопросы, которые ставит Лиссабонское землетрясение перед обществом своего времени, значительно меняют философский тон Вольтера. Он посвящает последствиям землетрясения такие работы как «Поэма о гибели Лиссабона или рассмотрение аксиомы: всё — благо» (1755) и повесть «Кандид, или Оптимизм» (1758). В поэме Вольтер, в красках описывая трагедию жителей Лиссабона, пострадавших от стихийного бедствия, высказывает сомнение оптимистической аксиоматике, пример которой видит в эстетической рецепции лейбнизианской гармонии, выраженную поэтом Александром Попом в «Опыте о человеке». На предложенную последним аксиому целостности мира: «Всё — благо», — Вольтер отвечает также в поэтической форме: «Мне Лейбниц не сказал, что вяжет ону смесь, / В устроенном других всех лучше мире здесь; / Собрание горестей, всегдашнее нестройство; / И в жизни вмешаны веселья в беспокойство» [\[12, с. 211\]](#).

В интонациях поэмы естественным образом развивается философский фатализм. Смерть — единственное следствие из жизни, определяющее также исход мира. Таков естественный порядок, заключенный в природе: «Страдаем, терпим, мрем: все кончится, родясь, / И разрушений лишь природа стала связь» [\[12, с. 211\]](#). Литературовед Илья Серман в примечаниях к русскоязычному переводу «Поэмы» замечает, что из русского перевода «Поэмы», сделанного Ипполитом Богдановичем в отдельном издании в 1802 году, по соображениям цензуры пришлось убрать некоторые особо выразительные места, поэтому в русскоязычном варианте всего 240 строк из оригинальных 272. Например, в русский перевод не вошли следующие строки Вольтера: «Настоящее ужасно, если у него нет будущего, если мрак могилы уничтожает мыслящее существо» [\[13, с. 241\]](#). Эту

атеистическую максиму, выбивающей теологические основания из-под исторической континуальности, было тяжело принять просвещенному человеку Нового времени, поскольку условия жизни в обществе и существование монархических государств того времени подразумевали сильную опору на догматы вероисповедания и религиозные представления о нормах морали.

Зло, считает Вольтер, необходимо, поскольку неизбежно и происходит с человеком в результате нравственного отступления от высших принципов целого, установленных не божественным провидением, а естественным порядком. Совершая поступок, человек производит дифференцирование вещей в целокупном объеме бытия. Нравственное отступление — это введение минимального различия между человеком-размерной причинностью и метафизической целостностью мира. Однако закон всеобъемлющего неизбежно включает это различие в естественный порядок, восстанавливая свое могущество в умножении возможностей. Вольтер тем самым отходит от строгой версии принципа предустановленной гармонии, предлагая, своего рода, «атональную» метафизику целого, где «хаос» и «космос» — это два синонима «мира» с объективной и субъективной точек зрения. Даже если мир не создан так, чтобы соответствовать представлениям о справедливости, человек, руководствуясь разумом, способен к самосовершенствованию. Континуальность всеобщей истории раскладывается Вольтером в ритмический паттерн прерываний и повторяющихся циклов.

«Оптимизм, — говорит философ устами одного из персонажей повести «Кандид», — это страсть утверждать, что все хорошо, когда в действительности все плохо» [\[14, с. 207\]](#). Нет уже эсхатологического энтузиазма в ожидании оставшегося времени, которое должно завершиться вместе с мирскими несчастьями в Откровении. «Это конец света!» — кричит Кандид из сейсмологического эпицентра землетрясения, разрушившего три четверти португальской столицы. Катастрофа открывает философскую рефлексию о «конце света» в опустошающих масштабах предшествующей человеческой цивилизации истории Земли. Результатом этой рефлексии является философский катастрофизм как следствие из пессимистического мировоззрения, которое делает *конец смыслов* (как прерывание) орудием критики теоцентризма и теодицеи, в частности. Если христианское откровение, разворачивающееся в истории апокалипсиса, свидетельствует о *смысле конца* (в котором обнаруживается основание континуальности, «нового начала»), то просвещенный человек находится тет-а-тет с безотносительной силой стихий природы. Единственное разумное решение, на которое способен человек — принять несовершенство материального мира как само условие его данности, чтобы прожить отведенное ему время, и, как говорит Вольтер, в согласии с самим собой «возделывать свой сад». Этическая максима «Кандида» звучит так: «Будем работать без рассуждений — это единственное средство сделать жизнь сносной» [\[14, с. 243\]](#).

Когда космос безразличен: французский материализм эпохи Просвещения между прогрессом и вымиранием человечества

Философско-антропологические интуиции, представленные мыслью французского Просвещения против «оптимизма» теодицеи, включают в определение человеческого бытия имманентность предельных состояний, то есть *экзистенциальные риски*. Томас Мойнихан, исследователь-футуролог, определяет экзистенциальные риски как «угрозы, имеющие уникальное моральное значение, поскольку они подвергают опасности само существование морали в мире, либо вызывая наше полное вымирание, либо необратимо ограничивая наш потенциал для достижения хороших целей» [\[15, p. 9\]](#). Не все угрозы рискуют привести к вымиранию, однако есть те, «что хуже смерти» (англ.

worse-then-death) [\[15, p. 21\]](#). Великое землетрясение в Лиссабоне — в череде прочих катастрофических событий — является экзистенциальным риском Нового времени, через призму которого может быть проанализирована интеллектуальная смута Просвещения.

Иоганн Гете, которому было шесть лет, когда землетрясение «сотрясло» историю Европы [\[3\]](#), напишет о своих воспоминаниях следующим образом: «В природе мы видим прежде всего силу, сила поглощает... прекрасное и безобразное, добро и зло — все существует с равным правом рядом» [\[16\]](#). Из слов Гете заметно, насколько в мировоззрении Просвещения были укоренены деистические тенденции: невмешательство и нейтральность Бога по отношению к явлениям сотворенного мира. Вопреки августианским и лейбницианским представлениям, лишаящих зло онтологического статуса в совершенстве мироустройства, представления о естественном происхождении религии допускают равное сосуществование добра и зла в природе. На этом фоне в мысли Просвещения развивается характерный антропометрический ритм, зависящий не от трансцендентной гармонии божественного провидения, а от индивидуальной и коллективной динамики человеческих поступков, включенных в естественный порядок вещей.

Нововременная рефлексия предельных состояний отражает адаптацию человеческой культурой противоречивых явлений прогресса: географические открытия (и колониализм), достижения эмпирических наук (и сциентизм), эксперименты в области политики и искусства (и эра просвещенного абсолютизма в Европе). Идея прогресса как направленного движения начинает господствовать как мотив всемирной истории, в которой возвышается всеобщий разум человечества. Идею прогресса для человека эпохи Просвещения впервые озвучил французский математик и социолог Николя де Кондорсе в работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». Историк философии Виталий Кузнецов подчеркивает, что просвещенная теория прогресса Кондорсе полагается на критику Вольтером теологического понимания всемирной истории как овнешнения божественной воли в материальном мире (провиденциализма и богоизбранности) [\[11, с. 186\]](#). Поэтому человек вне зависимости от своего происхождения, считает Кондорсе, может быть освобожден от злого бремени естества: «Природа не установила никаких пределов нашим надеждам» [\[17, с. 223\]](#).

Вместе с рефлексией о горизонте будущего для человеческой цивилизации разума происходит поворот к атеизму и материализму. Это укрепляет положения «пессимистического» мировоззрения, предвосхищающие земное вымирание в конечной природе человека. Пессимизм вводит в учение о морали фактор относительности, разделяющий целеполагания природы и культуры. В этом разделении культура для человека становится надежной и верной опорой будущей жизни, в то время как естественнонаучная десакрализация природы меняет взгляд на мир как на произведение безотносительных и произвольных стихий (материальных сил). Такие итоги эпохи Просвещения видит сам Вольтер: «Инстинкт, разум, необходимость в утешении, благо общества возобладали, и люди всегда питали надежду на будущую жизнь, надежду, по правде сказать, часто сопровождаемую сомнением» [\[13, с. 243\]](#). Как в рационалистическом расчете на прогресс, так и в положениях скептицизма, связанного с концом света и вымиранием, становятся заметны философские аспекты обращения человеческого разума к радикальным горизонтам будущего.

Повесть французского просветителя и философа Дени Дидро «Жак-фаталист и его хозяин» (написанная в 1773) представляет собой сатирическое и абсурдистское произведение, где автор высмеивает односторонний фатализм, полагающий судьбу как

череду неизбежных случайностей. Дидро изображает конфликт между фаталистической позицией Жака: «Все, что случается с нами хорошего или дурного, предначертано свыше», [\[18, с. 263\]](#) — и скептицизмом Хозяина, который старается в спорах с Жаком опираться на рациональные аргументы разума. В повести брат одного из главных персонажей, священник-кармелит Жан, стремится в Лиссабон, чтобы, по словам его брата, «поспеть к землетрясению, которое не могло случиться без них; чтобы оказаться раздавленным, поглощенным землей, сожженным, как было предначертано свыше» [\[18, с. 291\]](#). Дидро принимает вызов иррациональности, который Лиссабонское землетрясение бросает разуму, используя его, на что указывает Тавареш, не как теоретическую проблему, а как «сатирический прием» в контексте популярной культуры [\[5, с. 194\]](#). Мир также хаотичен как сатира — постоянные эксперименты с формой, знаки, перемещающиеся между пространством произведения и опытом чтения, и использование парадокса как дидактического метода. Дидро верит в то, что скептицизм разума и свобода воли необходимо соположены друг другу. Также Дидро не противопоставляет фатализм и детерминизм, а показывает их взаимообусловленность. Согласно Джону Роберту Лоу, исследователю философии Просвещения, решение практического разума для Дидро следует обозначать как введение различия в фаталистическую онтологию: внутри единого течения судьбы (фатализм), которое кажется абсурдным в силу непознаваемости, действует множество причинно-следственных связей (детерминизм), которые доступны познанию при условии его свободы от догматизма [\[19, p. 130\]](#).

В 1769 году Дени Дидро в диалоге со своим коллегой Д'Аламбером рассуждает в следующем ключе: «Если солнце потухнет, что произойдет? Погибнут растения, животные, земля станет одинокой и немой. Зажгите вновь это светило, и тотчас же вы восстановите необходимую причину бесконечного числа новых поколений, по отношению к которым я не решусь утверждать, что теперешние наши растения и животные возникнут вновь или нет, когда пройдут века» [\[20, с. 147\]](#). Можно рассматривать данную гипотезу философа как теоретическое признание неизбежности всеобщего вымирания в условиях земной жизни. Возможность становление разумной жизни в космосе фактически отождествляется с активностью солнечного света.

В смелой для своего времени работе «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» (1770), продвинувшей на передовые интеллектуальные позиции материализм и атеизм, философ и энциклопедист Поль-Анри Гольбах утверждал: «Материя вечна и необходима, но ее сочетания и формы преходящи и случайны; а что такое человек как не сочетание материи, форма которой меняется с каждым мгновением?» [\[21, с. 124\]](#) Хотя порой изменения бывают непредсказуемыми, а потому — угрожающими и пугающими, само свойство природы — это движение материи. Как объясняет своим читателем Гольбах, то, что человек воспринимает как неправильное, беспорядочное и случайное, является всего лишь другими видами порядка, а их проникновение в повседневную жизнь — следствием из естественных законов материи как единственной субстанции создавать явления природы. По Гольбаху получается, что онтологическая конституция человека покоится на непостоянстве условий, которые в качестве реальных формирует материя: «Людей можно считать произведениями, характерными именно для земного шара в его нынешнем положении <...> Если бы в силу какой-нибудь катастрофы Земля изменила свое местоположение, эти произведения должны были бы измениться» [\[21, с. 125\]](#).

Еще один важный такт в материалистической теории, выводящий мысль из теологической

концепции истории: человек — имманентное истории Земли существо, возникшее как произведение природы. Физические условия Земли и механические законы космоса — это, в понимании Гольбаха, то целое, сообразно с которым человеческий «род должен или измениться, или исчезнуть». Способ бытия человека — это определенное состояние Земли, направляемое движениями и комбинациями материальных единиц: атомов и молекул. Гольбах воздерживается от суждений оптимистического или пессимистического толка, занимая сенсуалистскую позицию: «все представляет собой лишь то, чем оно может быть, необходимо выступая таким, каким оно есть» [21, с. 127]. Как и Вольтер, Гольбах считает, что счастье (и добродетель для гражданина) в том, чтобы не давать душе лениться. Но душа, по Гольбаху, не отдельная от материи субстанция, а «есть само это тело» и может рассматриваться только в отношении к способам своего физического бытия. Свою материалистическую теорию души мыслитель подытоживает известным латинским афоризмом: *mens sana in corpore sano* («в здоровом теле — здоровый дух») [21, с. 139]. В Европе наступает время нового мировоззрения, требующего новых политических свобод для людей, и Гольбах, делая ставку на материалистическое равенство всего сущего, питает надежду на то, что человек откажется от иллюзии всевластия над природой и научится рационально (в общегражданском плане) пользоваться плодами своей собственной природы — поступками.

Первым, кто вводит непреодолимое различие человеческого существа с космологической метафизикой избытка, вычеркивая разум из всеобщего порядка действия созидательных сил, является французский мыслитель, мятежник и писатель маркиз Донасьен де Сад. Помещая современные ему сомнения в форму острой критики, в своем литературном произведении «Жюльетта» (1797) де Сад обрушивается на высшие идеи разума: «Нет, никто не заставлял Бога создавать человека, абсолютно и точно — никто, и если он это сделал просто-напросто для того, чтобы подвергнуть дело рук своих подобной участи, размножение человеческой породы представляется мне тягчайшим из всех преступлений, а полное исчезновение человечества — самым благородным делом» [22]. Сексуальное выражение человеческого желания, как фундаментальный нарратив произведений де Сада, взаимопринадлежит интенциям естественного мира в космологическом тождестве. Это позволяет де Саду вписать в человеческое существо естественный механизм влечения всего сущего к космической смерти, которая воплощает всеобщий характер природы, имманентный человеческому желанию. Если гипотеза о конце мира подрывает ценность моральных установок, то вымирание — это исчезновение любой моральности перед лицом космического равнодушия.

Ни Дидро, ни Гольбах не мыслят вымирание как окончательное событие (конец смыслов), а только как временное прерывание, позволяющее перераспределить энергию в мире сущего: «оптимизм» прогресса идет рука об руку с «пессимизмом» вымирания. Разумная жизнь представляется мыслителям не просто результатом космической эволюции, но и неизбежно повторяющейся ее чертой, что, по сути, перезапускает лейбницианскую метафизику гармонии во множественности миров, но теперь на материалистических и атеистических основаниях. Античный космос как самодовлеющую инстанцию упорядочивания мира в согласии с идеальным образом в космологических представлениях человека в эпоху Нового времени, согласно замечанию Александра Койре, замещает идея множественной, материальной и хаотической *Вселенной* как «открытой совокупности, связываемой единством управляющих ею законов» [23, с. 202].

Вопреки единственно-необходимому миру философов рационалистов: Декарта, Лейбница, Спинозы — французский материализм предлагает понимание Вселенной как потенциальной множественности миров, состоящих не из пассивно-претерпевающей, а

из активнодействующей материи. Эмпирическая «открытость» нового понимания космоса одновременно с темы устанавливает экзистенциальные границы, в пределах которых возможно восприятие исторического опыта и самосовершенствование человека как земного существа.

Критический «оптимизм» Иммануила Канта: границы познания и нравственности в мире катастроф

Лиссабонское землетрясение стало катализатором критической рефлексии Канта. Первые научные публикации философа были посвящены естественнонаучному осмыслению сейсмического события [\[24, с. 15\]](#). Свою статью «О причинах землетрясений по случаю бедствия, постигшего западные страны Европы в конце прошлого года» (1756) Канта начинает словами: «Мы спокойно живем на земной поверхности, основания которой по временам сильно колеблются» [\[25, с. 334\]](#). Он объясняет катастрофу естественными причинами — движением подземных газов внутри геологических полостей. Но в отличие от французских материалистов, Кант не сводит природу к механистическим законам: его написанная годом ранее «Всеобщая естественная история» (1755) описывает космос как непрекращающиеся циклы уничтожения и возрождения материи, где только разум способен найти порядок. Космос подобен мифологическому существу Феникс, который «сжигает себя, чтобы вновь возродиться юным из своего пепла» и остается «неисчерпаемым в новых проявлениях» [\[26, с. 213\]](#). Здесь Кант еще стоит на позициях рационалистического оптимизма: «Приучимся же смотреть на эти страшные разрушения как на обыкновенные пути провидения и будем взирать на них даже с некоторым чувством удовлетворения» [\[26, с. 210\]](#).

В «Опыте некоторых рассуждений об оптимизме» (1759) Кант стремится конкретизировать свои взгляды: «Мир, находящийся на той ступени лестницы существ, где начинается пропасть, которая содержит в себе неизмеримые степени совершенства, возвышающие предвечного над каждым сотворенным существом, — этот мир, говорю я, совершеннейший из всего, что конечно» [\[27, с. 11\]](#). По Канту, способность познания приобщает конечного субъекта с бесконечно творческим пространством мира. Позже, в «Критике чистого разума» (1781), философ дает критическую рецепцию своим собственным взглядам, предлагая «коперниканский поворот». Познание, считает Кант, не пассивно отражает мир, но активно структурирует его в гносеологических пределах: «Предметы должны сообразовываться с нашим знанием» [\[28, с. 35\]](#). Кант стремится преодолеть «оптимо-пессимальную» дихотомию, опираясь на способность разума находить смысл даже в естественном хаосе путем исследования априорных форм познания.

В силу того, что природа в Новое время осмысляется как внешнее условие единства явлений в опыте, вопрос о космическом непостоянстве материальных состояний природы — животрепещущий для исторической рефлексии о судьбе человека, особенно, в контексте времени *просвещенного* абсолютизма, эпохи правления Фридриха II в Пруссии. В статье «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» (1784), которую Иммануил Кант посвящает прусскому монарху, философ провозглашает девизом века Просвещения формулу: «имей мужество пользоваться своим умом» [\[29, с. 29\]](#). «Мужество» происходит из секулярной автономии разума от веры, что делает его «совершеннолетним». Гарантировать эту автономию может только природа, которая «склоняет и призывает к свободе мысли» [\[28, с. 39\]](#).

Вслед за проектами политических институтов природы у Жана Бодена, Шарля де Монтескье и Жан-Жак Руссо в проекте «всеобщей истории» Иммануил Кант обращается к аналогии, чтобы предложить синтез человеческой истории и физической истории Земли не только как философский, но и как политический проект «вечного мира». Естественные ограничения объективны для человека, но тем не менее служат основанием для космополитического сознания, которое признает за человеком универсальные принципы гражданственности. В девятом положении своих «Идей всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) Кант пишет: «Попытка философов разработать всемирную историю согласно плану природы, направленному на совершенное гражданское объединение человеческого рода, должна рассматриваться как <...> содействующая этой цели природы» [\[30, с. 261\]](#). Всему природному свойственен «раздор», порождающий непредсказуемый и свободолюбивый дух соперничества, продуктивный, как считал Кант, для культурного воспитания, научного познания мира и нравственного совершенствования человека. Естествознание должно быть первым примером опытного знания, чтобы существование человека и необходимость природы обрели единый вектор целеполагания. Культура и природа развиваются в телеологическом взаимодействии: целеполагание человека продолжает цели природы за пределами физиологических «инстинктов». В состоянии вечного гражданского мира просвещенный субъект разума сможет бросить вызов трудностям и преодолеть «естественное состояние» разобщенности.

Согласно современному исследователю будущего Томасу Мойнихану, философский катастрофизм второй половины XVIII века «символизирует отход от восприятия нашего космического окружения как бесконечно принимающей колыбели качественной ценности и безопасности <...> к восприятию его как обволакивающей топографии опасностей, по которым нужно вечно ориентироваться с помощью количественных показателей и непрерывно корректировать курс» [\[31, р. 104\]](#). В своей работе «Спинальный катастрофизм» Мойнихан отмечает, что интеллектуальные оценки Лиссабонского землетрясения стали важным фактом кантовской биографии и нашли отражение не только в ранних, «докритических», работах, но и в зрелых сочинениях философа [\[32, р. 44\]](#). Например, в «Критике способности суждения» (1790) в главе «Аналитика возвышенного» Кант исследует формы познания эстетических идей в связи с понятием «потрясения» (нем. *Erschütterung*). Мойнихан представляет философию Канта как продукт травматического столкновения с действием природных стихий, где Лиссабонское событие становится архетипом для понимания кантовского «возвышенного чувства» и критики всесия разума, которую адресует человеку как бы сама природа. Через геологические и биологические метафоры Мойнихан показывает, что идеи Канта являются не абстрактными конструкциями разума, а попыткой сформулировать ответ на «потрясения» реального мира, обнажающие хрупкость человеческого бытия и ограниченность познания.

Масштаб массовых разрушений, которые способны создавать стихийные бедствия, поселяет в душе человека страх. Источник этого страха, как считает Кант, коренится в несоразмерности конечного (человека) и бесконечного (природы). Объектом возвышенного чувства, согласно «Аналитике возвышенного», являются эстетическое переживание чрезвычайных явлений природы. В качестве переживания «возвышенное» преподносится аффектом «трепета» или «потрясения», которые немецкий философ, используя знакомый ему «сейсмологический» нарратив, описывает «быстро сменяющимся отталкиванием и притяжением одного и того же объекта» [\[33, с. 96\]](#). Базовые материальные силы, лежащие в основании космоса — притяжение и

отталкивание, — в «Критике способности суждения» выступают в качестве эстетических стихий: «чем страшнее их вид, тем более он притягивает нас» [\[33, с. 100\]](#). Однако, считает немецкий мыслитель, когда возвышенное чувство «вмещает» в себе переживание бесконечного, человек получает внутреннюю возможность к установлению дистанции с объектом возвышенного и вместе с тем — к эстетическому преодолению власти природных стихий и «критики природы» в нравственной автономии разума: «Возвышенность содержится не в какой-либо вещи природы, а только в нашей душе в той мере, в какой мы можем сознавать свое превосходство над природой в нас, а тем самым и над природой вне нас» [\[33, с. 103\]](#).

Кант предлагает искать пути договора разума с природой, поскольку если разум обладает законотворческими prerogative в мышлении, то природа позволяет регулировать эти законы в рамках справедливой «конституции» общегражданского плана. В своей статье «О неудачах всех философских позиций теодицеи» (1791) Кант находит замысел теодицеи несостоятельным именно потому, что в ее метафизике не предусматривается равномерное распределение избытка, который порождает физические явления зла. Это выражается в несовершенстве структуры моральной экономики теодицеи: преступления и разрушения не всегда в должной мере компенсируются возмездием и восстановлением [\[34, с. 140\]](#). Как считает Кант, не принцип предустановленной гармонии позволяет принять человеку его хрупкое положение в мире, а *негативная мудрость*. Если мудрость вообще — это «свойство воли согласовываться с высшим благом как конечной целью всех вещей», то, согласно немецкому философу, негативная мудрость — есть «сознание неизбежной ограниченности наших дерзаний» на то, что превосходит сущность человека [\[34, с. 148\]](#). «Всякая теодицея должна быть, собственно, истолкованием природы, коль скоро через Природу Бог обнаруживает намерение своей воли» [\[34, с. 149\]](#), — важное дополнение Канта к его рационалистической идее «всеобщей истории». Кант предполагает целесообразные основания в деятельности природных начал, которые соответствуют телеологии человеческого разума, и выражает уже более сдержанный, критический «оптимизм», представляя человека как имманентное, но несводимое к физическим условиям Земли существо. Тем самым Кант отказывается от формального принципа предустановленной гармонии между человеком и природой в пользу их взаимообусловленного сосуществования. Человеческий вид способен и открыт к прогрессу в общемировом плане, но сама жизнь разума не ограничивается конечным антропологическим измерением.

Немецкий философ XX века Якоб Таубес в своей работе «Западная эсхатология» называет Лиссабонское землетрясение «открытой глубиной, которую система разума не в состоянии постичь» [\[35, р. 86\]](#). В этой глубине — проблема истоков физического зла, которая будет в качестве вызова сопровождать диалектическое мышление философов немецкого романтизма. Кант был первым, кто попытался ответить на этот вызов. На фоне перемен в философско-антропологических воззрениях Нового времени эсхатологическая концепция конца мира как причины его качественного преобразования в новый, более совершенный, все еще остается значимой в философском воображении Просвещения, хотя и становится «человеческим уделом». Общемировое положение разума сопряжено таким образом не с провидением, а с императивом нравственного долга: необходимо поступать и воспитывать себя так, чтобы располагать возможностью лучшего из миров не как объективным положением вещей, но как субъективной потенцией.

Заключение

Анализируя философские произведения и труды деятелей эпохи Просвещения, автор исследования приходит к заключению, что Лиссабонское землетрясение 1755 года было фактором радикальной трансформации интеллектуальных парадигм своего времени. Проведенное исследование позволило проследить траектории осмысления этого события в контексте аргументов критики теодицеи, формирования материалистических идей и становления критической философии Иммануила Канта в связи с интересами его ранних работ. Важным теоретическим аспектом, связанным с рефлексией над причинами и следствиями Лиссабонского землетрясения, стала артикуляция мировоззренческого конфликта в положениях «оптимизма» и «пессимизма». В исследовании представлена попытка поэтапно изложить краткую генеалогию данного конфликта.

Первые интеллектуальные рецепции Лиссабонской катастрофы её современниками эксплицировали критику метафизического учения Готфрида В. Лейбница и спровоцировали «провиденциальный раскол» эпохи Просвещения. Если Лейбниц, согласно своему принципу предустановленной гармонии, предполагал, что зло как таковое лишено онтологического статуса, то событие землетрясения утвердило его данность как компонент мира, не поддающийся теологической интерпретации. С деистических позиций Вольтер, через сатирические приёмы «Кандида» и поэтическую рефлексию, подверг сомнению «оптимистическую» аксиому теодицеи: «всё — к лучшему», — заменив её фаталистическим признанием хаотичности мира. Его «пессимизм», однако, не стал отрицанием разума, но стимулировал поиск этических оснований в условиях безразличной к человеческой морали природы.

Критически развивая интуиции Вольтера, французские материалисты — Д. Дидро, П.-А. Гольбах, Д. де Сад — интерпретировали физическую нестабильность мира не как несовершенство божественного замысла, а как имманентное свойство материальной природы. Человек в материалистической оптике является конечным и преходящим продуктом исторических сил, перед которым в качестве перспектив раскрывается дилемма исторического прогресса и космического вымирания. Согласно мысли французских просветителей, преодолеть её он способен лишь с опорой на разум. Дидро, высмеивая односторонний фатализм в «Жаке-фаталисте», подчеркивал взаимосвязь свободы человека и рассудочного детерминизма: даже в превратностях судьбы разум способен обнаружить причинно-следственные закономерности. Гольбах, отрицая трансцендентное измерение человеческого бытия, определял его через динамику «состояний Земли», где отдельная катастрофа — всего лишь естественный этап материальных трансформаций мира. Маркиз де Сад, доводя логику материализма до этических крайностей, видел в космическом равнодушии основу для критики моральных догм. Таким образом, материализм XVIII века, возникший как опосредованная реакция на катастрофу, сформулировал положения философской антропологии, согласно которым конечность и уязвимость человечества становятся условиями развития его потенциала к всестороннему познанию мира.

Иммануил Кант, начавший свой академический путь с естественнонаучного анализа Лиссабонского землетрясения, в поздних работах предложил синтез рационалистического «оптимизма», утверждающего самостоятельность разума, и гносеологического «пессимизма», устанавливающего границы человеческого познания. Признавая нецелесообразность трансцендентных положений теодицеи, Кант ввел понятие «негативной мудрости» как осознания человеком пределов разума, которые, однако, не отменяют самоценности его автономии. В «Критике способности суждения» стихийные катастрофы интерпретируются через категорию возвышенного: «потрясение»

становится категорией эстетического познания, открывающим взаимосвязь конечных способностей человека с бесконечно производящими силами природы. Этот подход позволил Канту переосмыслить теодицею в терминах взаимного целеполагания природы и разума.

Анализ интеллектуальных рецепций Лиссабонского землетрясения выявил его роль как катализатора катастрофического дискурса, повлиявшего на формирование нововременных концепций человека. Проведенное исследование подтвердило, что землетрясение стало фактором переосмысления человека с точки зрения исторических и физических фактов его существования. Каждый этап анализа, предложенный в исследовании — от «пессимистической» критики теодицеи Вольтером до становления кантовского критического «оптимизма» — выявил аспекты трансформации философско-антропологических представлений эпохи Просвещения, которые я предлагаю обобщить следующим образом.

Во-первых, явления физической природы не согласуются с метафизическим принципом гармонии, но соответствуют целеполаганию разума. Во-вторых, бытие человека и бытие разума не тождественны, но имманентно взаимообусловлены. В-третьих, основания этики предусмотрены не высшим провидением, а субъективной ответственностью и нравственным руководством человека. Эти выводы открывают перспективы для дальнейших исследований, в частности, трансформаций катастрофического дискурса в новейшей истории и компаративного анализа интеллектуальных рецепций катастроф в связи с философской интерпретацией горизонтов человеческого существования. В этом контексте Лиссабонское землетрясение остается не только историческим фактом, но — в контексте философского осмысления — метафорой универсального вызова, который природа способна преподнести историческому существованию человечества.

[1] Это наглядно показывают картины, отражающие Великое Лиссабонское землетрясение в глазах современников, например, работа «Лиссабон до и во время землетрясения 1755 года» итальянского художника Джованни Пиранези, сравнивающая город до и после катастрофы, а также гравюра «Землетрясение 1755 года в Лиссабоне» Матеуса Саутера. Архитектурные последствия разрушения в своей графике изобразил французский иллюстратор Жак-Филлип Ле Бас.

[2] Марк Молески ставит под сомнение авторство этой фразы как исторический миф. Фраза, ставшая крылатой, принадлежала другому деятелю португальской истории, маркизу Алорно, управляющему индийскими колониями. Тем не менее, замечает Молески, симптоматично, что фраза приписывается именно Помбалу, поскольку это объясняет стремительный характер его политического восхождения.

[3] Именно в таких терминах опишет это событие Гете в письме своему другу, немецкому филологу Вильгельму Гумбольдту в 1830 году, подчеркивая эмоциональную ассоциацию с историческим явлением Французской революции

Библиография

1. Гусяков, В. Потрясение Европы / Наука из первых рук. - 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://scfh.ru/papers/potryasenie-evropy/> (дата обращения: 09.03.2025).
2. Molesky, M. This gulf of fire: the destruction of Lisbon, or apocalypse in the age of science and reason / Vintage books, 2016. - 528 p.
3. Bell, V. 'Things before me danced up and down upon the table': British nun's rare and vivid first-hand report of the 1755 Lisbon earthquake reveals it hit while she was doing the

- washing up / MailOnline, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-6799009/amp/Unearthed-letter-British-nun-gives-womans-perspective-Lisbon-earthquake.html> (дата обращения: 26.04.2025).
4. Hamacher, W. The Quaking of Presentation, in *Premises: Essays on Philosophy and Literature from Kant to Celan* / Tr. by P. Fenves. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. - 393 p.
5. Тавареш, Р. Небольшая книга о великом землетрясении: очерк 1755 года / пер. с португальского Е. Голубевой. - Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. - 237 с.
6. Сёлли, Дж. Пессимизм. История и критика / под ред. и с предислов. В. И. Яковенко. Изд. 2-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2007. - 360 с.
7. Marques, J. O. A. The Paths of Providence: Voltaire and Rousseau on the Lisbon Earthquake // *Cadernos de História e Filosofia da Ciência*. - Campinas: CLE-Unicamp, Série 3, 2005. - V. 15, n. 1, jan-jun. - С. 33-57.
8. Колмаков, В. Б. Феномен оптимизма // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. - 2013. - № 1. - С. 40-56.
9. Колмаков, В. Б. Спор трех философов // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. - 2015. - № 3. - С. 21-32.
10. Лейбниц, Г. В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла // *Сочинения в четырех томах. Т. 4* / Редкол.: Б. Э. Быховский, Г. Г. Майоров, И. С. Нарский и др.; ред. тома, авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. - М.: Мысль, 1989. - С. 49-413.
11. Кузнецов, В. Франсуа Мари Вольтер / М.: Мысль, 1978. - 223 с.
12. Богданович, И. Ф. Поэма на разрушение Лиссабона // *Стихотворения и поэмы*. - Л.: Советский писатель, 1957. - С. 207-212.
13. Серман, И. З. Комментарии: Богданович. Поэма на разрушение Лиссабона // И. Ф. Богданович. *Стихотворения и поэмы*. - Л.: Советский писатель, 1957. - С. 241-244.
14. Вольтер Стихи и проза / Сост., вступ. ст. М. Кудинова; коммент. А. Михайлова. - М.: Моск. рабочий, 1987. - 381с. 15.
15. Moynihan, T. X-risks. How Humanity Discovered Its Own Extinction / MIT Press, 2020. - 472 p.
16. Конради, К. О. Гете. Жизнь и творчество. Том 1 / пер. с нем.; предисл. и общая редакция А. Гугнина. - М.: Радуга, 1987. [Электронный источник] URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/konradi-gete-t1/lissabonskoe-zemletryasenie.htm> (дата обращения: 29.03.2025).
17. Кондорсе, Н. де. Эскиз исторической картины Прогресса человеческого разума / М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. - 267 с.
18. Дидро, Д. Жак-фаталист и его хозяин / пер. с франц. Г. Ярхо. - М.: Художественная литература, 1973. - С. 257-474.
19. Loy, J. R. Diderot's Determined Fatalist: A Critical Appreciation of "Jacques le Fataliste" / New York: Columbia University Press, 1950. - 234 p.
20. Дидро, Д. Разговор Даламбера и Дидро // *Избранные философские произведения*. - М.: ОГИЗ, 1941. - С. 143-153.
21. Гольбах, П.-А. Система природы, или о Законах мира физического и мира духовного // *Избранные произведения в двух томах. Т. 1*. - М.: Академия наук СССР, Издательство социально-экономической литературы, 1963. - 715 с.
22. Сад, М. де. Жюльетта: Роман. Том 2 / пер. с франц. - М., 1992. [Электронный ресурс] URL: <https://www.lib.ru/INOOLD/DESAD/juli2.txt> (дата обращения: 25.03.2025).
23. Койре, А. Галилей и законы инерции // *Этюды о Галилее* / пер. с фр. Н. А. Кочинян. - СПб: НЛО, 2022. - 432 с.

24. Личков, Б. Природные воды Земли и литосфера / Издательство Академии наук СССР, 1960. - 164 с.
25. Кант, И. О причинах землетрясений по случаю бедствия, постигшего западные страны Европы в конце прошлого года / пер. Б. А. Фохта // Кант, И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 1. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 333-342.
26. Кант, И. Всеобщая естественная история и теория неба / пер. В. А. Костицына и Б. А. Фохта // Кант, И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 1. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 113-260.
27. Кант, И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме // Кант, И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 2. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 5-14.
28. Кант, И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. - М.: Наука, 1999.
29. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? / пер. Ц. Г. Арзаканьяна // Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 29-38.
30. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 12-29.
31. Moynihan, T. The Intellectual Discovery of Human Extinction. Existential Risk and the Entrance of the Future Perfect into Science. - oriel college, 2018. - 414 p.
32. Moynihan, T. Spinal Catastrophism: A Secret History. - MIT Press, 2019. - 352 p.
33. Кант, И. Критика способности суждения // Из Кант, И. Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 5. / М.: ЧОРО, 1994. - 414 с.
34. Кант, И. О неудачах всех философских позиций теодицеи // Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 138-157.
35. Taubes, J. Occidental Eschatology / Stanford University Press, 2009. - 215 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в тексте сформулирован несколько неловко: «В качестве предмета исследования данной статьи — философская рефлексия о положении человека в космосе, выраженные в феноменах «оптимизма» и «пессимизма»». Из текста становится ясно, что статья посвящена рассмотрению влияния Лиссабонского землетрясения 1755 года на философскую мысль эпохи Просвещения. Основная цель — проанализировать, как эта трагедия вызвала серьёзные философские дискуссии и подтолкнула к переоценке взглядов на человечество и его место в мире, создав условия для возникновения философского спора между оптимизмом и пессимизмом.

Методология исследования автором абсолютно не раскрыта.

Актуальность исследования автором никак не обозначена.

Научная новизна не ясна. Как отмечает сам автор: «Интеллектуальная история Лиссабонского землетрясения сегодня хорошо известна». Автор приводит ссылки на работы историка Марка Молески (который в работе *This Gulf of Fire* «подробно рассматривает влияния землетрясения на культурную жизнь, интеллектуальные дискуссии и политический статус Португалии во всеевропейском значении») и бразильского философа Хосе Оскара де Алмейда Маркеса, проанализировавшего полемику между Вольтером и Руссо относительно Лиссабонского землетрясения, но, к сожалению, не проводит анализа того, что уже было сделано предшественниками, а что лишь предстоит сделать. Соответственно, нельзя понять, насколько ново дальнейшее содержание статьи или же это просто «переоткрытие» уже известных фактов.

Стиль и структура текста вполне типичны для жанра научной статьи, но к содержанию

имеются замечания.

Некоторые ссылки не корректны, так как не содержат указания страниц, на которых размещена та информация, к которой апеллирует автор статьи. Например: «Феномен «оптимизма» отражает этические следствия из идеи теодицеи (от лат. theodicea — «богооправдание»), предложенной немецким философом Готфридом Вильгельмом Лейбницем и поддержанной его последователем Христианом фон Вольфом, а также некоторыми английскими философами-деистами (Г. Болингброк, А. Поп, лорд Э. Шефтсбери)[2]».

Также следует отметить, что текст недостаточно вычитан, содержит опечатки, нарушения норм русского языка. Например, «На авансцене Лиссабонского землетрясение» (должно быть «землетрясения») бразильский философ Хосе Оскар де Алмейда Маркес анализируют интеллектуальную дискуссию в переписке между Вольтером и Жан-Жаком Руссо, которая разделила их позиции на разумную роль провидения и, в конечном счете, поссорила двух философов». Словосочетание «на авансцене землетрясения» выглядит странно.оборот «их позиции на разумную роль провидения» тоже выглядит неудачным, можно заменить на «их взгляды».

Смысл некоторых предложений может быть и вовсе непонятным, как то: «В своей работе «Спинальный катастрофизм» отмечает, что последствия осмысления Лиссабонского землетрясения для «Критики способности суждения» (1790), работе Канта, посвященной эстетическим идеям [22]».

Библиографический список содержит 24 источника. Это научная литература на русском и английском языках. Подбор литературы выглядит релевантным тематике статьи.

Апелляция к оппонентам не выражена. Автор текста ни с кем не полемизирует, напротив, несколько раз солидаризируется с мнением российского историка философии Виталия Кузнецова. Собственное мнение автора в тексте не выражено.

Итоговый вывод автора такой: «Лиссабонское землетрясение можно считать «философской» катастрофой. Оно выступает своеобразным разломом эпохи Просвещения, раскалывающим теологический исток метафизики целостности мира на естественнонаучную космологию и антропологию человека. Экзистенциальное потрясение катастрофой дало концептуальное начало теоретическому спору мироощущений, оптимизма и пессимизма, в работах Вольтера, Жан-Жака Руссо, Дени Дидро, Поль-Анри Гольбаха, Иммануила Канта». Однако он выглядит слабо обоснованным. Влияние Лиссабонского землетрясения на творчество всех этих авторов показано явно недостаточно. Так, например, не приведено никаких цитат из Канта, которые доказывали бы влияние этого события на его философию.

В данном виде статья не годится для печати. Автору рекомендуется её существенно доработать для устранения замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена весьма интересной теме – восприятию современниками Лиссабонского землетрясения. Хорошо известно, что это событие, действительно, произвело глубочайшее впечатление как на «просвещённое общество», так и на простых людей. Можно ли на основании этого заключить, что само событие и его оценки представляют интерес для философского исследования? Безусловно, тем более, что среди произведений, авторы которых так или иначе откликнулись на Лиссабонское землетрясение, был и Вольтер, один из «властителей дум» эпохи,

оказавшийся и участником философских дискуссий своего времени. Автор упоминает, естественно, «Кандида», произведение, которое по своему (формальному) жанру является «философской повестью»; оно было написано вскоре после рассматриваемого события и апеллировало к нему в полемических целях. Правда, землетрясение не было, как известно, единственным источником, инициировавшим стремление Вольтера высмеять «неуместный оптимизм», не меньшую роль сыграло, например, его не вполне удачное путешествие в Пруссию. Однако произведённое этим событием влияние на современников – лишь повод для обращения к теме, и автор, понимая это, специально останавливается на определении предмета исследования и обосновании его актуальности. И вот здесь читателя статьи ожидают настоящие «потрясения», правда, не трагического, а, скорее, комического характера. Дело в том, что автор стремится рассмотреть избранный им вопрос с философско-антропологической точки зрения, но то ли по невнимательности, то ли по каким-то другим причинам вместо «философско-антропологический» постоянно говорит «антропологический». Уже в названии фигурируют «антропологические воззрения эпохи Просвещения». Естественно, читатель, который задумается на смысле подобных формулировок, должен будет удивиться и ... улыбнуться. В самом деле, что такое, например, «антропологические парадигмы эпохи»? Автор интересовался, что вообще изучает антропология (за пределами «философской антропологии»)? А что можно сказать об «антропологической интерпретации концептов «оптимизма» и «пессимизма»? Или об «антропологическом повороте в Просвещении»? В этом же ряду стоит и «ревизия «оптимизма» и «пессимизма» как антропологических категорий» и т.п. А тому, что землетрясение не только «эксплицировало историко-философский кризис теодицеи» но и «произвело антропологический сдвиг», не следует уже и удивляться. В тексте все подобного рода выражения не снабжены даже кавычками, как в рецензии, где они выступают в качестве цитат, поэтому в целом они производят, повторим, именно комическое впечатление. Автору, кажется, вообще трудно справиться со своим языком... – или с мыслью, которую он в него облачает? Часто это приводит и к смысловой путанице, например: «Проблема формулируется как противоречие между антропоцентризмом ... и децентрирующим опытом...»... Здесь нет формулировки проблемы! А в самом начале стоит «...не просто природной катастрофой, но событием эпистемологического масштаба...»: события «эпистемологического масштаба» – нечто более значительное, чем «просто» «природные катастрофы»? А что может означать выражение «...категорий, сформированных под влиянием последствий катастрофы...». Что это за «категории»? Или: «сатирическое и абсурдное произведение»... Абсурдное или «абсурдистское»? Ещё раз то же самое: «...на позициях рационального оптимизма...». Рационалистического? Разумеется, публиковать подобный текст в научном журнале преждевременно. Может быть, автор «поработает над языком» и всё же сформулирует, какое значение имела катастрофа именно для эволюции философско-антропологических представлений последующих десятилетий, но пока рецензируемый материал трудно оценить как научную статью. Конечно, в тексте и очень много фрагментов, которые просто не имеют отношения к философской проблематике, разнообразных свидетельств, описаний бедствий и т.п. Представляется целесообразным рекомендовать автору принципиально переработать текст статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования является философско-антропологический анализ Лиссабонского землетрясения 1755 года как события, трансформировавшего представления о человеке и его положении в мире в эпоху Просвещения. Автор исследует ревизию "оптимизма" и "пессимизма" как мировоззренческих категорий в произведениях Вольтера, Руссо, Дидро и Канта, прослеживая, как катастрофа стала катализатором критики теодицеи и переосмысления отношений между человеком, природой и божественным провидением.

Методология исследования

Автор использует комплексную методологию, включающую:

Историко-философскую реконструкцию дискуссии Лейбница, Вольтера и Руссо о провиденциализме;

Дискурс-анализ философских произведений, осмысляющих событие Лиссабонского землетрясения;

Интерпретацию концепций "оптимизма" и "пессимизма" в оптике философской антропологии.

Методология основана на анализе интеллектуальных рецепций землетрясения и становлении этих концепций в истории идей эпохи Просвещения. Автор успешно сочетает хронологический и проблемный подходы, что позволяет проследить эволюцию философских идей, вызванных переосмыслением катастрофы.

Актуальность

Актуальность исследования обоснована в трех аспектах:

Историко-философский: уточнение перспективы философско-антропологических представлений эпохи Просвещения в связи с интеллектуальными оценками Лиссабонского землетрясения;

Теоретический: тематизация "экзистенциальных рисков" в материалистической философии Просвещения и разработка категории "негативной мудрости" в рамках критического переосмысления проекта теодицеи;

Современный: возможность использования анализа Лиссабонского землетрясения как модели угрозы для автономии человеческого разума.

Работа актуальна также в контексте современного интереса к катастрофическому дискурсу и его влиянию на философскую антропологию. Исследование демонстрирует актуальность исторического опыта осмысления катастроф для современной философской рефлексии.

Научная новизна

Научная новизна заключается в рассмотрении Лиссабонского землетрясения не просто как исторического факта, но как основания для формирования катастрофического дискурса, трансформировавшего философскую антропологию эпохи Просвещения. Автор предлагает оригинальную интерпретацию "сейсмологического следа" в истории философии и его влияния на концептуализацию человеческого существования.

Заслуживает внимания выявление автором философских импликаций материалистических и деистических тенденций в связи с переосмыслением катастрофы, а также анализ того, как землетрясение способствовало становлению критической философии Канта, начиная с его ранних натурфилософских работ.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет логичную структуру, развивающую тезис о трансформации философско-антропологических представлений под влиянием Лиссабонского землетрясения. Материал организован в соответствии с хронологическим и концептуальным развитием проблемы, что обеспечивает последовательность изложения.

Стиль изложения научный, но в тексте присутствуют некоторые стилистические неровности. Автор успешно сочетает историко-философский анализ с теоретическими обобщениями, однако временами злоупотребляет сложными синтаксическими конструкциями, что затрудняет восприятие текста.

По содержанию автор последовательно раскрывает три концептуальных блока:

Анализ Лиссабонского землетрясения как вызова для теодицеи Лейбница и формирование "пессимистической" философии Вольтера;

Исследование французского материализма между идеями прогресса и вымирания человечества;

Анализ критического "оптимизма" Канта как попытки переосмысления границ познания и нравственности в мире катастроф.

Положительной чертой содержания является междисциплинарный подход, сочетающий историко-философский анализ с элементами культурологии, истории идей и социальной философии.

Библиография

Библиография статьи представительна и включает 35 источников на русском, английском, французском языках. Автор обращается к классическим философским текстам (Лейбниц, Вольтер, Кант, Дидро, Гольбах), современным исследованиям по теме (Тавареш, Молески, Мойнихан), а также релевантным историко-философским работам.

Библиографический аппарат правильно оформлен и отражает широкую эрудицию автора. Ценным аспектом является привлечение как источников XVIII века, так и новейших исследований (включая работы 2020-х годов), что обеспечивает историческую глубину и современную перспективу анализа.

Апелляция к оппонентам

Автор критически рассматривает различные интерпретации влияния Лиссабонского землетрясения на философскую мысль, апеллируя к работам современных исследователей (Колмаков, Маркес, Мойнихан). В статье приводятся альтернативные объяснения трансформации философско-антропологических представлений эпохи Просвещения, что свидетельствует о научной объективности и стремлении к многостороннему анализу.

Присутствует критический диалог с исследователями, придерживающимися различных интерпретаций "оптимизма" и "пессимизма" в истории философии. Однако можно было бы усилить полемический аспект работы, более четко артикулировав контраргументы в адрес существующих трактовок влияния землетрясения на философию Просвещения.

Выводы, интерес читательской аудитории

Автор делает обоснованные выводы, обобщая результаты исследования в три ключевых положения:

Явления физической природы не согласуются с метафизическим принципом гармонии, но соответствуют целеполаганию разума;

Бытие человека и бытие разума не тождественны, но имманентно взаимообусловлены;

Основания этики предусмотрены не высшим провидением, а субъективной ответственностью и нравственным руководством человека.

Исследование представляет интерес для широкой читательской аудитории: историков философии, культурологов, антропологов, а также специалистов, занимающихся проблемами катастрофического дискурса и философии будущего. Работа также может быть полезна для исследований в области взаимосвязи исторических событий и интеллектуальных трансформаций.

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет собой оригинальное исследование, вносящее вклад в историко-философское понимание влияния Лиссабонского землетрясения на философскую антропологию эпохи Просвещения. Автор успешно демонстрирует, как катастрофа способствовала трансформации представлений о месте человека в мире и пересмотру концепции теодицеи.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. Историческая индивидуация в свете спекулятивной онтологии и нового материализма у Мануэля Деланда // Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74178 EDN: TAPXHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74178

Историческая индивидуация в свете спекулятивной онтологии и нового материализма у Мануэля Деланда

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент, кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.5.74178

EDN:

TAPXHH

Дата направления статьи в редакцию:

21-04-2025

Аннотация: В данной работе рассматривается концепция индивидуации как исторического процесса, разработанная представителем спекулятивной онтологии и нового материализма Мануэлем Деландом. Цель данной статьи – не только переосмыслить проблему становления индивидуальных сущих (индивидов, институтов, городов и национальных государств), но и рассмотреть ее в контексте концепции «ассамбляжа» («сборки»). Иными словами, историческая индивидуация у Деланда – это концепция, описывающая процесс формирования и стабилизации социальных, культурных и материальных сущих через взаимодействие разнородных элементов в рамках социальных ассамблеж. Деланд заимствует термин «индивидуация» у Ж. Симондона, но переосмысливает его в плоскости своей спекулятивной онтологии, объединяющей нелинейные материальные процессы, контингентность и эмерджентность. Отсюда следует, что все сущие – от молекул до городов, от бактерий до алгоритмов – существуют в одной плоскости, без иерархии. Междисциплинарный анализ исторической

индивидуации у Деланды требуют отказа от редукционизма, учета множественности уровней и акцент на процессуальность, а также сочетания сравнительно-исторического, системного и сетевого подходов. Ключевая задача – уловить динамику взаимодействий в ассамбляжах, учесть роль контингентности и эмерджентности. Это позволяет отказаться от упрощенных моделей истории в пользу многомерного анализа, где материальное и социальное переплетаются в непредсказуемых паттернах. Кроме того, концепция индивидуации как исторического процесса у Деланда позволяет анализировать историю как множество переплетающихся процессов, где «материальное» и «социальное» взаимозависимы, а контингентность и эмерджентность сосуществуют. В этом случае достижением концепции «ассамбляжа» является описание взаимосвязей как внешних, то есть множественных и качественно разнообразных. Благодаря параметризации философских понятий Деланда способен описывать явления и как симуляции, отслеживая их изменения через цепочки взаимосвязей, а не через причинно-следственные связи. Такая возможность количественного представления ранее уникальных событий делает концепцию «ассамбляжей» перспективной для анализа корреляций, обнаруживаемых в больших объемах информации. Тем не менее эта трансформация приводит к потере акцента на индивидуальном существовании, которое оказывается за пределами рассмотрения Деланда. В качестве метафизики множественности, также использующей научные концепции, но сохраняющей фокус на индивидуальном существовании, можно привести в пример концепцию «индивидуации» Ж. Симондона.

Ключевые слова:

Деланда, Симондон, сущее, ассамбляж, контингентность, нечеловеческая агентность, индивидуация, эмерджентность, сингулярность, операция

Введение

Что такое спекулятивная онтология у Деланда?^[1] Эта философская позиция, которая рассматривает реальность как динамическую многоуровневую сеть материальных процессов, взаимодействий и самоорганизующихся систем. Она объединяет идеи из науки (теории хаоса, синергетики, биологии), философии (постструктурализма, нового материализма) и социальной теории, отвергая редукционизм и антропоцентризм. Кроме того, отвергая представление о человеке как центре реальности, делая акцент на историческую индивидуацию и материальность, критикуя редукционизм и корреляционизм, а также применяя спекулятивный подход к науке, М. Деланда со своей концепцией «ассамбляжа»^[2, p.4] сближается с теоретиками спекулятивного реализма: К. Мейясу^[3,4], Г. Харманом^[5,6] и Р. Брасье^[7]. В этом случае после десятилетий посткантовской философии (от Гегеля до Хайдеггера и Деррида), опираясь на идеи спекулятивного реализма, стало возможным различить новую философскую практику, которая позволяет познать реальность, не зависящую от человеческого сознания, науки, дискурса, культуры или власти. Проще говоря, философская позиция спекулятивного реализма, критикующая корреляционизм, – это идея того, что объективная реальность доступна только через человеческое восприятие. Однако, как подчеркивает Деланда, в контексте его новой спекулятивной онтологии невозможно утверждать полную независимость реальности от человеческого сознания, и это отличает ее от теории спекулятивного реализма, поскольку многие социальные образования – от локальных групп до масштабных государств – не могли бы существовать без человеческого разума.

Отсюда следует, что ключевая идея социальной стратегии Деланда сводится к созданию такой системы понятий, где основополагающим элементом выступает эмерджентное свойство – характеристика целостной системы, которая превосходит сумму ее составляющих и не может быть объяснена через них. Другими словами, реальность – это динамические ассамбляжи (сборки людей, объектов, институций), где элементы сохраняют автономию, но совместно порождают эмерджентные свойства. Кроме того, это новое реалистическое направление Деланда в философии выражается в возвращении к материалистическим взглядам, переосмыслении принципов причинно-следственных связей, в том числе отказа от редукции. Причиной тому послужило то, что ее ранние интерпретации, стремясь к строгой линейной причинности, казались противоречащими и апеллировали к не поддающимся объяснению, почти мистическим аспектам реальности. Таким образом, спекулятивная онтология Деланда – это попытка преодолеть разрыв между материей и смыслом, наукой и философией. Она показывает, что реальность не сводится не к атомам, ни к языку, а представляет собой динамическую сеть взаимодействий, где даже неживые объекты играют активную роль. Ее значение заключено не только в альтернативе антропоцентризму, но и в создании инструментов для анализа сложности современного социального мира – от экологических кризисов до цифровых технологий.

От Аристотеля к Деланда: поиск истоков понятия «индивидуация»

Стоит отметить, что проблему возникновения и становления индивидуальных сущих Деланда рассматривал в контексте теоретических положений, разработанных такими мыслителями, как Аристотель, Фома Аквинский, Дунс Скот, Лейбниц, Юнг, Симондон и другие. Так, Аристотель, возможно, первый придал проблеме индивидуации теоретический смысл, где это понятие связано с его учением о «сущем» (οὐσία) и принципах, которые делают конкретную вещь уникальной, отличной от других вещей того же вида. Здесь сущее – все, что существует, разделяемое на категории (субстанция, качество, количество и др.). Поэтому, хотя сам Аристотель не использует термин «индивидуация» (этот термин возник в средневековой философии), его идеи заложили основу для последующих дискуссий. В своей работе «Категории» (др.-греч. Κατηγορίαι) Аристотель разделяет сущие на: первичные и вторичные (Аристотель «Категории» 5, 2a11–3a20)^[8, с. 55-58]. Первичные сущие (πρῶται οὐσίαι) – это конкретные индивиды, существующие самостоятельно. Например, отдельный «человек» или отдельная «лошадь». В этом случае нельзя сказать: «Сократ – это Сократ» в качестве описания другого объекта. То есть первичные сущие – это те, которые не сказываются о подлежащем и не находятся в подлежащем. Иными словами, первичные сущие являются основой для всех остальных категорий (качеств, количеств, отношений и т.д.). Без первичных сущих не существовало бы реальности. Вторичные сущие (δευτερά οὐσίαι) – это виды и роды, которые обозначают общую природу, но не существуют отдельно от первичных сущих. Например, «человек» (вид) или «животное» (род). Вторичные сущности важны для познания, так как через них можно понять, чем является первичная сущность (например, «Сократ – человек», а «человек – разумное животное»). В результате такое разделение отвергает платоновский мир идей: для Аристотеля универсалии («человек», «добро», «красота») не существуют отдельно от конкретных вещей. Реально только индивиды, а виды и роды – лишь способы их познания. Если исчезнут все люди (первичные сущности), исчезнет и вид «человек», и род «животное» (в контексте человечества).

Кроме того, в «Метафизике» Аристотель развивает учение о гилеморфизме (сочетании материи и формы). В рамках этой гилеморфической схемы (основанной на понятиях

«материи» и «формы»), Аристотель анализировал принцип индивидуации, стремясь понять, как общие сущие (формы) обретают конкретное единичное проявление в мире. В связи с этим форма определяет сущность вещи (например, «человечность»). Материя – пассивный субстрат, который принимает форму. Для вещей чувственного мира (составленных из материи и формы) индивидуация возникает благодаря материи. Например, два человека одной и той же формы («человек») различаются материей (телесной организацией). Поэтому материя у Аристотеля становится принципом индивидуации для материальных сущих. В известном фрагменте, который часто цитировали средневековые мыслители, Аристотель так истолковывает источник, определяющий особенность каждой вещи: «Вся эта форма, состоящая из этой плоти и этих костей, – это Каллиас или Сократ, и они отличаются друг от друга своей материей (поскольку она разная), но одинаковы по виду, поскольку вид неделим» (Аристотель «Метафизика» 1034a5–8) [\[9, с. 202\]](#). Тем не менее для нематериальных сущих (например, божественный Ум или отдельные души, если они бессмертны), индивидуация не может объясняться материей. Здесь форма сама по себе уникальна. Таким образом, для Аристотеля индивидуация – это результат воплощения общей формы в конкретной материи, которая придает ей уникальность. Его подход остается субстанциалистским и статичным в сравнении с процессуальными концепциями Симондона или метафизикой Лейбница. Однако эта схема Аристотеля не имеет аналогий в реальном мире [\[10, с. 47\]](#). Однако именно аристотелевская идея о материи как принципе индивидуации заложила основу для многовековых дискуссий в философии, теологии и науке.

В эпоху поздней античности аристотелевское понимание гилеморфизма постепенно насыщается идеями, восходящими к платонизму. Теперь в ряды индивидов включаются не только физические сущие, но и нематериальные, например, душа. Тем не менее вопрос о том, как формируется индивидуальность, продолжительное время оставался в рамках, заданных Аристотелем, во многом благодаря деятельности схоласта Фомы Аквинского (1225–1274), который вновь актуализировал аристотелизм в рамках христианского вероучения. Иными словами, Аквинат в контексте аристотелевской парадигмы, адаптированной к христианской теологии (связанной с божественным творением), утверждал, что «материя» [\[11, с. 281\]](#) является принципом индивидуации для телесных сущих. Вместе с тем для нематериальных сущих (ангелов и человеческих душ) у Аквината ключевую роль играет понятие «субстанциальной формы». Субстанциональная форма – это внутренний принцип, определяющий сущность и единство сущего. Она не только придает вещи ее специфическую природу (например, делает человека разумным), но и обеспечивает тождественность и целостность сущего на протяжении его существования. То есть для телесных сущих форма сочетается с материей, но для нематериальных сущих форма существует самостоятельно. Отсюда следует, что ангелы как чистые формы уникальны по своей сути, а человеческие души сохраняют индивидуальность благодаря «памяти» о связи с телом. В результате материя больше не является исключительно определяющим фактором индивидуальности, поскольку эту функцию разделяет с ней уникальная форма. Кроме того, Аквинат вводит важное различие между «сущим» и «существованием». Сущее – это что вещи, а существование – акт, благодаря которому сущее обретает бытие. Поэтому в учении Аквината осмысление процесса ведется через призму рассуждений о соотношении сущего и существования, а также частного и общего. В данном контексте индивидуация представляет собой постепенный процесс отделения частного из общего на основании материальных качеств сущего. То есть в этом случае индивидуализация достигается через отделение от других сущих. Следовательно, ключевым принципом индивидуации в его учении выступает именно внешний принцип обособления – механизм, благодаря

которому отдельные сущие, принадлежащие к одному виду, отличаются друг от друга. Важно отметить, что в его концепции трех субстанций отсутствует представление о возможности обратного развития: интеграции частного в общее посредством усовершенствования сущего. Таким образом, Фома Аквинский рассматривает индивидуацию как фундаментальный метафизический процесс, связывающий единство сущего с множественностью конкретных сущих. Его синтез аристотелизма и христианства (томистская модель философии) заложил основы для понимания личности, свободы и уникальности в католической схоластики и философии. Даже сегодня, в контексте споров о природе сознания, искусственного интеллекта и биоэтики.

В дальнейшем поздние схоласты, такие как Дунс Скот (1266–1308), критиковали идею Аквината о материи как единственном принципе индивидуации. Скот утверждает, что материя пассивна и не может быть источником индивидуальности. Если бы индивидуация зависела только от материи, нематериальные сущие (например, ангелы) не могли быть уникальными, что противоречит христианской доктрине. Скот вводит понятие *haecceitas* (от лат. *haec* – «это») или «этовость» как формальный принцип индивидуации. *Haecceitas* – это не материя и не акциденция, а последнее формальное отличие, которое добавляется к общей природе вещи, делая ее уникальной, то есть превращая ее в конкретного индивида. Например, общая природа «человек» становится конкретным индивидом (Сократом) благодаря его *haecceitas*. В связи с этим, по словам российского философа А.В. Апполонова: «...Скот называет «этовостью» (*haecceitas*) и общей видовой природой, именуемой им «общей природой» (*natura communis*) или просто «природой» (*natura*) имеется реальное единство при формальном различии»^[12,с.24]. Поэтому общая природа не только определяет сущность вещи как члена вида (например, «человечность»), но и существует в реальности, при этом она нейтральна к процессу индивидуации. Этовость (*haecceitas*) в данном случае формально отличает общую природу, превращая ее в конкретного индивида, то есть не создавая новое сущее, добавляет ей индивидуальную определенность. В тоже время Скот использует *distinctio formalis a parte rei* («формальное различие со стороны вещи»): *haecceitas* и общая природа не разделены реально, но различаются формально в рамках одного сущего. Например, в Сократе «человечность» и его «этовость» – это разные аспекты одного и того же сущего. Кроме того, Сократ и Платон обладают общей природой «человек», но различаются своими *haecceitas*. Таким образом, Дунс Скот радикально переосмыслил понятие «индивидуации» и средневековую метафизику, сместив акцент с материи на форму. Его «этовость» стала попыткой объяснить, как из общей природы возникает уникальность без обращения к материальному субстрату. Вместе с тем его идеи не только оказали влияние на номинализм (например, Уильяма Оккама), но и заложили основы для развития философии индивидуализма в Новое время, где индивидуальность стала центральной категорией.

Затем английский философ-номиналист Уильям Оккам (1285–1347) предложил принципиально новый подход к вопросу индивидуации, отказавшись от идеи о существовании отдельного особого принципа, отвечающего за индивидуальность, (будь то материя, форма или концепция «*haecceitas*»). Он полагал, что подобное усложнение противоречит принципу бережливости в мышлении. Иными словами, Оккам не согласился ни с аристотелевско-томистским объяснением индивидуации через материю, ни с концепцией «этовости» предложенной Дунсом Скотом, считая ее излишней^[13,с.123-129]. Для философии номинализма Оккама всякая вещь уже изначально, индивидуальна, и ее уникальность не требует объяснения через дополнительные принципы. В этом случае универсалии (общие понятия: виды и роды) существуют только в уме или языке как термины, помогающие классифицировать единичные вещи. Реальны только индивиды.

Мир состоит исключительно из единичных конкретных вещей (например, Сократ, эта лошадь), а не из абстрактных сущих. Для разъяснения использования в логике и повседневной речи общих понятий и имен Оккам прибегает к теории «суппозиций», что можно понимать как принцип «замещения» или «подмены». Согласно этой теории, когда мы используем общие термины, например, «человек» и «живое сущее» в предложении «человек есть живое сущее», мы не ссылаемся на некую абстрактную общую природу, а обозначаем конкретный единичный объект – конкретного человека. В таком подходе вопрос об индивидуации теряет смысл и становится иллюзорным: бессмысленно задаваться вопросом о том, как некая «общая природа» проявляется в отдельных экземплярах, если этой природы на самом деле нет. Оккам применяет теорию суппозиций и для анализа понятий «сущее» и «существования» считая, что они в высказываниях заменяют одно и то же – реально существующую вещь. В результате Оккам упростил онтологию, отказавшись от сложных метафизических сущих («бритва Оккама»). Отсюда следует, что индивидуация у Оккама – это не проблема, требующая решения, а исходный факт реальности. Вещи индивидуальны по определению, а универсалии – лишь инструменты человеческого мышления. Эта позиция стала краеугольным камнем номинализма и предвосхитила поворот философии к анализу конкретного опыта. Более того, его акцент на единичном подготовил почву для философии Локка, Юма и научного метода Нового времени.

Испанский философ-иезуит и последний крупный представитель схоластики Ф. Суарес (1548–1617) разрабатывал оригинальную теорию индивидуации, синтезировав элементы аристотилевско-томистской традиции с идеями Дунса Скота и номинализма^[14]. Суарес критикует предшествующие теории «индивидуации». Он считает, что материя пассивна и не может быть активным принципом, а введение «этовости» как формального отличия избыточно и усложняет онтологию. Хотя Суарес с приматом единичного соглашается, однако он не принимает радикальный отказ Оккама от конституирования индивидуации. Отсюда следует, что Суарес предлагает модифицированный гилеморфизм, а именно индивидуацию через «сущностное бытие» (*entitas tota*). Другими словами, сущность (*essentia*) вещи – это единство формы и материи. Но индивидуация происходит не через материю или форму, а через само «целостное сущее» (*entitas tota*) в ее конкретном существовании. То есть индивидуальность возникает из полноты сущностного бытия, которое включает в себя все актуальные и потенциальные характеристики вещи. Например, человек индивидуализируется не материей тела или формой души, а уникальным модусом существования своего сущего. Поэтому существование (*existentia*) у Суареса – это акт, который актуализирует сущее, делая ее конкретной и индивидуальной. Однако Суарес избегает томистского разделения сущего и существования: индивидуация – это не результат добавления существования к сущности, а ее внутреннее свойство. Вместе с тем универсалии (виды и роды) у Суареса существуют только в уме, как ментальные абстракции, но они основаны на реальном сходстве между индивидами. Индивиды первичны, а их уникальность не требует объяснения через дополнительные принципы, так как она имплицитно содержится в их сущности. При этом человеческая душа индивидуализируется через связь с конкретным телом, но ее уникальность сохраняется даже после отделения от тела. Таким образом, подход Суареса стал образцом для позднейшей философии, сочетая строгость анализа с отказом от избыточных сущих. Суарес не только повлиял идеи Декарта, Лейбница, Канта, но и радикально переосмыслил индивидуацию, отказавшись от поиска внешних принципов («материи», «этовости») и поместил ее внутрь самой сущности. Его теория стала компромиссом между реализмом и номинализмом, подчеркивая, что уникальность – это неотъемлемое свойство бытия, а не результат действия отдельного фактора. Это

позволило сохранить метафизическую глубину, избежав излишних абстракций, и подготовило почву для философии Нового времени.

В эпоху Нового времени вопрос индивидуальности вновь привлек внимание благодаря философу Г.В. Лейбницу (1646–1716). В 1663 году он представил магистерскую работу «О принципе индивидуации», где отстаивал номиналистские взгляды. Лейбниц полагал, что ключ к разрешению этой проблемы кроется в осознании реальности исключительности сущих. Лейбниц разработал уникальную концепцию индивидуации, основанную на метафизике монад – простых неделимых субстанций, составляющих основу реальности^[15]. Иными словами, монады у Лейбница – это духовные непротяженные субстанции в структуре бытия, лишенные частей, но обладающие внутренней активностью. Они не возникают и не исчезают, а лишь изменяют свои состояния. Каждая монада уникальна, так как обладает полной индивидуальной концепцией, включающей все прошлые, настоящие и будущие предикаты. В этом случае индивидуальность монады определяется ее внутренними свойствами: во-первых, восприятием, способностью отражать Вселенную с уникальной точки зрения; во-вторых, аппетицией, внутренней силой, направляющей изменения монады. Отсюда следует, что монада – это «живое зеркало Вселенной», чья индивидуальность задается ее полной понятийной сущностью, предустановленной Богом. То есть, с позиции Лейбница, Бог синхронизировал развитие всех монад так, что их восприятия согласованы, хотя они не взаимодействуют физически. Вместе с тем монада человека отличается от монады камня не материей, а степенью ясности восприятия. Например, человек обладает сознанием, камень – лишь смутными восприятиями. В результате любая монада воплощает уникальный «угол зрения» на мир, заданный ее сущностью. В таком контексте индивидуация у Лейбница не сводится к материальным или формальным различиям, а коренится в внутренней природе каждой монады и ее перспективе восприятия. В связи с этим он утверждает, что индивидуация не обусловлена какой-либо частью вещи, а вытекает из ее нераздельной целостности. В своих «Новых опытах о человеческом разумении» он сформулировал это так: «...индивидуальность заключает в себе бесконечность, и только тот, кто в состоянии охватить ее, может обладать знанием принципа индивидуации той или иной вещи; это объясняется влиянием (в правильном его понимании), оказываемым друг на друга всеми вещами вселенной»^[16,с.291]. Кроме того, Лейбниц дополняет процесс индивидуации принципом тождества, рассматривая становление сущих как заранее заданную закономерность: невозможно существование двух абсолютно неразличимых сущих, несмотря на то, что их можно представить в теории. Так, две капли воды, неотличимые для наблюдателя на метафизическом уровне, обладают уникальными характеристиками (например, разной внутренней структурой или историей движения). Таким образом, для Лейбница индивидуация – это метафизическая данность, вытекающая из природы монад как уникальных субстанций. Их неповторимость определяется не внешними факторами, а внутренней сущностью, включающей всю их «историю» и перспективу. Эта концепция объединяет рационализм с глубоким пониманием уникальности каждого элемента мироздания, предвосхитив идеи современной науки и философии.

Современник Лейбница, английский философ-эмпирик Джон Локк (1632–1704) подходил к проблеме индивидуации через призму своей теории идентичности и личности, отвергая схоластические и субстанциональные объяснения. Локк критикует традиционные метафизические подходы, основанные на субстанции (материи и форме), поскольку они, с его точки зрения, недоступны для эмпирического познания. Кроме того, Локк не принимает и монадологию, так как считает, что реальность познается через опыт, а не умозрительные сущие. Поэтому в работе «Опыт о человеческом разумении» (1689)

принцип индивидуации он связывает с эмпирическими критериями, наблюдаемыми свойствами, сознанием и памятью: «Этот принцип, очевидно, есть само существование, определяющее предмету любого вида его время и место, которые не могут быть общими у двух предметов одного и того же рода. Хотя это как будто легче понять на простых субстанциях и модусах, однако, когда поразмыслят, это окажется не более трудным и в отношении сложных субстанций и модусов, если только обращать внимание на то, к чему это применяется»^[17,с.381-382]. Таким образом, индивидуация у Локка – это практический вопрос, решаемый через наблюдаемые свойства и сознание. Уникальность объектов определяется их физическими характеристиками и местом в пространстве-времени, а идентичность личности – непрерывностью памяти и самосознания. Этот подход стал поворотным пунктом в философии, сместив фокус с метафизических абстракций на эмпиризм и психологию, и оказал влияние на развитие либеральной мысли, права и наук о человеке.

Но уже к середине XIX века вопросы, связанные с индивидуацией, постепенно утрачивают свою актуальность. Процесс индивидуации становится практически невозможным, поскольку исчезает сам субъект, вокруг которого он мог бы разворачиваться. В философии и науке произошла смена приоритетов в сторону перехода от классической метафизики к современным подходам, где акцент смещался на: историческую изменчивость (Маркс, Дарвин), индивидуальный опыт (Кьеркегор) и эмпирические законы (Конт). Кроме того, гегелевская диалектика^[18] сместила фокус на изменчивость и процесс, через который Абсолютный Дух (мировой разум) реализует себя, переходя из абстрактной всеобщности к конкретной определенности. Этот диалектический процесс у Гегеля раскрывается через триаду: тезиса, антитезиса и синтеза, где каждое отрицание ведет к высшему единству. Человек, участвуя в этом процессе, становится не просто индивидом, но носителем всеобщего разума, чья свобода является высшим выражением Божественного замысла. Однако в дальнейшем, учитывая уникальность и неповторимость явлений феноменального мира, возникает обоснованное предположение, что появление сущих не обусловлено простым предопределенным развитием из предыдущей стадии. Само это состояние требует нового осмысления, переинтерпретации: его нельзя рассматривать как скрытую потенциальность, зародыш, в котором заключено все многообразие будущих проявлений. Скорее это должно быть воспринято как область потенциальных вариантов, как совокупность характеристик. Траектория и процессы индивидуации, а также механизмы, их определяющие, следует анализировать как нечто, существующее автономно от этих характеристик, хотя и находящееся с ними в связи, но также зависящее и от других внешних факторов. Первым, кто двинулся в этом направлении, был британский философ и математик А.Н. Уайтхед (1861–1947)^[19].

Основатель процессуальной философии и математик Уайтхед радикально переосмысливает проблему индивидуации, отказавшись от субстанционального подхода. В его работе «Процесс и реальность» (1929)^[19,с.272-292] индивидуация связывается уже не с неизменными сущими, а с динамическими процессами и актуальными событиями. Иными словами, механистическая картина, где объекты существуют независимо от процессов, ложна. Вместо этого Уайтхед предлагает процессуальную онтологию, где реальность – это сеть взаимосвязанных событий. По его мнению, индивидуация происходит через актуальные сущие (динамические события), которые не имеют длительности, уникальны и созидательны. В этом случае, во-первых, каждое актуальное сущее возникает путем «схватывания» (prehension) данных из окружающего мира (из других сущих) и удовлетворяется (завершается), становясь основой для новых

процессов. Во-вторых, каждое событие индивидуально благодаря своему конкретному опыту и способу интеграции внешних влияний. Поэтому индивидуация – это творческий акт или «созидательное продвижение» (creative advance), в котором актуальное сущее выбирает, как реагировать на вечные объекты, создавая новизну. При этом вечные объекты (eternal objects) – это абстрактные сущие, такие как математические формы, цвета, эмоции, идеи. Они существуют вне времени и пространства, но могут быть актуализированы в конкретных событиях. Например, момент восприятия цветка человеком – это актуальное сущее, объединяющая цвет, форму цветка, память о прошлых впечатлениях и эмоциональную реакцию. Следующий момент подобного восприятия этого цветка уже будет другим событием.

Очевидно, Уайтхед был убежден, что индивидуация возможно только в контексте отношений. Уникальность события определяется тем, какие влияния оно вбирает и как их преобразует. Кроме того, Уайтхед конституирует категорию «изначального», которая есть не что иное, как «креативность», созидаящая сила, творческая энергия, неотъемлемая от самого факта существования. В данном контексте индивидуация делится на две взаимосвязанные «природы»: «изначальную природу» и «последующую природу». Изначальная природа (primordial nature) – это абстрактный аспект становления, представляющий собой совокупность всех вечных объектов, то есть чистых возможностей, форм и потенций. То есть «изначальное» является источником порядка и новизны, обеспечивающее саму возможность существования структуры в хаотическом потоке становления. Последующая природа (consequent nature) – это конкретный аспект становления, который взаимодействует с миром, вбирая в себя опыт актуальных событий. Более того, Уайтхед вводит понятие «общества» (society) – последовательности актуальных сущих, связанных общими паттернами. Индивидуация внутри общества сочетает: повторяемость и уникальность. Например, человеческое тело – «общество» клеток, каждая из которых индивидуальна, но подчиняется общим биологическим законам. Таким образом, для Уайтхеда индивидуация – это динамический творческий акт, в котором реальность постоянно обновляется через взаимодействие уникальных событий. Его процессуальный подход отвергает статичные категории, подчёркивая, что даже устойчивые объекты – временные паттерны в потоке становления. Эта концепция предлагает альтернативу как механистическому материализму, так и субстанциальному идеализму, открывая путь для философии, где изменение и взаимосвязь – основа бытия.

Карл Густав Юнг (1875–1961) швейцарский психиатр и основатель аналитической психологии, рассматривал индивидуацию как ключевой процесс становления целостной личности. Это не просто развитие, а глубинный путь самореализации, направленный на интеграцию сознательных и бессознательных аспектов психики. В результате индивидуация у Юнга – это центральная идея аналитической философии, которая определяется как путь духовного развития человека (или процесс психологического созревания), связанный с интеграцией глубинных аспектов подсознания в сознание. По мнению Юнга, этим процессом движет скрытая тенденция, неосознанная сила, берущая начало в центре духовной целостности личности – архетипе Самости, символизирующей гармонию и полноту. Индивидуация у Юнга – это диалог между спонтанностью и осознанностью. Бессознательное задает направление индивидуации, так как без сознательного усилия человек рискует потеряться в иллюзиях персоны (социальной маски) или подавленных конфликтах. Подобно садовнику, который не «заставляет» растение расти, но создает условия для его развития, человек должен учиться слушать внутренние сигналы и доверять мудрости психики. Этот процесс не имеет конечной точки, это путь длиной в жизнь, где каждый этап открывает новые грани Самости ^[20].

Один из ведущих эволюционных биологов XX века, основоположник синтетической теории эволюции Эрнст Майр (1904–2005)^[21] рассматривал проблему индивидуации в контексте биологической изменчивости, видообразования и популяционной генетики. Хотя он не использовал термин «индивидуации» в философском смысле, его работы заложили фундамент для понимания уникальности особей как движущей силы эволюции. Майр подчеркивал, что индивидуальные различия между особями внутри популяции – это ключевой элемент эволюционного процесса. Другими словами, биологическая фаза индивидуации, во-первых, зависит от генетической изменчивости сущих, когда каждая особь обладает уникальным сочетанием генов, что создает «сырье» для естественного отбора. Во-вторых, фенотипическая пластичность. В этом случае даже при одинаковых генах особи могут различаться из-за взаимодействия с окружающей средой (например, размер тела, окраска). Таким образом, для Майра индивидуация – это не философская абстракция, а фундаментальное свойство жизни, обеспечивающее разнообразие и адаптацию. Уникальность каждой особи, возникающая благодаря генетическим вариациям и взаимодействию со средой, становится «двигателем» эволюции. Его теория индивидуации не только отказывается от топологического подхода, восходящего к Платону, который игнорирует индивидуальные вариации, фокусируясь на «идеальных типах», но и перекидывает мост между дарвинизмом и генетикой.

Рассматривая реальность не как воплощение универсального, а как совокупность индивидов (систем), поддающихся различной степени масштабирования, индивидуация у французского философа и теоретика техники Ж. Симондона (1924–1989) предстает в не иерархическом, а горизонтальном разрезе. Индивидуация – это разрешение внутренних напряжений в системе, ведущее к появлению структуры. Как считает современный социальный исследователь Е.Н. Ивахненко: «Вместо представлений о форме и формообразовании Симондон привносит мысль об операции, а в качестве одной из доминирующих характеристик материи – структуру. Согласно Симондону, всякое развитие реализуется через индивидуирующее действие (индивидуацию), которое есть операция рекурсивного преобразования структуры»^[22,с.108-109]. В таком случае, раскрытие особенностей актуальных индивидуальных проявлений требует обращения к предшествующей им области, которую Ж. Симондон обозначил как «доиндивидуальное бытие». Это не универсальная основа, включающая в себя зародыш будущего индивида со всем набором заданных качеств и возможностей, которые неизбежно реализуются, а скорее поле или изначальное состояние метастабильности, содержащее потенциал для множества всевозможных форм. Другими словами, здесь исторически обусловленные и непредсказуемые контингентности через процесс индивидуации формируют уникальные индивидуальные объекты. При этом доиндивидуальное бытие характеризуется избыточностью, насыщенностью, являясь чем-то большим, чем просто единичное^[23,24]. То есть индивидуация извлекает бытие из состояния неразличимости и неопределенности, конкретизирует его и наполняет индивидами. Именно этот непрерывный процесс объясняет возникновение новых свойств и способностей у физических, биологических, психических, коллективных и технических индивидов. Более того, эти непрерывные акты становления (фазы индивидуации) в конечном счете приводят к возникновению «трансиндивидуального» – процесса индивидуации, выходящего за пределы отдельного индивида. Это коллективное измерение, где индивиды взаимодействуют, сохраняя связь с доиндивидуальным бытием. Иными словами, «трансиндивидуальное» – это не коллектив, а процесс, в котором индивиды участвуют, не растворяясь в нем. То есть «трансиндивидуальное» у Симондона – это модальность процесса, а не объект. Оно описывает, как индивид «выходит за себя» сохраняя связь с доиндивидуальным. Например, эмоциональные связи, социальные

практики, технические системы – все, что сохраняет динамику незавершенной индивидуации.

Таким образом, Симондон преодолевает дуализм материи и формы, предлагая процессуальную онтологию. В связи с этим индивидуация становится непрерывным процессом трансформации, где жизнь, техника и материя возникают из общего поля потенциалов. Его подход объединяет философию, науку и технологию, показывая, что даже самые устойчивые формы – временные «узоры» в потоке становления. Это вызов классической метафизике, открывающий путь к пониманию мира как динамической сети взаимосвязанных процессов. Можно отметить, что Ж. Делез (1925–1995), также рассматривал понятие «индивидуации», но определял ее как процесс дифференциации, в результате которого конкретные сущие возникают из фона виртуальных возможностей. В этом случае Делез в работе «Различие и повторение»^[25] утверждал, что его индивидуация – это не результат предзаданной формы, а следствие интенсивных различий и динамических сил. Вместе с тем классические теории индивидуации, предложенные Симондоном и Делезом, сосредоточены на процессе становления индивидуальных сущих через разрешение внутренних противоречий или дифференциацию виртуальных возможностей. Однако они не в полной мере объясняют коллективные аспекты индивидуации, такие как формирование социальных структур, институтов или культурных паттернов. М. Деланда (р. 1952), опираясь на современную науку и философию, предложил оригинальный подход, связывающий коллективную фазу индивидуации с концепциями «эмерджентности» и «контингентности», что позволило расширить понимание социальных процессов.

Историческая индивидуация Деланда

Концепция «исторической индивидуации» у М. Деланда^[26] – это ключевой элемент его спекулятивной онтологии, развивающий идеи Симондона и Делеза. Деланда описывает, как социальные структуры (государства, города, институты, рынки, технологии) возникают и эволюционируют через динамические процессы аналогично биологической индивидуации, но в историческом контексте. Другими словами, Деланда противопоставляет эволюционную биологию (процесс формирования живых индивидов) исторической индивидуации, которая относится к становлению социальных ассамбляжей – устойчивых, уникальных и сингулярных конфигураций людей, институций, технологий и материальных объектов^[2,р.28]. В этом случае, хотя понятие «индивид» обычно связывают с единичным живым сущим, его использование в отношении видов не является метафорой. С точки зрения бытия этот термин применим к любому существу, возникшему благодаря процессу исторической индивидуации. То есть термин «индивид» можно вполне обоснованно применить и к виду. Он несет в себе ряд смысловых оттенков, вызывающих ассоциации не только с индивидуальностью и личностью, но и затрагивает социальные вопросы институтов, городов, наций и прочее. Поэтому для большей точности, возможно, стоит говорить о «индивидуальных сущих», а не «индивидах», используя термин как онтологическое определение, а не как существительное^[27,с.38].

Историческая форма индивидуации у Деланда происходит в нелинейном времени, где случайные события, катастрофы и сингулярности (точки бифуркации) меняют траекторию развития систем. Например, война, революция или технологический прорыв как «точки ветвления», переопределяющие социальный ассамбляж. В связи с этим он отвергает идею о том, что история движется к определенной цели (прогрессу). Индивидуация – это ветвящийся процесс с множеством возможных исходов. Кроме того, нельзя объяснить сложные индивидуальные сущие (например, нацию) через людей, технологии и

территории. Требуется анализ их взаимодействия. Поэтому, подобно Делезу и Симондону, Деланда стремится сгладить разницу между естественнонаучным и гуманитарным знаниями, стремясь показать возможность их объединения, опираясь на прогресс современной науки. Он свободно заимствует термины из теории множеств, дифференциальной геометрии, теории хаоса, теории групп адаптируя их для анализа социальных и гуманитарных явлений, и подтверждает свои идеи примерами из самых разных сфер – от клеточных процессов и атмосферных явлений до функционирования местных рынков.

Вместе с тем, как считает Деланда, индивидуация происходит внутри ассамбляжей – временных динамических сборок гетерогенных элементов, которые сохраняют относительную автономию, но совместно порождают новые свойства. То есть, под ассамбляжем подразумевается нечто цельное, состоящее из элементов, которые можно отделить и интегрировать в другую структуру без потери функциональности [\[1, с.19-20\]](#). Разнородные, то есть существенно различающиеся элементы, входящие в ассамбляж, сохраняют свою независимость как по отношению к самому ассамбляжу, так и друг к другу. Более того, формирование и объединение ассамбляжей – это процесс, зависящий от конкретных обстоятельств и отрицающий предопределенность и всеобъемлющую зависимость. Следовательно, ассамбляжи представляют собой единое целое, возникающее благодаря внешним связям в процессе уникального исторического развития. Внешняя природа этих отношений обуславливает разнородность составляющих, как материальных, так и выразительных, поскольку они формируются различными этапами контингентной исторической индивидуации. Теория ассамбляжей предлагает радикальный пересмотр классических представлений о взаимосвязи части и целого, микро- и макроуровней. Здесь макроуровень обладает такими эмерджентными свойствами, которые нельзя предсказать из микроуровня. В этом случае Деланда отвергает не только редукционизм (сведение макроуровня к простой сумме микроэлементов), но и холизм (рассмотрение целого как первичного сущего, подчиняющего части). Вместо этого он предлагает неиерархический подход («плоскую» онтологию), где микро- и макроуровни взаимодействуют как равноправные компоненты. Поэтому ассамбляжи существуют как гетерогенные сети или динамические сборки, состоящие из разнородных элементов (культура, языки, люди, атомы), которые способны устанавливать связи друг с другом как итог их взаимной эволюции [\[2, p.21\]](#). Эти элементы взаимодействуют локально, создавая в пространственно-временных рамках глобальные паттерны без централизованного органа. Ассамбляжи постоянно перестраиваются, разрушая старые связи (детерриториализация) и создавая новые (ретерриториализация). После закрепления структуры, создания границ и устойчивых связей (территориализация) ассамбляж снова начинает оказывать воздействие на свои элементы, выступая для них одновременно и ограничением, и источником возможностей [\[28, p.22\]](#).

Например, городская индивидуация включает здания, транспорт, жителей, законы и экосистемы (водные ресурсы, рельеф), взаимовлияющие друг на друга. В этом случае Деланда не только развивает акторно-сетевую теорию Бруно Латура и Джона Ло, но и симондонианскую идею трансдукции (передачи информации между уровнями реальности) и метастабильности, применяя их к истории и социуму. Так, идея трансдукции прослеживается в идее передачи интенсивностей между элементами ассамбляжа, а метастабильность становится точками бифуркациями. Кроме того, если у Симондона «трансиндивидуальное» это поток становления, то у Деланда ассамбляж – это «остров» в этом потоке. То есть для Деланда ассамбляжи – это то, во что кристаллизуются

процессы, включая трансиндивидуальные, но с добавлением материальной конкретики истории. Ассамбляжи у Деланда состоят из двух типов компонентов: материальных и экспрессивных элементов. Материальные и экспрессивные компоненты взаимозависимы. Например, церковь («материальное») не существует без религиозных ритуалов и текстов («экспрессивное») и наоборот.

Признавая объективную реальность, состоящую из конкретных объектов, возникших исторически случайным образом благодаря эмерджентным свойствам, силам и тенденциям, Деланда считает необходимым возродить концепцию «эмерджентности», которую, по его мнению, несправедливо забыли. Поскольку в процессе индивидуации возникают непредсказуемые качества, которые нельзя свести к сумме компонентов. Он полагает, что пессимизм ранних исследователей эмерджентности относительно познания этих явлений был вызван ограниченным пониманием целей и методов научного объяснения, сводившихся к логическому выводу. В современной науке и философии объяснение сместилось от поиска причин к анализу условий и механизмов, формирующих объект через его историю. Отсюда следует, что эмерджентное сущее возникает из взаимодействия элементов в пространстве возможностей.

В этом случае концепции Деланда «эмерджентности» и «морфогенеза», помогают избежать убеждения в наличии у вещей некой извечной высшей сущности, например, принадлежности к определенному естественному роду. Обе эти концепции тесно перекликаются с симондонидским подходом, акцентирующим избыточность различия в общем пространстве доиндивидуального бытия для всего сущего. Вдобавок к вышесказанному, например, Делез и Гваттари описывают это доиндивидуальное поле потенциалов (ризому, ассамбляж или множественность), как плюрализм, эквивалентный монизму, что указывает на то, что внутреннее различие – это универсальный онтологический принцип, который возникает до любой репрезентации [\[29,с.37\]](#). В связи с этим ассамбляж выступает как альтернатива доиндивидуального бытия. Иными словами, в рамках этой концепции каждый естественный вид рассматривается не через его фундаментальные определяющие признаки, а через морфогенетические изменения, которые привели его к современной форме. Более того, Деланда избегает образности при анализе идей, связанных с теоретическими положениями, разработанными Симондоном и Делезом, и предлагает им точное, математически обоснованное толкование, подкрепляя это следующим этапом рассуждений.

Итак, по мнению Деланда, ассамбляж выступает как альтернатива устоявшемуся порядку вещей и обладает характеристиками как дискретных, так и непрерывных вариаций – изменчивыми параметрами размерности и отсутствием четко выраженной целостности, свойственной обычным объектам. Вместо этого эти объекты содержат собственную систему измерения. Для обоснования связи между ассамбляжем и конкретным материальным объектом необходимо установить более прочные взаимосвязи между геометрическими характеристиками многообразия и свойствами морфогенетических трансформаций. Поэтому Деланда, опираясь на идеи Делеза, интегрирует принципы теории «динамических систем» в философию, трактуя социальные, исторические и культурные процессы через призму многообразий и независимых переменных. Если вспомнить Делеза, то многообразие, во-первых, это не статичное множество, а динамическая структура, которая состоит из гетерогенных элементов, сохраняющих свою автономию, и не сводится к единому основанию или иерархии. При этом многообразие формируется через отношения между этими элементами, а не через их сущности. Например, социальное поле – это многообразие, где взаимодействуют экономика, политика, культура и технологии, но ни один элемент не доминирует над другими. Во-

вторых, в теории динамических систем многообразие (фазовое пространство) – это абстрактное пространство, где каждая точка (сингулярность) описывает состояние системы. Измерения многообразия соответствуют независимым переменным, которые определяют эволюцию системы (например, координаты и импульсы в физике). В результате Деланда переносит (вслед за Делезом) эту модель многообразия на социальные и исторические процессы [\[30, p.13\]](#). Вот почему у Деланда ассамбляжи являются динамическими системами, чье состояние описывается множеством переменных (экономикой, инфраструктурой, идеологией). Каждая переменная (измерение) может изменяться относительно автономно, но при этом взаимодействовать с другими, создавая нелинейные эффекты. Кроме того, Деланда утверждает, что в сложных системах (ассамбляжах) переменные – это не пассивные параметры, а активные силы, влияющие на траекторию системы. Их взаимодействие порождает эмерджентные свойства, которые нельзя предсказать на уровне отдельных элементов. Например, в городе как ассамбляже, переменными являются экономика, транспортная сеть, миграция, экология, культурные практики и т.д. При этом, в частности, увеличение числа мигрантов может привести к росту экономики или социальным конфликтам в зависимости от других переменных (доступность работы, интеграционная политика).

Несомненно, при исследовании динамических систем Деланда включает в данное рассмотрение еще и концепцию «сингулярностей» [\[30, p.5\]](#), интерпретируя ее шире, чем в традиционной физике, ограниченной двумя параметрами (координата и импульс). Следует отметить, что в рамках классической механики (в частности, гамильтонова формализма) состояние системы действительно определяется двумя переменными: координатами, отражающими положение, и импульсами, формирующими фазовое пространство. В физике сингулярности представляются точками, в которых уравнения, описывающие систему, перестают быть непрерывными (например, черные дыры или фазовые переходы). Тем не менее Деланда применяет это понятие в переносном, расширенном смысле, используя его для анализа социальных, исторических и культурных трансформаций. Другими словами, Деланда заимствует идею сингулярностей из математики и физики, но применяет ее к ассамбляжам, где переменные могут быть многочисленными и гетерогенными. Сингулярность – это точка бифуркации, где ассамбляж, подобно системе, теряет стабильность и через резкий скачок (переломный момент) выбирает новую траекторию развития. Например, революция 1917 года – сингулярность, где пересеклись переменные: военные поражения, экономический кризис, идеологии, что привело к распаду империи и рождению СССР. Таким образом, Деланда использует понятие сингулярностей не как физическую модель с двумя переменными, а как метафору для анализа сложных систем, где множество независимых параметров создают точки качественного изменения. Этот бифуркационный подход позволяет изучать социальные и исторические процессы через призму нелинейной динамики, подчеркивая роль контингентности, неоднородности и эмерджентных свойств. Именно этот аспект бифуркации динамических систем занимает центральное место в его философии нового материализма, разрывающей границы между науками о природе и гуманитарными дисциплинами.

Кроме того, наряду с бифуркацией в процессе морфогенеза различные аттракторы (устойчивые состояния, к которым стремится система), могут последовательно сменять друг друга и на каждом этапе формировать уникальные комбинации потенциальных состояний. В данном контексте, Деланда, используя теорию групп, рассматривает процесс постепенной дифференциации ассамбляжей как сложные системы, которые развиваются через комбинации преобразований. Другими словами, Деланда описывает дифференциацию как поэтапное усложнение системы, где элементы взаимодействуют по

определенным правилам, формируя новые уровни организации. Согласно Деланда, подобные трансформации представляют собой разрыв симметрии (или бифуркации), а возможность последовательной дифференциации обусловлена приобретением или потерей симметричных свойств [\[30, p.10\]](#). То есть этот процесс постепенной дифференциации описывает, как ассамбляжи (социальные, биологические, технологические) развиваются через постепенное разделение и усложнение, а не только через резкие скачки (бифуркации). К механизмам постепенной дифференциации ассамбляжей относятся: накопление вариаций, специализация и локальные взаимодействия. Так, к накопленным вариациям относятся малые изменения в элементах системы (например, технологические улучшения, культурные инновации), а к специализации можно причислить разделение функций внутри системы (например, появление новых профессий, ниш в экосистемах). Вот почему Деланда рассматривает ассамбляж как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных векторных полей. Их взаимодействие обусловлено разрывами симметрии (так называемыми бифуркациями) и специфическими распределениями аттракторов, которые формируют каждый уровень этой иерархической структуры [\[30, p.23-24\]](#). Следовательно, постепенная дифференциация – это ключевой механизм, через который ассамбляжи обретают уникальность и сложность. В сочетании с бифуркациями она формирует «ткань» истории, где медленные изменения и резкие повороты взаимосвязаны. Этот подход позволяет анализировать историческую индивидуацию ассамбляжей без упрощений, признавая роль как устойчивости, так и неопределенности.

Заключение

Концепция «исторической индивидуации», разработанная Деланда, не только предлагает новаторский подход к анализу социальных, культурных и материальных процессов, но и отвергает идею предопределенного исторического пути. Деланда подчеркивает, что контингентные исторические процессы зависят от случайных событий, локальных условий и непредсказуемых взаимодействий. В этом случае будущее открыто, и даже незначительные изменения могут радикально изменить развитие ассамбляжей. Кроме того, используя теорию групп, Деланда формализует процесс дифференциации ассамбляжей, показывая, как локальные взаимодействия элементов порождают глобальные структуры через комбинации преобразований. Этот подход позволяет: объяснить эмерджентные свойства сложных систем, учесть контингентность исторических процессов, а также отказаться от упрощенных моделей в пользу анализа нелинейной динамики. Таким образом, дифференциация ассамбляжей – это не хаотичный, а структурированный процесс, где теория групп выступает мостом между математической абстракцией и социальной реальностью.

Библиография

1. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Hyle Press, 2018. 170 с.
2. DeLanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006. 142 p.
3. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
4. Мейясу К. Число и сирена. Чтение "Броска костей" Малларме. М.: Носорог, 2018. 224 с.
5. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Hyle Press, 2015. 152 с.

6. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.
7. Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 227-262. EDN: YMICHV
8. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: "Мысль", 1978. 687 с.
9. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: "Мысль", 1976. 550 с.
10. Тинус Н.Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации. 2021. № 1 (100). С. 44-59.
11. Аквинский Ф. Сумма против язычников. - Долгопрудный: Вестком, 2000. Кн. 1. 464 с.
12. Скотт И.Д. Трактат о первоначале. М.: Изд-во Францисканцев, 2001. 182 с.
13. Оккам У. Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
14. Суарес Ф. Метафизические рассуждения. Рассуждение V. Об индивидуальном единстве и его принципе (фрагмент) // Verbum. Вып. 1. Франсиско Суарес и европейская культура XVI-XVII веков. СПб., 1999. С. 180-183.
15. Лейбниц Г.В. Монадология. М.: РИПОЛ классик, 2020. 200 с.
16. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
17. Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. I. М.: Мысль, 1985. 621 с.
18. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
19. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с. EDN: QGSZUJ
20. Юнг К. Эон. Исследования о символике самости. М.: Академический проект, 2009. 340 с.
21. Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974. 465 с.
22. Ивахненко Е.Н. Аллагматика Симондона vs диалектика Гегеля // Вестник Московского университета. М., 2023. Т. 47. № 6. С. 107-126.
23. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
24. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
25. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 384 с. EDN: TCNXLB
26. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London, New York: Bloomsbury, 2013. 242 p.
27. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 35-56. EDN: YMICEJ
28. DeLanda M. Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 208 p.
29. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с. EDN: QWXXWV
30. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London, New York: Bloomsbury, 2013. 242 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена анализу концепции исторической индивидуации в философии Мануэля Деланда в контексте спекулятивной онтологии и нового материализма. Автор прослеживает эволюцию понятия "индивидуация" от Аристотеля до современных философских теорий, уделяя особое внимание тому, как Деланда трансформирует и расширяет это понятие применительно к социальным и историческим процессам через призму теории ассамбляжей, концепций эмерджентности и контингентности.

Методология исследования

Автор использует историко-философский и компаративистский подходы, систематически рассматривая развитие концепции индивидуации в западной философской традиции и сопоставляя различные теоретические модели. Статья строится на последовательном анализе трансформации понятия индивидуации от Аристотеля через средневековую схоластику (Фома Аквинский, Дунс Скот, Уильям Оккам, Франсиско Суарес), философию Нового времени (Лейбниц, Локк), до современных концепций (Уайтхед, Юнг, Майр, Симондон, Делёз) и, наконец, спекулятивной онтологии Деланда. Методология исследования включает концептуальный анализ, реконструкцию теоретических моделей и их критическое сопоставление.

Актуальность

Актуальность исследования определяется нарастающим интересом к спекулятивному реализму и новому материализму в современной философии, которые предлагают альтернативу постмодернистским и корреляционистским подходам. Теория ассамбляжей Деланда представляет собой значимую попытку преодоления разрыва между естественнонаучным и гуманитарным знанием, что особенно важно в контексте междисциплинарных исследований и поиска новых методологических оснований социальных наук. Обращение к проблеме исторической индивидуации позволяет по-новому взглянуть на процессы формирования социальных структур, институтов и культурных паттернов, что особенно актуально в эпоху глобальных трансформаций и нарастающей сложности социальных систем.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании исторической индивидуации у Деланда в контексте многовековой философской традиции. Автор не только прослеживает генезис концепции индивидуации от Аристотеля до современности, но и демонстрирует, как Деланда интегрирует и переосмысливает идеи предшественников, создавая оригинальную спекулятивную онтологию. Особую ценность представляет анализ того, как Деланда применяет концепции из теории динамических систем, теории групп и теории хаоса к анализу социальных и исторических процессов, что позволяет преодолеть традиционный разрыв между естественными и гуманитарными науками. Автор также показывает связь между концепциями Деланда и идеями Симондона о доиндивидуальном бытии и трансиндивидуальности, что расширяет наше понимание теоретических истоков нового материализма.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет четкую логическую структуру, которая позволяет последовательно раскрыть эволюцию концепции индивидуации и показать ее трансформацию в философии Деланда. Работа начинается с введения в проблематику спекулятивной онтологии, затем прослеживает историю понятия индивидуации от античности до современности, и завершается анализом концепции исторической индивидуации у Деланда.

Стиль изложения научный, но доступный для понимания. Автор демонстрирует глубокое знание философской традиции и способность ясно излагать сложные концепции. Однако в некоторых разделах текст перегружен терминологией без достаточного пояснения ключевых понятий, что может затруднить понимание для читателей, не знакомых с философией Деланда и его предшественников. В частности, требуются более подробного

разъяснения такие понятия как "аттрактор", "бифуркация", "метастабильность" в контексте социальных и исторических процессов.

Содержание статьи глубоко и информативно. Автор последовательно анализирует различные подходы к индивидуации, выявляя их сильные и слабые стороны, и показывает, как эти идеи трансформируются в философии Деланда. Особенно ценным является анализ взаимосвязи между концепциями ассамбляжа, эмерджентности и исторической контингентности, который позволяет понять оригинальность подхода Деланда к социальным и историческим процессам.

Библиография

Библиография статьи включает 30 источников, среди которых как классические философские тексты (Аристотель, Фома Аквинский, Дунс Скот, Лейбниц), так и современные исследования по спекулятивному реализму и новому материализму. Автор привлекает работы самого Деланда, а также других ключевых представителей спекулятивного реализма (Мейясу, Харман, Брасье). Библиография демонстрирует широкую эрудицию автора и основательный подход к исследуемой проблеме.

Однако стоит отметить, что в статье отсутствуют ссылки на недавние критические исследования философии Деланда и спекулятивного реализма, что могло бы обогатить анализ и показать дискуссионные аспекты исследуемой концепции. Также было бы полезно привлечь работы, посвященные применению теории ассамбляжей Деланда к конкретным социальным и историческим феноменам, что позволило бы продемонстрировать практическую значимость его подхода.

Апелляция к оппонентам

В статье недостаточно выражен критический подход к концепции Деланда. Автор в основном реконструирует и поясняет идеи философа, но не подвергает их систематической критике. Отсутствует анализ возможных противоречий и ограничений теории ассамбляжей применительно к исторической индивидуации.

Автору следовало бы уделить больше внимания потенциальным возражениям, которые могут быть выдвинуты против подхода Деланда с позиций других философских традиций (например, с точки зрения феноменологии, герменевтики или критической теории). Также было бы полезно рассмотреть методологические трудности, связанные с применением концепций из теории динамических систем и теории групп к анализу социальных и исторических процессов, и возможные ограничения такого подхода.

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья представляет значительный интерес для широкого круга исследователей: историков философии, теоретиков социальных наук, специалистов по философии науки и современной континентальной философии. Автору удалось показать, как концепция исторической индивидуации у Деланда открывает новые перспективы для понимания социальных и исторических процессов, преодолевая ограничения как редукционизма, так и холизма.

Основные выводы статьи заключаются в том, что концепция исторической индивидуации Деланда представляет собой оригинальный синтез идей из различных философских традиций и современной науки, который позволяет по-новому взглянуть на процессы формирования и трансформации социальных структур. Автор убедительно показывает,

что подход Деланда, основанный на теории ассамбляжей и концепциях эмерджентности и контингентности, позволяет избежать как детерминизма, так и чистой случайности в понимании исторических процессов.

Тем не менее, статья выиграла бы от более четкого формулирования собственной позиции автора и более критического анализа концепции Деланда. Также было бы полезно более подробно рассмотреть конкретные примеры применения этой концепции к анализу исторических и социальных феноменов, что сделало бы статью более доступной и привлекательной для читателей, не специализирующихся в области философии.

В целом, статья представляет собой ценный вклад в исследование современной спекулятивной онтологии и нового материализма, открывая перспективы для дальнейшего диалога между философией, естественными и социальными науками и может быть рекомендована к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Козлова Н.Ю. Риторика науки: о концептуальных истоках одного оксюморона и возможностях его преодоления

// Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74002 EDN: SXREGW URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74002

Риторика науки: о концептуальных истоках одного оксюморона и возможностях его преодоления

Козлова Наталья Юрьевна

ORCID: 0000-0001-6418-6682

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии; ФГБОУ ВО "Московский педагогический государственный университет"

119991, Российская Федерация, г. Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

✉ nyu.kozlova@mpgu.su

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.5.74002

EDN:

SXREGW

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2025

Аннотация: анализируется идея риторики науки — философского направления, рассматривающего роль языка в конструировании логико-методологического и смыслового пространства науки. Отмечается, что, несмотря на очевидность риторического основания научного дискурса, идея риторики науки является одной из самых спорных и парадоксальных — сочетание «риторика науки» зачастую воспринимается как оксюморон. В статье с применением герменевтической рефлексии, а также логических и аналитических методов, выработанных в рамках современной эпистемологии гуманитарных наук, анализируются концептуальные истоки данного восприятия и обозначаются возможности его преодоления. Развивается представление, согласно которому у негативного отношения к риторическим элементам в научном размышлении древняя история, уходящая корнями в различные слои философского теоретического массива. Особое внимание уделяется объективистской критике смысловой неоднозначности, прослеживается ее связь с негативной философской оценкой риторики и идеей философского реформирования естественного языка.

Показано, что одной из причин философской критики риторики является привнесение ею в научный поиск субъективности и двусмысленности — эпистемических элементов, не укладывающихся в рамки объективистской научной идеализации. Истоки данной эпистемологической оптики обнаруживаются в античной философской мысли — в споре сократо-платоновской и риторико-софистической традиций понимания истины и роли связи языка и мышления в ее достижении. Проводится анализ концептуальных оснований философской критики красноречия, в результате которого делается вывод, что риторика, выступающая инструментом коммуникативных практик, становится заложником конфронтации философии и политики как интеллектуальных оснований существующего порядка вещей. Возможности преодоления восприятия риторики науки как оксюморона связываются автором с важностью рассмотрения взаимодействия эпистемологического и эпистемического уровней научного познания и эксплицирования его (взаимодействия) риторического дизайна.

Ключевые слова:

риторика науки, философия языка, познание, онтология, эпистемологический регулятив, объективность, коммуникация, языковая сборка, идея реформирования языка, риторический дизайн

Введение

Одной из значимых смысловых тенденций современной эпистемологии является интерес к риторическому измерению научного дискурса [\[1-9\]](#). С одной стороны, он обуславливается пониманием коммуникативной природы развития научного знания. Совершенствование научного метода оформляется, прежде всего, в диалоге, который в подвижной среде научной конкуренции — в живом идеетворческом процессе — оборачивается столкновением зачастую противоположных позиций. В таких условиях артикуляция знания основывается, в первую очередь, на стремлении к максимально эффективному обоснованию защищаемой позиции и убеждению противников в ее конструктивности. Утверждение идеи в исследовательском пространстве во многом риторично — такая позиция очерчивает ракурс, позволяющий усматривать в диалектике способов артикуляции научной мысли ключевой момент в развитии научного дискурса, когда формой языкового выражения, в которой сплавляются логический и смысловой компоненты, конституируется научная онтология. С другой стороны, интерес к коммуникативному основанию научного дискурса обостряется актуальным поиском новых путей взаимодействия науки и общества, в котором научный метод мог бы выступить интеллектуальной основой для разрешения конфликтов современности [\[11; 12\]](#). В этом аспекте, учитывая первостепенную функцию языка в формировании интеллектуальных практик социума, фокус исследовательского внимания сосредотачивается на осмыслении роли языка в конструировании смыслового пространства культуры. В центре внимания оказывается проблема языковой «сборки» познавательных стратегий — как выбор того или иного логико-понятийного дизайна влияет на конструирование научного факта и его смысла, а также каким образом подобное конструирование отражается на дальнейшем развитии науки и общества [\[10; 11\]](#).

Несмотря на очевидность риторического основания научного дискурса, риторика науки (Rhetoric of Science) выступает философским направлением, идея которого является одной из самых спорных и парадоксальных [\[1\]](#). Сочетание «риторика науки» в

большинстве случаев воспринимается как оксюморон [\[4\]](#), тем самым демонстрируя невозможность сведения столь по-разному нагруженных в смысловом плане понятий «наука» и «риторика». Если первая ассоциируется с человеческим гением, бросающим вызов миру и Вселенной, со строгостью мысли и объективностью, то вторая в самом нейтральном ракурсе — с учебной дисциплиной филологического цикла, с поэтизацией, стилистикой и изящной словесностью, а в самом ассоциативно нагруженном — с происками политиков и искусством обмана и манипуляций. Подобное восприятие само по себе представляет проблему: почему в понимании риторики доминируют отрицательные коннотации, превращая риторику науки в оксюморон и ставя под вопрос ее соотношение с наукой?

Основная часть

У подобного восприятия есть своя история, концептуальные истоки которой обнаруживаются в различных слоях философского теоретического массива. Век за веком объективистски ориентированная философская мысль утверждала принципиальную несовместимость поиска истины и риторики. Под давлением сократо-платоновской критики красноречия, усматривавшей в последней прежде всего технику манипуляции сознанием [\[7\]](#), доминирующим оказывалось представление о риторике как о показном, «цветистом» пустословии и инструменте манипуляции и обмана [\[13;14\]](#). Философская критика риторического — это история цепкого, непримиримого стремления философии вычленив из своей артикуляции «природу, склонности и интересы говорящего» [\[13\]](#) — субъективный элемент, как считалось, искажающий научную рефлексию. Представление о непереносимой «сухости истины» [\[14, с. 565\]](#) было тем идеализированным критерием «действительного познания», который оказался не знающим исключений «молотом ведем» для любого проявления риторического в философском тексте. Более всего страдала образная сторона языка — незаменимая при конструировании и передаче нового знания [\[15\]](#) и, несмотря на это, последовательно критикуемая: считалось, что переносное употребление слов усиливает смысловую неоднозначность и потому неприемлемо в поиске истинного.

Философская критика риторического оказывается связанной с критикой естественного языка, природа которого рассматривалась в качестве семантически дефектной и неспособной в полной мере служить целям познания. «Плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум» [\[16, с. 20\]](#), понятийное значение неустойчиво и непостоянно [\[13\]](#), вызывая неоднозначность толкований, — язык нуждается в «исправлении». История западноевропейской философской мысли знает множество примеров реформирования естественного языка. Среди наиболее выдающихся, оставивших неизгладимый эпистемологический след, можно выделить проект «Lingua Generalis» Лейбница, в котором он преследовал цель создать язык — «...не покорное орудие выражения мыслей», а «...действенный, гибкий инструмент» [\[18, с. 284\]](#). Предполагалось, что с его помощью было бы возможным не только выверить массив уже имеющихся научных знаний, но и обнаружить ошибки в стратегиях рассуждений. Не менее важным этапом в развитии идеи реформирования языка являются достижения аналитической философии, в частности разработки Фреге специального символического языка (Begriffsschrift), направленного на то, «чтобы сломить господство слов над человеческим разумом» [\[19, S. vi\]](#), а также конструирование Карнапом языков формальных логических систем. Языковое реформирование, таким образом, было направлено на преодоление смысловой неоднозначности: идеальное для

исследовательских целей понятие должно быть однозначным.

Особенно интересно в подобном требовании к языку то, что его древний исток — спор риторики и философии периода эллинской классики — практически не прослеживается. По традиции внедрение в научную рефлексию эпистемологического регулятива в виде стремления к ясности и отчетливости возводится к рационалистической оптике Декарта, выдвинувшего в качестве критерия истинности познания логичность, очевидность и ясность. Кульминацию подобной стратегии, как известно, проявляют идеи логического эмпиризма, настаивавшего на том, что высказывания, которые нельзя подвергнуть эмпирической верификации, являются бессмысленными. Между тем одна из первых серьезных проблематизаций связи языка и мышления в ракурсе стремления к истине была произведена в споре сократо-платоновской и риторико-софистической традиций. Анализ его оснований позволит прояснить столь распространенное восприятие риторики науки в качестве оксюморона.

В эллинский период импульсом к философскому осмыслению взаимодействия языка и мышления послужила сама реальность и ее практические — а именно политические — задачи. Развитие демократии, усложнившее политические процессы укреплением гражданского права свободы слова, заострило указанную проблематику на вопросе связи силы речи и преследуемой говорящим цели. К основному, разрабатываемому софистами и риториками техническому измерению проблематики — как с помощью языка внушать идеи и убеждать — Сократ привносит этическое: какими стремлениями руководствуется притязавший на власть и политическое высказывание? Обрел ли он власть над собой, выработав философское отношение к самому себе, выступающее необходимым условием этического отношения к другому? Этичность становится критерием различения истинной философской речи, направленной на обретение знания и совершенствование мышления, и не-истинной риторической — проводника изменчивого мнения. В результате риторика как искусство политического влияния не проходит этическую проверку: с точки зрения Сократа, к власти приходят худшие (Государство, 496 d) [\[20, с. 301\]](#). Ослепленные тщеславием и жадой власти, они не стремятся к политической добродетели, не способны править и наносят политике полиса только урон. Риторика, служащая инструментом политического возвышения недостойных, сравнивается Сократом с «поварской сноровкой ... для души» (Горгий, 466 e) [\[21, с. 499\]](#), нацеленной на внушение ей ложных представлений и идей, — воспринимающий речь пленяется «призраком» знания и потому лишается возможности приблизиться к истине. По сути, философской критике подвергаются два аспекта речи: субъективность говорящего, ориентированная на манипуляцию аудиторией посредством внушения ей заведомо ложного, но выгодного говорящему мнения, и риторическая форма артикуляции — та языковая оболочка, которая выступает проводником суггестии.

Философское наступление на искусство красноречия, по сути, было вызвано неэтичным, с точки зрения Сократа, использованием языка. Сама по себе критика красноречия выступает фоном по отношению к главному критическому удару сократо-платоновской философии — по образу жизни и мышления, восприятия мира и себя субъекта как участника политических отношений и процессов. Одним из центральных смыслообразующих мотивов философии выступает мотив «ухода за душой» [\[21\]](#), понимавшийся в качестве заботы человека о добродетели, чутком самоосознании и власти над собой — всей совокупности таких «отношений» к себе, которые позволяли «жить самым достойным образом» (Горгий, 520 e) [\[21, с. 567\]](#) и достичь блага — главной цели человеческой жизни. Ранее упомянутые вопросы (заботится ли человек о себе? Знает ли себя, действительно ли владеет собой, освоив искусство измерения, что смеет

выступать с политическими речами и претендовать на правление?) становятся ключевыми при этической оценке. Проблематизация сократо-платоновской традицией интеллектуальных практик в этической плоскости усиливает конфронтацию между философией и политикой [22], в которой риторика как искусство сложения речей невольно становится заложником. Анализ деятельности ораторов и их роли в общественной и духовной жизни и как знаменатель — развенчание риторики (не искусство, как все считают, а навыки манипуляции и обмана) выполняет две функции. Во-первых, служит ориентиром для отличия истинно философской речи и, соответственно, этического субъекта. Во-вторых, выступает предостережением как для желающих вступить на политический путь — обучение риторике, настаивает Сократ, критикуя софистов, это еще не вся политическая добродетель, намного важнее овладеть ее ядром, т.е. научиться управлять собой и освоить искусство измерения [Платон 1990] — так и для аудитории, слушающей уже состоявшихся ораторов и одобряющей то или иное политическое решение в результате воздействия их речей.

Таким образом, оформляя коммуникативные стратегии дискурса власти, риторика выступала инструментом конструирования политической реальности — именно это и послужило причиной настойчивого внимания к ней сократо-платоновской традиции. В то же время введение этического критерия в практику политических речей явилось предпосылкой для их критического анализа. Соответственно, к риторике, которая ассоциировалась с искусством манипуляции, обретавшим свою силу над сознанием человека как раз благодаря смысловой пластичности языка, его образности и неоднозначности, которую искусный оратор может использовать в своих корыстных целях, закреплялось критическое отношение.

Важно отметить, что довольно жесткая критика риторики в диалогах Платона может, на первый взгляд, свидетельствовать о категорическом неприятии философией ораторского искусства и служить основой для последующего их концептуального противопоставления. Однако это не совсем так. Признавая первостепенную значимость риторики самим фактом внимания к софистам и обсуждения их системы обучения политической добродетели, сократо-платоновская традиция акцентировала внимание на важности философско-этического анализа коммуникативных практик в силу их конститутивной роли в развитии интеллектуальной реальности. Платон, блестяще владевший искусством красноречия, о чем свидетельствуют его сочинения, развернул философской фронт против риторики, по всей видимости преследуя следующую цель. Осознавая связь между языком и мышлением — область прикладных интересов софистов и раторов — и оценивая катастрофические последствия политической деятельности, лишенной этического основания, в диалогах Платон, по сути, драматизирует обсуждение вопроса о риторическом обучении, тем самым создавая вокруг его идеи негативный фон. Подобный ход создает подходящие условия для эпистемологической и онтологической проблематизации мышления, выразившейся, прежде всего, в оппозиции «мнение-знание», «видимость-истинное бытие», «убеждение-доказательство». Иными словами, идея риторики оказывается втянута в круг серьезных метафизических проблем. Однако, учитывая колоссальный удельный вес платонизма в развитии западноевропейского философского мышления и непосредственную, веками только укреплявшуюся связь риторического искусства с политической сферой, можно говорить лишь о закономерном укоренении той негативной ассоциации, которая однажды возникла, вне учета факторов ее происхождения. Это замечание становится особенно интересным в контексте аристотелевской «защиты» риторики. «Пользование словом», равно как и другими «благами», свойственными человеческой жизни — например, силой, здоровьем,

богатством, военным талантом и тп. — само по себе этически нейтрально: «человек, пользуясь этими благами, как следует, может принести много пользы, несправедливо же [пользуясь ими,] может сделать очень много вреда» [23]. Иными словами, этическую тональность той или иной человеческой способности задает характер субъекта. Однако данная позиция в отношении риторики не получила поддержки в последующем развитии эпистемологических идеализаций.

В философско-методологической памяти последующих веков стирается воспоминание о «заложничестве» риторического искусства, и, поскольку политические вопросы и их этическое измерение актуальны на всем протяжении человеческой истории, в большей степени закрепляется его плохая репутация. В то же время осмысление проблемы связи языка и мышления, очерчивающей дискурс размышлений об истине и ее достижении, получает определенное направление, а именно в ракурсе критики языка и стремления к объективности. Рассматриваемая проблема обретает в объективистской философской традиции одну из самых удивительных интерпретаций — в методологической позиции, подразумевающей настороженное, максимально критичное отношение к смысловой полифонии естественного языка и установку на устранение в познании всего неоднозначного. Наиболее яркое проявление подобная методологическая стратегия находит в уже рассматривавшейся «терапии», или профилактике естественного языка, которая выступает попыткой контроля его негативного влияния на научный поиск.

Несмотря на то что вышеприведенный анализ показал, что в основе отношения к риторике науке как оксюмору лежит древняя история философской критики искусства красноречия, именно в связи риторики и философской рефлексии об основаниях познания обнаруживаются пути для преодоления оксюморонной оптики. Речь идет прежде всего о наблюдающемся в нем взаимодействии эпистемологического и эпистемического уровней, которое проявляется следующим образом. Если обратиться к анализу любой философской методологической позиции — например, к уже известной идее реформирования языка — то в ней легко обнаруживается риторическое основание, а именно формула «как говорить и о чем», которая в рассматриваемом примере транслирует эпистемологическое предписание «содержание мысли, имеющее ценность для философского и научного познания, необходимо излагать в четкой недвусмысленной форме». Причем на реальном методологическом уровне, вопреки научной идеализации, уклонения от смысловой неоднозначности, использования образности, ее усиливающей, естественно, не происходит. Более того, путь аргументации оформляется всеми доступными языковыми средствами.

Особенно показательные в этом отношении примеры обнаруживаются в работах английских философов XVII века. Ставя своей целью избавить философский метод от многовекового теологического и алхимического символизма, тем самым высвобождая развитие науки от пут метафизических споров и спекуляций, философы обнаруживали источник ошибок в мышлении в семантическом несовершенстве естественного языка и его злоупотреблениях [13-14; 16; 17]. Однако при этом, развивая и аргументируя свою позицию, использовали критикуемую ими риторико-образную языковую сторону. Более того, Бэкон, разрабатывая проблему передачи знания, подчеркивал необходимость риторики и ее механизмов при изложении принципиально новой системы знаний [14]. В подобной коммуникативно осложненной ситуации, когда новая идея сталкивается с укоренившимися предубеждениями и сопротивлением непривычной стратегии мысли, логические аргументы и апелляция к фактам зачастую оказываются бессильными. В таких случаях внедрение новой оптики необходимо проводить риторическим путем, позволяющим ей не быть обделенной вниманием или отброшенной в качестве

парадоксальной [14]. Если раскрыть точку зрения Бэкона, утверждавшего, что образная сторона языка делает новые мысли «доступными человеческому восприятию» [14, с. 347], то риторический путь позволяет, во-первых, активизировать воображение реципиента — он не просто пассивно воспринимает информацию, а активно участвует в процессе осмысления ее логических цепочек, строит собственные ассоциативные связи, реконструируя понимание, предложенное автором; во-вторых, риторические механизмы (например, метафора) позволяют обойти защитные механизмы сознания, связанные с предубеждениями. Предлагая новую идею в знакомом образе, автор смягчает новизну, делая её менее угрожающей для устоявшегося научного мировоззрения.

Подобные и иные проявления риторического основания философской рефлексии наблюдаются в любом исследовательском построении, преследующим цель внедрить новый исследовательский ракурс в существующую онтологию [2; 24]. Более того, императивная функция научной идеализации имплицитно содержит в себе тенденцию к убеждению. В случае с упоминавшейся стратегией реформирования языка, реализующейся в эпистемологическом стремлении к однозначности и объективности, одной из линий аргументации является сама предполагаемая языковая форма, соответствующая представлениям о рациональном доказательстве и усиливающая интенсивность приверженности аудитории предлагаемому исследовательскому ракурсу [25]. Любую исследовательскую позицию, таким образом, отличает не только взаимосвязь эпистемического и эпистемологического, но и определенный риторический дизайн, устанавливающий данную взаимосвязь в логической структуре аргументации и ее понятийно-смысловой форме.

Заключение

Необходимо отметить, что риторика как искусство коммуникации выступает неотъемлемым компонентом любой речи, преследующей убеждение. Научный дискурс, направленный на разработку новых стратегий познания реальности, имеет ярко выраженную коммуникативную основу: вхождение новых представлений в существующую онтологию риторично. В современной эпистемологии, отталкивающейся от идеи того, что научные теории не являются объективными отражениями реальности, а скорее социальными конструкциями, формируемыми в процессе коммуникации и аргументации, все более нивелируется противопоставление науки и риторики и утверждается понимание последней как неотъемлемого механизма научного процесса, конститутивного элемента, стоящего у истоков формирования научных теорий, их восприятия научным сообществом и социумом. Особую важность приобретает наблюдение за процессом языковой «сборки» стратегий научного познания, анализ опыта артикуляции научной мысли и его онтологического значения. Возросшее внимание к языку науки и его роли в формировании знания, наблюдающийся «риторический поворот», не означает возвращение к софистике или отказ от логики и эмпирических доказательств в научном познании. Он скорее призывает к более тонкому и внимательному анализу коммуникативных аспектов научной деятельности, к рассмотрению науки не только как системы знаний, но и как социального практики, основанной на коммуникации и убеждении. Подобная исследовательская оптика способствует пониманию того, как развивается познание, какую роль играет язык в формировании логико-методологического и смыслового пространства науки.

Библиография

1. Gross A. The Rhetoric of Science. NY: Harvard University Press, 1996. 286 p.
2. Gross A. Starring the text. The place of rhetoric in science studies. Southern Illinois

University Press, 2006. 217 p.

3. Prelli L.J. A Rhetoric of Science: Inventing Scientific Discourse. Columbia, SC: University of South Carolina, 1989. 320 p.

4. Bazerman Ch. The Production of Technology and the Production of Human Meaning // Journal of Business and Technical Communication. 1998. Vol. 12. № 3. P. 381-387. DOI: 10.1177/1050651998012003006. EDN: JNBSWV.

5. Ornatowski C.M. Rhetoric of Science: Oxymoron or Tautology? // The Writing Instructor. 2007. URL: <http://www.writinginstructor.com/ornatowski> (дата обращения: 10.03.2025).

6. Макклоски Д.Н. Риторика экономической науки. Второе издание. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдар: Издательство Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.

7. Козлова Н.Ю. Риторика и наука: преодоление античного разрыва // Проблемы современного образования. 2018. № 1. С. 9-18. EDN: YUOKLS.

8. Грифцова И.Н., Козлова Н.Ю. Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 1. С. 122-133. DOI: 10.5840/eps202461111. EDN: TWYIUI.

9. Микешин М.И. "Полевые" работы эпистемолога технонауки // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 4. С. 25-35. DOI: 10.5840/eps202461453. EDN: URHERX.

10. Haslanger S. Gender and Race: (What) are they? (What) Do We Want them to Be? / Resisting reality. Social construction and social critique. NY: Oxford University Press, 2012. P. 221-248.

11. Burgess A., Cappelen H., Plunkett D. Conceptual Engineering and Conceptual Ethics. NY: Oxford University Press, 2020. 461 p.

12. Козлова Н.Ю. Концептуальная инженерия: идея и проблемное поле // Вопросы философии. 2024. № 9. С. 157-166. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-9-157-166. EDN: MERGOL.

13. Hobbs T. Leviathan or the matter, forme and power of a common-wealth ecclesiastical and civill. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/3207/pg3207-images.html#link2HCH0004> (дата обращения: 03.01.2025).

14. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 623 с.

15. Козлова Н.Ю. Образность в научном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2023. № 1. С. 138-152. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1-138-152. EDN: QAPTCN.

16. Бэкон Ф. Новый органон, или истинные указания к истолкованию природы / Сочинения. В 2-х томах. Т. II. М.: "Мысль", 1971. 590 с.

17. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук / Сочинения. В 2-х томах. Т. I. М.: "Мысль", 1971. 590 с.

18. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб: Изд-во "Alexandria", 2018. 422 с.

19. Frege G. Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache der reinen Denkens / Begriffsschrift und andere Aufsätze. Zweite Auflage. Hildesheim, Zurich, New York: Georg Olms Verlag, 1993. 124 s.

20. Платон. Диалоги. Книга третья и четвертая. М.: Эксмо, 2008. 1359 с.

21. Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 861 с.

22. Arendt H. Philosophy and Politics // Social Research. 1990. Vol. 57. No. 1. P. 73-103. EDN: HKLTTN.

23. Аристотель. Риторика / Античные риторики. М., 1978. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 03.01.2025).

24. Ceccarelli Leah. Shaping Science with Rhetoric. The Cases of Dobzhansky, Schrödinger, and Wilson. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 192 p.

25. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Trans. By Wilkinson J., Weaver P. London: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой «реплику» в дискуссиях о роли речи как элемента процесса развития науки. По-видимому, она задумывалась автором как некое обобщение тенденции, наблюдающейся в философии и методологии науки уже почти столетие – после К. Поппера и тех его «последователей» (в широком значении слова), которые всё более настойчиво акцентировали социальную обусловленность научного познания, в том числе, его зависимость от принятых в научном сообществе «правил». Конечно, и работы обобщающего характера имеют право на то, чтобы быть представленными на страницах научных журналов. К сожалению, однако, в таких случаях часто оказывается, что за текстом не стоит никакого специального исследования, автор лишь (в данном случае грамотно) повторяет давно известные читателю положения. Например, в заключении статьи сказано, что сегодня «всё более нивелируется противопоставление науки и риторики и утверждается понимание последней как неотъемлемого механизма научного процесса, конститутивного элемента, стоящего у истоков формирования научных теорий, их восприятия научным сообществом и социумом». Это, безусловно, верно, но какой вклад в признание этого вывода вносит рецензируемая статья? Возможно, отсутствие собственного исследовательского базиса побуждает автора использовать какой-то «кавалерийский» метод работы с литературой; ему достаточно вполне «невинного» замечания, чтобы сослаться сразу на несколько отнюдь не эквивалентных по содержанию и достоинству источников. Уже первое предложение («Одной из значимых смысловых тенденций современной эпистемологии является интерес к риторическому измерению научного дискурса») сопровождается указанием на девять (!) источников. А почему просто не сослаться на библиотеку? Может ли подобный способ апелляции к источникам закамуфлировать отсутствие собственного пути исследования заявленной темы? От упомянутого уже К. Поппера ведёт своё начало отождествление научности с «решительностью» утверждений, на которые решается исследователь; учёный почти инстинктивно стремится обострить познавательную ситуацию, да такое положение и объективно складывается, если он говорит что-то действительно новое в науке. Если же не утверждать ничего, что провоцировало бы научное сообщество на возражение и критику, то ошибиться, конечно, будет трудно, но принадлежат ли сами подобные тексты к составу науки? Впрочем, иногда автор всё же допускает неосторожные высказывания: «В современной эпистемологии, отталкивающейся от идеи того, что научные теории не являются объективными отражениями реальности, а скорее социальными конструкциями, формируемыми в процессе коммуникации и аргументации». Нет, конечно, и «объективными отражениями» тоже, другое дело, что бесконечность научного познания и его социальная обусловленность побуждают рассматривать процесс приближения к «объективности» как многообразно (зачастую на грани противоречивости) опосредствованный. Возможно, впрочем, что в такого рода заявлениях (рассыпанных последние десятилетия по всему полю публикаций в области философии науки, а не присутствующих лишь в рассматриваемой статье) проявляется и игнорирование диалектики, так и не изжитое в постсоветской («отвернувшейся от марксизма») философии. Несмотря на высказанные замечания статья, несомненно, заслуживает

публикации в журнале. Возможно, автор расширит её за счёт более «предметного» рассмотрения темы, небольшой объём (0,5 а.л.) позволяет сделать это.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Медведев В.И. Значение как категория социально-гуманитарного познания: к вопросу о специфике наук о человеке // Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.73043 EDN: SYBBVL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73043

Значение как категория социально-гуманитарного познания: к вопросу о специфике наук о человеке

Медведев Владимир Иванович

доктор философских наук

профессор; кафедра философии и социологии; Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

190008, Россия, г. Санкт-Петербург, Ленинский, 101, ауд. 501

✉ 21medvedev.vl@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.5.73043

EDN:

SYBBVL

Дата направления статьи в редакцию:

16-01-2025

Аннотация: Предметом анализа является роль категории значения в социально-гуманитарном познании. В. Дильтей утверждал, что главными категориями гуманитарного познания («наук о духе») являются не причина и следствие, а цель, ценность и значение. Действительно, человеческим действиями мы обычно даем не каузальные, а телеологические объяснения. Действия изначально воспринимаются как интенциональные. Интенции (намерения) при этом нельзя считать причинами человеческих действий и исторических событий в естественнонаучном смысле. В интенциональных действиях мы реагируем не на предметы и ситуации как таковые, а на их значение. Значение – это новая сторона предметов и явлений, которая появляется в мире целесообразно действующих существ. Предметы и явления приобретают значение по отношению к нашим целям. Анализируются идеи сторонников и критиков натуралистической трактовки особенностей наук о человеке и обществе. Сторонники натуралистического подхода в социально-гуманитарном познании стремятся избавиться от значений, свести материал гуманитарного познания к тому, что доступно внешнему

наблюдению. Такой подход обосновывался в философии логического позитивизма, а в социологии – Э. Дюркгеймом и бихевиористами. Однако последовательно провести такой подход не удастся. И Дюркгейм, и бихевиористы ссылались в конкретных случаях на значения. Там, где есть целесообразно действующие существа, есть значения. Каждая культура – это мир значений. Принятые в данной культуре способы понимания значений усваиваются нами в процессе социализации. Значения фиксируются и осознаются в языке. Но осваивается мир значений практически – в ходе развития жизнедеятельности ребенка и освоения им форм жизнедеятельности, характерных для данной культуры. Центральный характер понятия значения в гуманитарном познании препятствует перенесению в него естественнонаучных методов. Критикуется сциентистская интерпретация психоанализа, утверждается, что он работает именно в поле значений. Доказывается, что рассуждать о социальной и человеческой жизни, игнорируя мир значений, невозможно.

Ключевые слова:

значение, гуманитарное познание, каузальное объяснение, телеологическое объяснение, причина, цель, интенциональность, интерпретация, натуралистический подход, понимающая социология

Вопрос о том, меняется ли что-то принципиально, когда предметом познания становится не природа, а человек и общество, издавна ставился в философии. Дискуссии на эту тему интенсифицировались в XIX в. Связано это, в частности, с тем, что в этом столетии психология и социология, которые до этого были скорее разделами философии, обрели статус самостоятельных конкретных наук. Анализ категории «значение» заслуживает внимания в связи с этими дискуссиями, которые продолжились и в XX-XXI вв.: такой анализ способен внести вклад в рассмотрение вопроса о специфике социально-гуманитарного познания.

Одним из первых в неклассической философии идею принципиального отличия гуманитарных наук («наук о духе») от естественных пытался обосновать, как известно, В. Дильтей. Среди важнейших отличий он называл то, что в естественно-научном познании важнейшими категориями являются причина и следствие, в то время как в гуманитарном – цель, ценность и значение. В историческом мире и человеческом поведении, считает Дильтей, нет причинности в естественно-научном смысле, когда одно событие в соответствии с некоторым законом с необходимостью вызывает или производит другое. Здесь есть лишь воздействие и страдание, действие и противодействие [\[1, с. 138\]](#). С этим можно согласиться. Возьмем какую-нибудь типичную ситуацию. Например, преподаватель выгнал с лекции студента, который все время болтал. Можно ли считать тот факт, что он болтал, причиной действий преподавателя? Вряд ли. Не исключено, что он болтал и раньше, что, однако, не приводило к его изгнанию с лекции. Вполне возможно, что с преподавателем произошло что-то неприятное по пути на лекцию: ему, например, нахамили в общественном транспорте, или подрезали на дороге, если он ехал на автомобиле. Или перед лекцией он имел неприятный разговор со своим начальством. Из-за этого он пришел на занятия раздраженным. Значит ли это, что причиной действия преподавателя было это? Тоже вряд ли. Подобные вещи могли влиять на поведение и решения преподавателя. Но раздражение могло проявиться совсем в других формах. Поэтому причинной связи между событиями здесь нет. Есть лишь воздействие, о котором и писал Дильтей. Или возьмем пример Х. фон Вригта. Можно ли считать сараевское

убийство причиной Первой мировой войны? Он считал, что, если и да, то в другом смысле – не в том, в каком мы говорим о причинных связях в природе. Оно не вызвало войну с необходимостью естественного закона, как искра вызывает взрыв бочки с порохом. Оно изменило мотивационную основу поведения Австро-Венгрии, австрийский ультиматум, предъявленный Сербии, изменил такую же основу решений России и т. д. [\[2, с. 169-171\]](#)

Установление каузальных законов является одной из важнейших задач науки. Естественные науки эту задачу так или иначе выполняют. Но формулировка каузальных законов человеческого поведения, как неоднократно отмечали философы и социологи после Дильтея, является гораздо более сложной задачей, вряд ли вообще осуществимой. Об этом писал, в частности, Г. Зиммель, взгляды которого относительно специфики гуманитарного познания аналогичны идеям Дильтея. Психология, социология и метафизика имеют дело с настолько сложными объектами, что выделять в этих сплетениях разнообразных сил однозначные связи между отдельными факторами невозможно. В психологии из одного аффекта могут вытекать противоположные последствия в зависимости от других сопутствующих факторов. Зиммель приводит такой пример. Можно ли считать общим законом утверждение, что разлука усиливает любовь? Нет, потому что не всегда и не всякую [\[3, с. 304-308\]](#). А сможем ли мы сформулировать условия, при которых этот закон все-таки будет действовать? Тоже вряд ли. Слишком много факторов нужно будет учесть. А если мы все-таки это сделаем, наше утверждение потеряет характер общего закона. Важно и то, что в порядок причин наших действий в разнообразных ситуациях нужно будет обязательно включать уровень наших знаний, накопленный опыт нахождения в подобных ситуациях и т. д. Все это делает фактически невозможным предсказание человеческих действий.

В XX в. была сформулирована классическая схема научного объяснения – схема Поппера - Гемпеля. Согласно ей, объяснение любого события может быть дедуктивно выведено из двух групп утверждений: 1) универсальных высказываний, то есть формулировок общих законов и 2) утверждений о начальных условиях события. Так можно объяснить, например, почему на морозе лопнул радиатор – мы сошлемся на ряд общих законов и введем начальные условия события (температуру воздуха, прочность корпуса радиатора и т. п.). К. Поппер был уверен, что таким образом объясняются и человеческие действия. В своих объяснениях конкретных исторических событий историки, как считает Поппер, используют массу тривиальных законов, которые не формулируются ими явно: например, что одна армия никогда не победит другую, если при примерно одинаковом вооружении и искусстве полководцев вторая имеет значительное превосходство в живой силе. Поэтому, по его мнению, гуманитарные науки принципиально не отличаются от естественных. Реальным является различие теоретических обобщающих наук, которые интересуются общими гипотезами и их проверкой, и прикладных, нацеленных на объяснение и предсказание конкретного события [\[4, с.302-306\]](#). Историки решают те же задачи, что и представители прикладных дисциплин.

Эти идеи вызвали в 50-60-е гг. XX в. оживленную дискуссию об объяснении в гуманитарных науках. В основном ее участники рассматривали вопрос о том, действительно ли эта схема используется в исторических объяснениях. Противники универсальной схемы объяснения утверждали, что мы понимаем действия людей, не подводя их ни под какие общие законы, даже если это - тривиальные законы, которые не формулируются явно. Например, когда историк пишет, что Марк Антоний задержался в Египте из-за любви к Клеопатре, за этим объяснением не стоит никакой общий закон.

«Закон», утверждающий, что все влюбленные стараются дольше задержаться возле предмета своей любви, было бы легко фальсифицировать, приведя контрпримеры. При этом, нам вполне понятно, что произошло с Марком Антонием [\[5, p.415-417\]](#). Критики схемы Поппера - Гемпеля сходились на том, что исторические и социологические объяснения делают поведение людей понятным и рациональным, но не делают его теоретически предсказуемым. Кстати, почему обязательно рациональным? Нерациональные действия могут быть вполне понятны также.

Применительно к человеческим действиям по-английски часто употребляется не слово *cause*, а слово *reason*. Аналогичные различия есть и в других европейских языках. Интересно, что в английском толковом словаре дается такое значение слова *reason*: «the cause or explanation for something that has happened or that someone has done» (причина или объяснение чего-то, что произошло или было кем-то сделано)» [\[6, p. 1183\]](#). Но после этого даются примеры исключительно человеческих действий: «причина (*reason*) того, что я купил это...», «единственной причиной (*reason*) того, что я ушел, было...» и т. п. Примеров естественных событий (*something that has happened* - того, что произошло, но в природе) в статье нет. Поэтому, хотя и *cause*, и *reason* мы будем переводить на русский как «причина», различие между ними как двумя видами причин не должно уходить из внимания. В русском тоже используется слово «резон» (пришедшее из французского). Правда, оно употребляется не так часто и выглядит устаревшим. В большинстве случаев, переводя на русский английское слово *reason*, мы напишем все-таки «причина», а не «резон». Резон в русском – это скорее мотив, а не причина: «какой мне резон делать это?», могли бы мы спросить в какой-то ситуации. Хотя звучит это как устаревший оборот, резон, как и *reason* – это не «почему», а «для чего».

Поскольку люди делают что-то не просто «почему», а «для чего» или «зачем», человеческим действиям мы даем не каузальные, а телеологические объяснения. Телеологическое объяснение отвечает на вопрос, зачем *X* что-то делал, каковы были его намерения. В случае неудачи мы можем каузально объяснить потом, почему *X* не удалось то, что он задумал. Но любое действие сначала интерпретируется интенционально. Фон Вригт доказывал, что интенции (то есть намерения, но это можно было бы сказать и о «резонах») не являются обычными «юмовскими» причинами наших действий. Юмовские причины обладают логической независимостью по отношению к следствиям. А намерение невозможно верифицировать независимо от верификации успешности интенционального действия. При этом телеологически объяснять можно только уже интенционально истолкованные события, то есть действия [\[2, с. 125-140, 148-154\]](#). Как писал Т. Парсонс, для физика прыжок с моста (самоубийство) является событием, а для социолога – действием [\[7, с. 277\]](#). А там, где речь идет о действии, есть интенциональность, есть цели и значения. С оговоркой, конечно, что не все человеческие действия интенциональны – есть чисто реактивные и такие, которые представляют собой автоматическое следование обычаю или норме.

В случае интенциональных действий важно то, что мы реагируем не просто на ситуации, которые можно описать через внешние наблюдаемые характеристики, а на их значение. Это понятие Дильтей называл важнейшей категорией исторического мышления [\[1, с. 139\]](#). Эта категория характеризует отношение элементов к целому. Момент прошлого значим, т. к. он имеет отношение к будущему, к целому нашей жизни [\[8, с. 132-133\]](#). Это касается и истории, и отдельной человеческой жизни. Противники дильтеевской линии в трактовке наук о человеке – сторонники натуралистического подхода – хотели бы избавиться от

значения как от того, что принципиально отличает науки о человеке от естественных и препятствует достижению единства научного знания. Натуралисты от О. Конта до бихевиористов считают, что в социально-гуманитарных науках должны использоваться те же методы, которые принесли успех естествознанию – наблюдение, эксперимент, и, по возможности, измерение. Социальные факты нужно изучать как вещи, писал Э. Дюркгейм, отделяя их от человеческих мыслей и чувств, фиксируя их по внешним, наблюдаемым признакам [\[9, с. 65, 78-79\]](#). Классик бихевиоризма Б. Ф. Скиннер призывал отказаться от объяснений человеческого поведения со ссылками на мысли, идеи, стремления, установки и т. п. ненаблюдаемые сущности. Нужно изучать то, что наблюдаемо – зависимость поведения от реакции окружения, забыв про вышеперечисленные ментальные сущности [\[10\]](#). Натуралистическая линия получила обоснование в философии логического позитивизма. Р. Карнап и О. Нейрат доказывали возможность психологии и социологии на физикалистском языке [\[11; 12\]](#). В нем качественные термины физикализируются за счёт связывания их с количественно определяемыми физическими величинами (например, цвет – с длиной волны). Утверждения с психологическими терминами (типа «Х взволнован») должны при этом переводиться в утверждения исключительно с физиологическими терминами, фиксирующими изменение состава крови Х, артериального давления, частоты пульса и т. д. Психология должна стремиться к такого рода утверждениям, если она хочет стать «настоящей наукой», конечно. В социологии все события должны определяться через внешне наблюдаемые свойства и движения.

Критики натуралистического подхода писали, что социальные события невозможно даже идентифицировать без ссылки на мотивы и взаимные ориентации участников. Что делает лекцию лекцией? Расположение и движение участников, или сеть взаимных ориентаций, существующая между ними? Думается, что второе. Кроме того, критики неоднократно упрекали сторонников натуралистического подхода в том, что в конкретных случаях они оказываются неспособны осуществить свои принципы во всей их чистоте, и при объяснении человеческих действий постоянно ссылаются на то самое значение. Последователи феноменологической социологии А. Шюца, например, обращали внимание на то, что Дюркгейм в своей книге о самоубийствах постоянно апеллировал к социальным значениям. В частности, когда он объяснял, почему у образованных евреев уровень самоубийств не выше, чем у необразованных, в то время как у представителей других национальностей и религий образованные, как правило, больше склонны к самоубийствам [\[13, с. 91-93\]](#). Дюркгейм связывал это с особым значением, которое имело образование для евреев в условиях существовавших тогда во Франции и в других странах Европы ограничений. Те, кто смог его получить несмотря на ограничения, уже из-за этого чувствовали собственную состоятельность. Вряд ли такого рода отношение можно зафиксировать как факт на основе чисто внешнего наблюдения. То же самое можно сказать и о бихевиоризме: последовательно провести его методологические принципы не удавалось. Сам Скиннер признавал, что априорно, то есть независимо от конкретной ситуации, сказать, какой стимул будет положительным подкреплением, невозможно [\[14\]](#). Пища, конечно, является положительным подкреплением, но для голодного. В человеческом обществе существуют обобщенные подкрепления, например, деньги. Но одна и та же сумма будет стимулом для разных людей в разных ситуациях в очень разной степени. То есть, по сути дела все и здесь зависит от значения – от той самой ненаблюдаемой ментальной сущности.

Понятие значения связано с понятием цели. Значения – это новая сторона действительности, которая появляется в мире, где есть целесообразно действующие

существа. Предметы и ситуации приобретают для таких существ определенное значение по отношению к их целям. Целесообразно действующими существами являются, конечно, не только люди, но и животные. Для них предметы и явления также имеют то или иное значение. Но вряд ли животные это значение осознают. В отличие от людей. В биологии, по мнению фон Вригта, часто даются так называемые квазителиологические объяснения. Например, что дыхание учащается при физических нагрузках для того, чтобы компенсировать потерю кислорода. Но такие объяснения на деле аналогичны каузальным. По-настоящему мы объясним это явление тогда, когда поймем, как уменьшение содержания кислорода в крови детерминирует учащение дыхания [\[2, с. 185-187\]](#). Давая квазителиологическое объяснение, мы вовсе не предполагаем, что дыхание как субъект реагирует на потребность организма. Действия же животных часто бывают вполне интенциональными и могут объясняться телеологически. Разница именно в том, что вряд ли собственные интенции и связанные с ними значения животными осознаются.

Натуралистический подход к социально-гуманитарному познанию стремится оставить в науках о человеке и обществе исключительно каузальные объяснения. Современным примером этого являются надежды когнитивистов объяснить всю нашу духовную деятельность нейрофизиологией мозговых процессов. Эти процессы (динамическая самоорганизация мозга) формируют у нас, по выражению Т. Метцингера, «иллюзию Я» [\[15, с. 10,19,266-267\]](#). Это, конечно, восстанавливает «материальное единство мира», растворяя сознание и самосознание в нейрофизиологии. Но возникает вопрос: а кто является субъектом подобных исследований, если человеческое Я, субъективность (даже скорее субъектность) – это иллюзия? Тогда подлинный «субъект» любого исследования – нейрофизиологические процессы. Тот же Метцингер призывает ценить и отстаивать автономию сознания, да и вообще рассуждает от первого лица, ставящего цели исходя из определенных ценностей. Если всерьез принять позицию, что никаких Я нет, есть лишь динамика нейронов, то эти призывы теряют не только адресата, но и оправдание. Признание целей и ценностей как специфической стороны мира целесообразно действующих существ возвращает в мир и значения.

Значения (идеальная, социально-функциональная сторона предметов) фиксируются и осознаются в языке. Они воплощаются и в создаваемых человеком искусственных орудиях продуктах труда. Но там они неотделимы от материального субстрата. Знак же – это особый предмет, функциональное бытие которого поглощает его вещественное существование [\[16, с. 21-27\]](#). В определенных ситуациях предметы становятся знаками самих себя. Например, вместо меню посетителю ресторана можно было бы предъявлять входящие в меню блюда. Но в том-то и дело, что для исполнения этой функции реальные блюда в их вещественной сути не нужны, и их можно заменить знаками. Как для функционирования в качестве денег (средства обращения) не важны физические свойства золота или бумажных денежных знаков. А у знаков языка функция означивания становится основной. Важно, что язык – это не просто средство общения. Человеческое средство общения несет в себе социально-исторический опыт выделения назначения (а, значит, и значения, смысла) предметов и явлений окружающего нас мира, опыт их анализа, классификации, обобщения и т. д. Каждая культура – это мир значений. Мы живем в этом мире. Наши действия формируются и приобретают смысл в мире значений определенной культуры и эпохи. В процессе социализации мы усваиваем принятые в нашей культуре способы понимания (интерпретации) значений. Это подчеркивали представители феноменологической социологии. В результате, каждый из нас одновременно формируется как человек и как представитель определенной эпохи и культуры.

Важно и то, что слова не просто обозначают, кроме денотата (обозначаемого) компонентом значения слов являются коннотации – эмоционально-оценочные компоненты значения. Поэтому этимология слов часто раскрывает нам черты мировоззрения прошлых эпох. Например, слово «благородный», которое сейчас употребляется для характеристики нравственных качеств, этимологически говорит о происхождении человека. Это напоминает нам о тех временах, когда нравственные качества напрямую связывались с происхождением, с различием благородных и низких. «Подлый люд» — это слово также было в первую очередь характеристикой происхождения, а соответствующие нравственные качества предполагались как естественное его следствие. Аналогичным примером является слово *courtesy* в английском. Сейчас это просто «любезность», или «вежливость». Но происходит оно от слова *court* – «двор». И свидетельствует об эпохе, когда подлинная любезность связывалась с придворными кругами. Именно в коннотациях часто гнездится идеология, что подчеркивал Р. Барт [\[17, с. 314-316\]](#). Называя и описывая, мы оцениваем. Особенно, если это касается социальных событий. Что-то происходит на улицах. Как назовут это журналисты – «акции протеста», или «уличные беспорядки»? Усвоение языка со всеми его мировоззренческими коннотациями – важная составляющая процесса социализации. С языком мы усваиваем и отношение, и оценки различных явлений, характерные для разных эпох и культур.

Феноменологическая социология – важнейшее направление понимающей социологии XX в. – подчеркивала, что понимание значений – это не какой-то особый метод «наук о духе». Как писал А. Щюц, субъективная интерпретация значений – это часть повседневной жизни любого человека, она является практическим умением, которое формируется в процессе первичной социализации [\[18, с. 26, 58\]](#). Способы понимания значений, характерные для нашей культуры, кажутся нам само собой разумеющимися, мы не осознаем их как особые способы интерпретации. Лишь сталкиваясь с представителями других культур, мы можем осознать специфичность мира значений своей культуры. Разрушение естественно текущих ситуаций способствует такому осознанию. Можно вспомнить как основатель этнометодологии Г. Гарфинкель (последователь Щюца) давал своим студентам-социологам задания делать что-то, выходящее за рамки «само собой разумеющихся» норм: начать торговаться в универсаме, или вести себя как квартирант с родителями дома. При этом, как он считал, выходят наружу и становятся заметными фоновые ожидания, связанные как раз с «само собой разумеющимися» (неосознаваемыми нами) нормами нашей культуры [\[19, с. 47-48\]](#).

Методы Гарфинкеля напоминают идею «остранения» В. Б. Шкловского. Он считал остранение важнейшей задачей искусства. Остранение должно разрушать автоматизм восприятия. Усваивая способы понимания значения своей культуры, мы привыкаем рассматривать предметы с одной привычной стороны, не замечая массу других значений. Автоматизм восприятия, писал Шкловский, съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны [\[20, с. 15\]](#). Вот искусство и должно вернуть нам способность видеть другие непривычные значения привычных вещей. Эту задачу выполняет, скажем, изображение человеческих отношений глазами лошади в «Холстомере», или военного совета в Филях – глазами деревенской девочки в «Войне и мире». Эту же роль играют поэтические метафоры.

При этом мир значений любой культуры осваивается практически. Усвоение языка подготавливается развитием жизнедеятельности ребенка. Чтобы понять значения слов, ребенок должен осваивать формы жизнедеятельности, характерные для своего

общества, своей эпохи, своей социальной среды. Тогда предметы и явления будут приобретать для него определенное значение. На этой идее была основана практика работы Интерната для слепоглухонемых детей в советские времена в г. Загорске (сейчас – Сергиев Посад), которым руководил психолог А. И. Мещеряков. Программа эксперимента разрабатывалась с участием философа Э. В. Ильенкова, который описал его стратегию и результаты [\[21; 22\]](#). Чтобы понять значение слова, например, «ложка», ребенок должен практически усвоить назначение предмета. Его нужно научить пользоваться ложкой. В результате, предмет приобретает значение, которое фиксируется в слове. Благодаря слову оно осознается. Практику работы этого Интерната можно считать практическим подтверждением подобной концепции. Предметы и явления окружающего мира приобретают для нас значение в связи с включением в разнообразные формы человеческой жизнедеятельности, которые мы осваиваем. Это значение фиксируется и осознается в языке. С этим, на мой взгляд, связана серьезная проблема, касающаяся искусственного интеллекта. Естественный язык, которому мы его будем обучать, будет оставаться для него искусственным, если он не будет связан с теми же формами жизнедеятельности, с которыми он связан у нас. То, что осваивается практически, вряд ли можно объяснить словами. То есть объяснить, конечно, можно, но вряд ли при этом будет достигнуто тождество смысла. Получается, что для обеспечения такого тождества искусственный интеллект должен жить той же жизнью, что и мы, со всеми ее принципиальными моментами – конечностью, телесностью, взрослением и старением, полом и т. д.

Центральный характер понятия значения в социально-гуманитарном познании препятствует перенесению в него естественнонаучных методов. Возьмем, к примеру, дискуссию о том, можно ли считать психоанализ примером объективной науки о человеческом поведении. Сам З. Фрейд склонялся к такой интерпретации: психоанализ как классическая естественнонаучная теория, которая позволяет психологии занять место среди естественных наук, доказывает, что разум и сознание – такие же объекты научного изучения, как и все остальное, что их исследование не требует никаких других источников знания, кроме систематического наблюдения и логики. Как наука, психоанализ отличается уверенностью в строгой детерминации психической жизни [\[23, с. 399-400; 22, с. 368\]](#). При этом сам Фрейд считал искусством умение определить момент передачи пациенту знания о вытесненном. Здесь нам помогает интуиция, а не логика. Сциентистской интерпретации психоанализа как объективной науки мешает тот факт, что психоанализ работает с субъективными значениями событий, а не с событиями как набором неких объективных характеристик, открытых внешнему наблюдению. Основатель психоанализа писал о фантазиях пациента, что они, конечно, обладают психической, а не материальной реальностью. Но в мире неврозов решающей является как раз психическая реальность [\[23, лекция 23\]](#). Против сциентистской интерпретации работает и определение психоанализа как *talking cure* (лечения разговором), которая дала ему одна из первых пациенток Фрейда [\[24, с. 349\]](#). Разговор строится в поле значений. Задачей психоаналитической терапии является их переинтерпретация. Смешно говорить, что некое событие является травматическим просто как таковое (как удар или падение наносят физическую травму), вне отношения к Сверх-Я пациента, то есть к усвоенным им нормам и запретам морали и религии. Это отношение и формирует значение события. Анализ начинается не с наблюдаемого поведения, а с бессмыслицы, нуждающейся в интерпретации [\[25, с. 290-293\]](#). Начало лечения и его успех конституируются самоинтерпретациями пациента, а не набором объективных данных. Поэтому более обоснованной представляется интерпретация психоанализа Ю. Хабермасом и П.

Рикером. Хабермас считал его глубинной герменевтикой текстов лжи и самообмана [\[26, ch.X\]](#). В конечном счете, задача психоаналитика – не просто докопаться до вытесненного, а вернуть знание о нем пациенту для того, чтобы он стал способен лучше и глубже понять самого себя, преодолеть внутренние конфликты и восстановить единство внутренней жизни. Психоанализ использует объяснительные методы, дает причинное объяснение неврозам, но в рамках герменевтической, а не технологической задачи. Целью объяснения является не практическое манипулирование (как в естественных науках, где мы познаем что-то, чтобы использовать в наших целях), а углубление самопонимания пациента.

Можно вспомнить, в качестве другого примера, ленинское определение революционной ситуации. Ее первый признак – обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов. Что это, как не набор значений? Если нет, мы должны быть способны зафиксировать обычный уровень нужды и бедствий. А для того, чтобы на основе этого закона предсказывать развитие событий, нужно бы еще определить, насколько этот уровень должен быть превышен (в каких единицах измерения?), чтобы началась революция.

В социологии существует знаменитая «теорема Томаса». Она звучит примерно так: то, что участники событий считают реальным, реально по своим последствиям [\[27, p. 572\]](#). У. А. Томас справедливо считал, что важны не только объективные характеристики какой-то ситуации, но и «определение ситуации» – то, как люди представляют ее себе. Ведь действовать они будут, исходя из своего определения ситуации – из того значения, которое они ей приписывают. Поэтому субъективное определение ситуации и будет иметь реальные последствия. Если мы считаем, что в стране кризис, мы и будем соответственно себя вести – перестанем добросовестно выполнять каждодневные обязанности и т. д. Что сделает кризис реальным. Р. Мертон называл это «самоосуществляющимся пророчеством» [\[28, с. 605-624\]](#). Значение, которое мы придаем социальным событиям и действиям других людей – не безобидная фантазия. Мы ориентируемся, принимаем решения, выбираем, как действовать, в мире этих значений. Именно этот момент, как мне кажется, подчеркивается в постмодернизме, когда речь заходит о том, что у нас нет доступа к некоей реальности самой по себе. Реальность, с которой мы имеем дело, всегда уже многократно кем-то осмыслена, означена, интерпретирована и т. д. Поэтому все, что окружает нас в мире – это значимые единицы.

Рассуждать о социальной и человеческой жизни, игнорируя значения, поэтому, бесперспективно. Такое признание, конечно, работает против сциентизации гуманитарного познания, нарушает единство научного знания. Но с этим вряд ли можно что-то поделать. Сторонники натуралистической линии в науках о человеке отталкиваются от классического образа науки, сложившегося после научной революции XVII в. Именно им руководствовались логические позитивисты, его имели в качестве идеала Дюркгейм и Скиннер. Но, как было показано выше, выдержать эту линию в конкретных исследованиях не удавалось и им. Рассуждая о человеческом поведении, мы все время сталкиваемся со значениями. Со значениями связаны наши реакции на социальные ситуации, на действия других людей, наши собственные действия формируются в поле значений. Надежды избавиться от значений – это надежды превратить людей как действующих лиц, как субъектов в обычный объект познания. Тогда человеческое поведение утратит целесообразный характер, наши действия превратятся в обычные события в мире, которым будет даваться каузальное объяснение. В принципе, рассматривать человека подобным образом возможно. Только вряд ли такого рода познание можно считать гуманитарным.

Библиография

1. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии, 1988, № 4, с. 135-152.
2. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. тр.: Пер. с англ. / Общ. Ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова. – М.: Прогресс, 1986. 600 с.
3. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. 607 с.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
5. Frenkel C. Explanation and interpretation in History // Theories of History. Ed. by P. Gardiner. – Glencoe, Ill.: Free Press, 1959. 549 p.
6. Longman. Dictionary of Contemporary English. International Students Edition. 6th edition. L.: Longman, 1999. 1668 p.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002. 880 с.
8. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии, 1995, № 10, с. 129-143.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с французского А. Б. Гофмана. 4-е изд., испр. М.: Издательство Юрайт, 2019. 308 с.
10. Скиннер Б. Ф. Технология поведения // Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 30-46.
11. Carnap R. Psychology in physical language // Ayer A.J. (ed.) Logical Positivism. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1959. P. 165-198.
12. Neurath O. Sociology and Physicalism // Ayer A. (ed.) Logical Positivism. Glencoe, Ill.: Free Press, 1959. P. 282-317.
13. Новые направления в социологической теории / Пер. с англ. Общая ред. Г. В. Осипова. М.; Прогресс, 1978. 391 с.
14. Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение // История психологии. XX век: [хрестоматия] / Ред. П. Я. Гальперин, А. Н. Ждан. М.: Академический проект, 2003.
15. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго / Пер. с англ. М.: АСТ, 2017. 413 с.
16. Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. – М.: Политиздат, 1970. 120 с.
17. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. Ред. И вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. 616 с.
18. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
19. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. 335 с.
20. Шкловский В. Б. О теории прозы. – М.: Советский писатель, 1983. 283 с.
21. Ильенков Э. В. Гегель и герменевтика (проблема отношения языка и мышления в концепции Гегеля) // Вопросы философии, 1974, № 8, с. 66-78.
22. Ильенков Э. В. Соображения по вопросу соотношения мышления и речи // Вопросы философии, 1977, № 6.
23. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М.: Наука, 1989. 455 с.
24. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. Вступ. ст. М. Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989. 448 с.
25. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995. 415 с.
26. Habermas J. Knowledge and Human Interests. L.: Heinemann, 1972. IX, 356 p.
27. Thomas W. I. and Thomas D. S. The Child in America: Behavioral Problems and Programs. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1928. 583 p.
28. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. М.: АСТ:

Хранитель, 2006. 873 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой небольшое по объёму (0,6 а.л.), но весьма интересное рассуждение об отличии социально-гуманитарных наук от наук «естественных». Как следует уже из названия, автор связывает его с понятием значения. Название статьи вызывает у рецензента сразу несколько критических замечаний, и первое состоит в неоправданности использования в нём определения «основная» категория. Дело в том, что она, действительно, оказывается основной только в том случае, если мы говорим о различиях, о критерии различения, социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, но если мы говорим о собственном содержании социально-гуманитарного знания, то она, в лучшем случае, является лишь «одной из» множества принципиально важных для него понятий. Кстати, и сам автор называет в тексте статьи целый ряд других понятий социально гуманитарных наук, не менее важных, чем «значение». Возможно, это затруднение можно преодолеть, заменив «основная», например, на «специфическая». Впрочем, с точки зрения рецензента, предпочтительнее вообще было бы дать этому научно-популярному очерку (думается, именно так точнее всего можно определить его жанр) более конкретное название, поскольку реальное содержание текста, конечно, не соответствует столь широко и «фундаментально» сформулированной теме (даже если бы автору и в самом деле удалось доказать, что «значение» – «основная категория» социально-гуманитарных наук). Обратим внимания хотя бы на то, что автор опирается в статье на материал, главным образом, социологии и психологии. А другие гуманитарные науки? Если литературоведение представлено хотя бы знаменитым фрагментом из В.Б. Шкловского, то другие гуманитарные науки – вообще никак. Одним словом, автору предстоит решить, ограничится ли он в изменении названия корректировкой одного определения, но в этом случае в текст необходимо будет внести дополнительное содержание (объём позволяет сделать это), или всё-таки постарается найти более конкретную формулировку, которая будет отражать реальный предметный состав его примеров (которые играют здесь большую роль) и размышлений. Далее, в статье нет ни введения, ни заключения. Можно было бы сказать, что она вообще не структурирована, но в данном случае, поскольку, как уже отмечалось, статья представляет собой свободное размышление, может быть, разделять текст подзаголовками и в самом деле не требуется. Однако неформальные введение и заключение добавить всё же целесообразно, эти элементы статьи, как известно, «дисциплинируют» и автора (не позволяют слишком далеко отходить от поставленной задачи), и читателя. Хотелось бы также порекомендовать внести небольшие исправления в сам текст. Так, в первое предложение необходимо добавить уточнение – «в границах постклассической философии», например. Без подобного уточнения оно звучит просто странно, поскольку (если не обращать внимания на терминологические тонкости), указанная «идея» была представлена в европейской философии и культуре с глубокой древности – у Аристотеля, Боэция, Бэкона и т.д. Собственно, каждая эпоха в истории культуры задумывалась над этой проблемой. Далее, следует избавиться от выражения «причинные законы», мало того, что оно не соответствует русской стилистике, так оно ещё и недостаточно определённое по своему содержанию, нуждается в нетривиальных пояснениях. Наконец, хотелось бы порекомендовать автору пересмотреть приводимые

им примеры и цитаты, некоторые из них (например, упоминание фрагмента повести М.А. Булгакова или цитата из Жижека) вряд ли уместны в научной статье. Однако даже с учётом высказанных замечаний статья имеет очень хорошие перспективы для публикации в научном журнале, самое главное, автору необходимо осуществить выбор варианта изменения названия и, соответственно, корректировку содержания текста.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Значение как категория социально-гуманитарного познания: к вопросу о специфике наук о человеке»

Предметом исследования представленной статьи является вопрос о принципиальном различии гуманитарных наук («наук о духе») от естественных. Автор ставит вопрос о том, меняется ли что-то принципиально, когда предметом познания становится не природа, а человек и общество, издавна ставился в философии. Дискуссии на эту тему интенсифицировались в XIX в. Связано это, в частности, с тем, что в этом столетии психология и социология, которые до этого были скорее разделами философии, обрели статус самостоятельных конкретных наук. Установление каузальных законов является одной из важнейших задач науки, которую естественные науки так или иначе выполняют. Но формулировка каузальных законов человеческого поведения, как неоднократно отмечали философы и социологи после Вильгельма Дильтея, является гораздо более сложной задачей, вряд ли вообще осуществимой. Психология, социология и метафизика имеют дело с настолько сложными объектами, что выделять в этих сплетениях разнообразных сил однозначные связи между отдельными факторами невозможно.

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза. Автор опирается на исторический метод, рассматривая эволюцию взглядов философов на вопрос о различиях и сходстве гуманитарных и естественных областей науки. Отталкиваясь от идей В. Дильтея, автор рассматривает понятие «значение», которое Дильтей называл важнейшей категорией исторического мышления.

Вопрос о различиях между гуманитарными и естественными науками продолжает оставаться актуальным и в XXI в. В этом контексте анализ категории «значение» заслуживает внимания в связи с этими дискуссиями, которые продолжились и в XX-XXI вв.: такой анализ способен внести вклад в рассмотрение вопроса о специфике социально-гуманитарного познания.

Научная новизна обусловлена тем, что автор рассматривает понятие значения, которое он связывает с понятием цели. Значения – это новая сторона действительности, которая появляется в мире, где есть целесообразно действующие существа. Предметы и ситуации приобретают для таких существ определенное значение по отношению к их целям. Целесообразно действующими существами являются, конечно, не только люди, но и животные. Для них предметы и явления также имеют то или иное значение, которые люди осознают, а животные – нет.

Анализируя специфику социально-гуманитарного познания, автор выступает против натуралистического подхода к социально-гуманитарному познанию, который стремится оставить в науках о человеке и обществе исключительно каузальные объяснения.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура

соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Библиография содержит 28 источников, в которых рассматриваются вопросы по теме статьи. Однако можно было обратиться к трудам отечественных исследователей Степановой О.И., Смирновой Н.М., Ткачевой М.Л. и др., опубликованные в последние годы.

Англоязычные метаданные

Formulation of the problem and definition of approaches to building semantic knowledge models for artificial intelligence.**Gribkov Andrei Armovich**

Doctor of Technical Science

Leading researcher; Scientific and production complex 'Technological Center'

124498, Russia, Moscow, Shokin square, 1, building 7

✉ andarmo@yandex.ru

Zelenskii Aleksandr Aleksandrovich

PhD in Technical Science

Leading researcher; Scientific and production complex 'Technological Center'

124498, Russia, Moscow, Shokin square, 1, building 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

Abstract. The article examines the issues related to the creation of semantic models of knowledge that can be used to endow artificial intelligence systems with the ability to understand the meaning of text in natural or any other language. Possible means for constructing semantic models of knowledge include the mechanism of multi-system integration of knowledge developed by the authors earlier, formal ontologies, and techniques of understanding meaning that have emerged within the framework of philological hermeneutics. Significant components of the presented study include an examination of the currently used language models of artificial intelligence, a new approach to the conceptualization of knowledge through its generalization in the form of open models, an assessment of the genesis and prospects of teleological and axiological interpretations of meaning for natural and artificial cognitive systems. The methodological basis of the presented study consists of the authors' developments in the field of systems analysis, well-known analytical methods adopted within hermeneutics, structuralism, classical epistemology, formal ontology theory, and linguistic and language modeling. The scientific novelty of this research lies in the determination of the necessary tools for creating semantic models that generalize knowledge. The mentioned tools include: multi-system integration of knowledge based on the integration of the subject of cognition into multiple systems with subsequent generalization of the patterns identified in these systems and their translation for solving tasks of understanding and creativity; formal ontologies that implement the description of knowledge from a specific domain in the form of conceptual schemes, taking into account existing rules and relationships between elements, allowing automatic extraction of knowledge; and a wide variety of hermeneutic techniques for understanding meanings. Objective limitations of use for artificial cognitive systems that lack subjectivity and value prioritization in understanding meanings are noted. Some limitations in the use for artificial cognitive systems are also found in hermeneutic techniques for understanding the meaning of text. This is related to the impossibility of full reflection without feelings, emotions, and desires generated by needs that also initiate subjectivity.

Keywords: formal ontologies, patterns, multi-system integration of knowledge, cognitive system, artificial intelligence, knowledge, semantic model, value prioritization, needs, subjectivity

References (transliterated)

1. Tulupova T.A., Pavlenko S.A. Lingvisticheskie modeli-formal'nye metody v lingvistike // *Sovremennye innovatsii*. 2021. № 2(40). S. 44-46. EDN: CSXQNP.
2. Riker P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germeneytike / Per. s fr., vstup. st. i komment. I.S. Vdovinoi. M.: Akademicheskii Proekt, 2008. 695 s.
3. Khurana D., Koli A., Khatter K., Singh S. Natural language processing: state of the art, current trends and challenges // *Multimedia Tools and Applications*. 2022. 82(3). pp. 3713-3744. DOI: 10.1007/s11042-022-13428-4. EDN: OMUYAR.
4. Minaee S., Mikolov T., Nikzad N., Chenaghlu M., Socher R., Amatriain X., Gao J. Large Language Models: A Survey. 23 Mar 2025. arXiv:2402.06196v3. DOI: 10.48550/arXiv.2402.06196.
5. Huang L., Yu W., Ma W., Zhong W., Feng Z., Wang H., Chen Q., Peng W., Feng X., Qin B., Liu T. A Survey on Hallucination in Large Language Models: Principles, Taxonomy, Challenges, and Open Questions // *ACM Transactions on Information Systems*. 2024. Vol. 43. Issue 2. Article No.: 42. S. 1-55. DOI: 10.1145/3703155. EDN: FHGSXF.
6. Large Concept Models: Language Modeling in a Sentence Representation Space / LCM team, Loïc Barrault, Paul-Ambroise Duquenne, Maha Elbayad et al. 15 Dec 2024. arXiv:2412.08821. DOI: 10.48550/arXiv.2412.08821.
7. Gribkov A.A. Empiriko-metafizicheskaya obshchaya teoriya sistem: monografiya. M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya, 2024. 360 s. DOI: 10.17513/np.607. EDN: QTOCDS.
8. Gribkov A.A. Tvorchestvo kak implementatsiya predstavleniya o tselostnosti mira // *Filosofskaya mysl'*. 2024. № 3. S. 44-53. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.70034 EDN: ATWDXF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70034
9. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Razumnaya kognitivnaya sistema s mul'tisistemnoi integratsiei znaniy: vozmozhnost' i podkhody k formirovaniyu // *Filosofskaya mysl'*. 2025. № 2. S. 1-11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.2.73395 EDN: HUPLGY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73395
10. Pivoev V.M. *Filosofiya smysla, ili Teleologiya*. Petrozavodsk: PetrGU, 2004. 114 s. EDN: QWJQZV.
11. Aristotel'. *Sochineniya v chetyrekh tomakh*. T. 1. Red. V. F. Asmus. M.: Mysl', 1976.
12. Dorofeev Yu.V. O funktsional'nykh osnovaniyakh vospriyatiya i ponimaniya teksta // *Pedagogicheskii IMIDZh*. 2019. T. 13. № 3 (44). S. 321-332. DOI: 10.32343/2409-5052-2019-13-3-321-332.
13. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla*. M.: Progress, 1990. 368 s.
14. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Obshchaya teoriya sistem i kreativnyi iskusstvennyi intellekt // *Filosofiya i kul'tura*. 2023. № 11. S. 32-44. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.11.68986 EDN: EQVTJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68986
15. Smirnov S.V. Ontologii kak smyslovye modeli // *Ontologiya proektirovaniya: nauchnyi zhurnal*. 2013. № 2. S. 12-19. EDN: QICWND.
16. Boguslavskii I.M., Dikonov V.G., Timoshenko S.P. Ontologiya dlya podderzhki zadach izvlecheniya smysla iz teksta na estestvennom yazyke // *Informatsionnye tekhnologii i sistemy (ITiS'12)*. Sbornik trudov 35-oi Konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov IPPi RAN. Petrozavodsk, 19-25 avgusta 2013 g. S. 152-160.
17. Smith B. Basic Concepts of Formal Ontology / In: *Formal Ontology in Information*

- Systems. N. Guarino (Ed.). IOS Press, 1998. P. 19-28.
18. Zagorul'ko Yu.A., Sidorova E.A., Zagorul'ko G.B., Akhmadeeva I.R., Seryi A.S. Avtomatizatsiya razrabotki ontologii nauchnykh predmetnykh oblastei na osnove patternov ontologicheskogo proektirovaniya // Ontologiya proektirovaniya. 2021. T. 11. № 4 (42). S. 500-520. DOI: 10.18287/2223-9537-2021-11-4-500-520. EDN: EEHSIA.
 19. Kononenko I.S., Sidorova E.A. Metodika razrabotki leksiko-semanticheskikh patternov dlya izvlecheniya terminologii nauchnoi predmetnoi oblasti // System Informatics (Sistemnaya informatika). 2022. № 20. S. 25-46.
 20. Bogin G.I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu germeneytiku. Tver', 2001. 731 s.
 21. Khaidegger M. Osnovnye problemy fenomenologii. Per. A.G. Chernyakova. Sankt-Peterburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 2001. 446 s.
 22. Gadamer Kh.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeneytiki. Per. s nem. / Obshch. red. i vstup. st. B.V. Bessonova. M.: Progress, 1988. 704 s.
 23. Nesterov A.Yu. Problema ponimaniya i iskusstvennyi intellekt // Otkrytoe obrazovanie. 2008. № 1. S. 58-63. EDN: KUUNLZ.
 24. Liu T., Mitcham C. Toward Practical Hermeneutics of Fourth Paradigm AI for Science // Technology and Language. 2024. № 5(1). P. 89-105. DOI: 10.48417/technolang.2024.01.07. EDN: KBKBRs.
 25. Buralkin M.Yu., Chernen'kaya S.V. Tsifrovaya germeneytika // Kommunikativnye strategii informatsionnogo obshchestva: Trudy XI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 25-26 oktyabrya 2019 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo, 2019. S. 43-45. EDN: TJVUMH.
 26. Chemezova E.R. Sovremennye tekhnologii i germeneyticheskii analiz poeticheskogo teksta // Pedagogika i prosveshchenie. 2024. № 1. S. 57-66. DOI: 10.7256/2454-0676.2024.1.39927 EDN: EMZBUQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39927

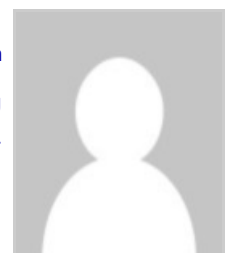
The (un)possibility of theodicy: the impact of the Lisbon earthquake on Enlightenment philosophical anthropology

Sergienko Aleksey Yurievich

Postgraduate student; Stasis Center for Practical Philosophy; European University at St. Petersburg

6/1 Gagarinskaya str., A, Saint Petersburg, 191187

✉ asergienko@eu.spb.ru

Abstract. The article analyzes the influence of the Lisbon earthquake of 1755 on the transformation of philosophical and anthropological ideas of the Enlightenment. The main attention of the study is paid to the criticism of the Leibnizian project of theodicy and its axiological provisions, as well as the formation of the ideological categories of "optimism" and "pessimism" on the basis of this criticism. It examines how the catastrophe became a catalyst for rethinking the ontological, epistemological and ethical aspects of philosophical anthropology: the place of man in the "indifferent" cosmos, the limits of the rationalistic interpretation of the world, the problem of moral foundations in the conditions of structural injustice of the physical world. Particular emphasis is placed on the criticism of providentialism from the deistic positions of Voltaire and from the atheistic positions of the philosophers of

French materialism. The role of the Lisbon earthquake in the development of Kant's pre-critical philosophy is examined in detail, with the intuitions of his early works being explicated in the theoretical structure of the critical period, on the basis of which the provisions of critical "optimism" are formed. The research methodology combines the historical and philosophical reconstruction of the discussion of Leibniz, Voltaire and Rousseau on providentialism, the discourse analysis of philosophical works that interpret the event of the Lisbon earthquake (Voltaire's "Candide, or Optimism", D. Diderot's "Jacques the Fatalist and His Master", and I. Kant's "pre-critical" works), and the interpretation of the concepts of "optimism" and "pessimism" in the optics of philosophical anthropology. The work demonstrates how intellectual receptions of the Lisbon earthquake not only explicated the "optimistic" crisis of Leibnizian theodicy, but also contributed to a rethinking of the historical and physical aspects of human existence. The author reveals that the materialistic optics in the philosophy of the French Enlightenment (D. Diderot, P.-A. Holbach, D. de Sade) interpreted human existence in the register of existential risks. The main conclusion is the thesis on the transformation of philosophical and anthropological ideas: man is defined as a finite being forced to seek ways to reconcile reason with nature in a post-catastrophic world. The study shows that Kant's synthesis, combining the epistemological "pessimism" of knowledge with the rationalistic "optimism" of the autonomy of reason, proposed a constructive model for modern philosophical anthropology, relevant in the context of new global challenges.

Keywords: extinction, Immanuel Kant, Voltaire, Gottfried Wilhelm Leibniz, Enlightenment, progress, pessimism, optimism, theodicy, Lisbon earthquake

References (transliterated)

1. Gusyakov, V. Potryasenie Evropy / Nauka iz pervykh ruk. – 2022. [Elektronnyi resurs] URL: <https://scfh.ru/papers/potryasenie-evropy/> (data obrashcheniya: 09.03.2025).
2. Molesky, M. This gulf of fire: the destruction of Lisbon, or apocalypse in the age of science and reason / Vintage books, 2016. – 528 p.
3. Bell, V. 'Things before me danced up and down upon the table': British nun's rare and vivid first-hand report of the 1755 Lisbon earthquake reveals it hit while she was doing the washing up / MailOnline, 2019. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-6799009/amp/Unearthed-letter-British-nun-gives-womans-perspective-Lisbon-earthquake.html> (data obrashcheniya: 26.04.2025).
4. Hamacher, W. The Quaking of Presentation, in Premises: Essays on Philosophy and Literature from Kant to Celan / Tr. by P. Fenves. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. – 393 p.
5. Tavaresh, R. Nebol'shaya kniga o velikom zemletryasении: ocherk 1755 goda / per. s portugal'skogo E. Golubevoi. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2009. – 237 s.
6. Selli, Dzh. Pessimizm. Istoriya i kritika / pod red. i s predislov. V. I. Yakovenko. Izd. 2-e. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – 360 s.
7. Marques, J. O. A. The Paths of Providence: Voltaire and Rousseau on the Lisbon Earthquake // Cadernos de História e Filosofia da Ciência. – Campinas: CLE-Unicamp, Série 3, 2005. – V. 15, n. 1, jan-jun. – S. 33-57.
8. Kolmakov, V. B. Fenomen optimizma // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. – 2013. – № 1. – S. 40-56.
9. Kolmakov, V. B. Spor trekh filosofov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo

- universiteta. Seriya: Filosofiya. – 2015. – № 3. – S. 21-32.
10. Leibnits, G. V. Opyty teoditsei o blagosti Bozhiei, svobode cheloveka i nachale zla // Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 4 / Redkol.: B. E. Bykhovskii, G. G. Maiorov, I. S. Narskii i dr.; red. toma, avt. vstup. st. i primech. V. V. Sokolov. – M.: Mysl', 1989. – S. 49-413.
 11. Kuznetsov, V. Fransua Mari Vol'ter / M.: Mysl', 1978. – 223 s.
 12. Bogdanovich, I. F. Poema na razrushenie Lissabona // Stikhotvoreniya i poemyy. – L.: Sovetskii pisatel', 1957. – S. 207-212.
 13. Serman, I. Z. Kommentarii: Bogdanovich. Poema na razrushenie Lissabona // I. F. Bogdanovich. Stikhotvoreniya i poemyy. – L.: Sovetskii pisatel', 1957. – S. 241-244.
 14. Vol'ter Stikhi i proza / Sost., vstup. st. M. Kudinova; komment. A. Mikhailova. – M.: Mosk. rabochii, 1987. – 381c. 15.
 15. Moynihan, T. X-risks. How Humanity Discovered Its Own Extinction / MIT Press, 2020. – 472 p.
 16. Konradi, K. O. Gete. Zhizn' i tvorchestvo. Tom 1 / per. s nem.; predisl. i obshchaya redaktsiya A. Gugnina. – M.: Raduga, 1987. [Elektronnyi istochnik] URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/konradi-gete-t1/lissabonskoe-zemletryasenie.htm> (data obrashcheniya: 29.03.2025).
 17. Kondorse, N. de. Eskiz istoricheskoi kartiny Progressa chelovecheskogo razuma / M.: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1936. – 267 c.
 18. Didro, D. Zhak-fatalist i ego khozyain / per. s frants. G. Yarkho. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1973. – S. 257-474.
 19. Loy, J. R. Diderot's Determined Fatalist: A Critical Appreciation of "Jacques le Fataliste" / New York: Columbia University Press, 1950. – 234 p.
 20. Didro, D. Razgovor Dalambera i Didro // Izbrannyye filosofskie proizvedeniya. – M.: OGIZ, 1941. – S. 143-153.
 21. Gol'bakh, P.-A. Sistema prirody, ili o Zakonakh mira fizicheskogo i mira dukhovnogo // Izbrannyye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. 1. – M.: Akademiya nauk SSSR, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1963. – 715 s.
 22. Sad, M. de. Zhyul'etta: Roman. Tom 2 / per. s frants. – M., 1992. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.lib.ru/INOOLD/DESAD/juli2.txt> (data obrashcheniya: 25.03.2025).
 23. Koiré, A. Galilei i zakony inertsii // Etyudy o Galilee / per. s fr. N. A. Kochinyan. – Spb: NLO, 2022. – 432 s.
 24. Lichkov, B. Prirodnye vody Zemli i litosfera / Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. – 164 s.
 25. Kant, I. O prichinakh zemletryaseniya po sluchayu bedstviya, postigshego zapadnye strany Evropy v kontse proshlogo goda / per. B. A. Fokhta // Kant. I. Sochineniya. V 8-mi t. T. 1. – M.: ChORO, 1994. – S. 333-342.
 26. Kant, I. Vseobshchaya estestvennaya istoriya i teoriya neba / per. V. A. Kostitsyna i B. A. Fokhta // Kant. I. Sochineniya. V 8-mi t. T. 1. – M.: ChORO, 1994. – S. 113-260.
 27. Kant, I. Opyt nekotorykh rassuzhdenii ob optimizme // Kant. I. Sochineniya. V 8-mi t. T. 2. – M.: ChORO, 1994. – S. 5-14.
 28. Kant, I. Kritika chistogo razuma / per. s nem. N. O. Losskogo s variantami per. na rus. i evrop. yazyki. – M.: Nauka, 1999.
 29. Kant, I. Otvet na vopros: chto takoe prosveshchenie? / per. Ts. G. Arzakan'yana // Sochineniya. V 8-mi t. T. 8. – M.: ChORO, 1994. – S. 29-38.
 30. Kant, I. Ideya vseobshchei istorii vo vseimiro-grazhdanskom plane // Sochineniya. V

8-mi t. T. 8. – M.: ChORO, 1994. – S. 12-29.

31. Moynihan, T. The Intellectual Discovery of Human Extinction. Existential Risk and the Entrance of the Future Perfect into Science. Oriel college, 2018. – 414 p.
32. Moynihan, T. Spinal Catastrophism: A Secret History. – MIT Press, 2019. – 352 p.
33. Kant, I. Kritika sposobnosti suzhdeniya // Iz Kant, I. Sobranie sochinenii v 8-mi t. T. 5. / M.: ChORO, 1994. – 414 c.
34. Kant, I. O neudachakh vsekh filosofskikh pozitsii teoditsei // Sochineniya. V 8-mi t. T. 8. – M.: ChORO, 1994. – S. 138-157.
35. Taubes, J. Occidental Eschatology / Stanford University Press, 2009. – 215 p.

Historical individuation in the light of speculative ontology and new materialism in Manuel DeLanda.

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

✉ vlad2015@yandex.ru

Abstract. This work examines the concept of individuation as a historical process, developed by the representative of speculative ontology and new materialism, Manuel DeLanda. The aim of this article is not only to rethink the problem of the formation of individual entities (individuals, institutions, cities, and nation-states), but also to consider it within the context of the concept of "assemblage." In other words, historical individuation in DeLanda's work is a concept that describes the process of formation and stabilization of social, cultural, and material entities through the interaction of heterogeneous elements within social assemblages. DeLanda borrows the term "individuation" from Gilbert Simondon, but reinterprets it in the framework of his speculative ontology, which unites nonlinear material processes, contingency, and emergence. Hence, it follows that all entities—from molecules to cities, from bacteria to algorithms—exist in one plane, without hierarchy. The interdisciplinary analysis of historical individuation in DeLanda's framework requires a rejection of reductionism, consideration of the multiplicity of levels, and an emphasis on processuality, as well as a combination of comparative-historical, systemic, and network approaches. A key task is to capture the dynamics of interactions in assemblages, taking into account the role of contingency and emergence. This allows for a departure from simplified models of history in favor of a multidimensional analysis, where the material and social intertwine in unpredictable patterns. Furthermore, DeLanda's concept of individuation as a historical process enables the analysis of history as a multitude of intertwining processes, where "material" and "social" are interdependent, and contingency and emergence coexist. In this case, the achievement of the concept of "assemblage" is the description of relationships as external, that is, multiple and qualitatively diverse. Through the parameterization of philosophical concepts, DeLanda is capable of describing phenomena as simulations, tracking their changes through chains of relationships rather than through cause-and-effect links. This ability to quantitatively represent previously unique events makes the concept of "assemblages" promising for analyzing correlations found in large volumes of information. Nevertheless, this transformation leads to a loss of emphasis on individual existence, which falls outside of DeLanda's consideration. As a metaphysics of multiplicity, also utilizing scientific concepts but retaining a focus on individual existence, one can reference the concept of "individuation" by Gilbert

Simondon.

Keywords: emergence, individuation, non-human agency, contingency, assemblage, being, Simondon, DeLanda, singularity, operation

References (transliterated)

1. DeLanda M. Novaya filosofiya obshchestva: Teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'. Perm': Hyle Press, 2018. 170 s.
2. DeLanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006. 142 p.
3. Meiyasu K. Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti. Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi, 2015. 196 s.
4. Meiyasu K. Chislo i sirena. Chtenie "Broska kostei" Mallarme. M.: Nosorog, 2018. 224 s.
5. Kharman G. Chetveroyakii ob"ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera. Perm': Hyle Press, 2015. 152 s.
6. Kharman G. Spekulyativnyi realizm: vvedenie. M.: RIPOL klassik, 2020. 290 s.
7. Brass'e R. Ponyatiya i ob"ekty // Logos. 2017. T. 27. № 3. S. 227-262. EDN: YMICHV
8. Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 2. M.: "Mysl'", 1978. 687 s.
9. Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 1. M.: "Mysl'", 1976. 550 s.
10. Tinus N.N. Protsess i otnoshenie: istoki avtonomistskoi teorii individuatsii. 2021. № 1 (100). S. 44-59.
11. Akvinskii F. Summa protiv yazychnikov. - Dolgoprudnyi: Vestkom, 2000. Kn. 1. 464 s.
12. Skott I.D. Traktat o pervonachale. M.: Izd-vo Frantsiskantsev, 2001. 182 s.
13. Okkam U. Izbrannoe. M.: Editorial URSS, 2002. 272 s.
14. Suares F. Metafizicheskie rassuzhdeniya. Rassuzhdenie V. Ob individual'nom edinstve i ego printsipe (fragment) // Verbum. Vyp. 1. Fransisko Suares i evropeiskaya kul'tura XVI-XVII vekov. SPb., 1999. S. 180-183.
15. Leibnits G.V. Monadologiya. M.: RIPOL klassik, 2020. 200 s.
16. Leibnits G.V. Sochineniya v 4-kh tomakh. T. 2. M.: Mysl', 1983. 686 s.
17. Loka Dzh. Sochineniya v 3-kh t.: T. I. M.: Mysl', 1985. 621 s.
18. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha. M.: Nauka, 2000. 495 s.
19. Uaitkhed A. Izbrannye raboty po filosofii. M.: Progress, 1990. 720 s. EDN: QGSZUJ
20. Yung K. Eon. Issledovaniya o simvolike samosti. M.: Akademicheskii proekt, 2009. 340 s.
21. Mair E. Populyatsii, vidy i evolyutsiya. M.: Mir, 1974. 465 s.
22. Ivakhnenko E.N. Allagmatika Simondona vs dialektika Gegelya // Vestnik Moskovskogo universiteta. M., 2023. T. 47. № 6. S. 107-126.
23. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
24. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
25. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. SPb.: TOO TK "Petropolis", 1998. 384 s. EDN: TCNXLB
26. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London, New York: Bloomsbury, 2013. 242 p.
27. DeLanda M. Novaya ontologiya dlya sotsial'nykh nauk // Logos. 2017. T. 27. № 3. S.

35-56. EDN: YMICEJ

28. DeLanda M. *Assemblage Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 208 p.
29. Delez Zh., Gvattari F. *Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s. EDN: QWXZWV
30. DeLanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London, New York: Bloomsbury, 2013. 242 p.

Rhetoric of Science: On the Conceptual Origins of One Oxymoron and the Possibilities to Overcome It

Kozlova Natalya Yurjevna

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of Philosophy, Moscow Pedagogical State University

119991, Russian Federation, Moscow, Malaya Pirogovskaya, 1, building 1.

✉ nyu.kozlova@mpgu.su

Abstract. Despite the obviousness of the rhetorical basis of scientific discourse, the idea of the rhetoric of science is one of the most controversial and paradoxical - the combination of "rhetoric of science" is often perceived as an oxymoron. In the article, using hermeneutic reflection, as well as logical and analytical methods developed within the framework of modern epistemology of the humanities, the conceptual sources of this perception are analyzed and the possibilities for overcoming it are identified. The idea is developed according to which the negative attitude to rhetorical elements in scientific reflection has an ancient history, rooted in various layers of the philosophical theoretical array. Particular attention is paid to the objectivist criticism of semantic ambiguity, its connection with the negative philosophical assessment of rhetoric and the idea of philosophical reform of natural language is traced. It is shown that one of the reasons for the philosophical criticism of rhetoric is the introduction of subjectivity and ambiguity into scientific research - epistemic elements that do not fit into the framework of objectivist scientific idealization. The origins of this epistemological optics are found in ancient philosophical thought — in the dispute between the Socratic-Platonic and rhetorical-sophistic traditions of understanding truth and the role of the connection between language and thinking in achieving it. An analysis of the conceptual foundations of philosophical criticism of eloquence is carried out, as a result of which it is concluded that rhetoric, acting as an instrument of communicative practices, becomes hostage to the confrontation of philosophy and politics as intellectual foundations of the existing order of things. The author associates the possibilities of overcoming the perception of the rhetoric of science as an oxymoron with the importance of considering the interaction of the epistemological and epistemic levels of scientific knowledge and explicating its (interaction) rhetorical design.

Keywords: language assembly, communication, objectivity, epistemological regulatory, ontology, knowledge, philosophy of language, rhetoric of science, idea of language reform, rhetorical design

References (transliterated)

1. Gross A. *The Rhetoric of Science*. NY: Harvard University Press, 1996. 286 p.
2. Gross A. *Starring the text. The place of rhetoric in science studies*. Southern Illinois University Press, 2006. 217 p.

3. Prelli L.J. A Rhetoric of Science: Inventing Scientific Discourse. Columbia, SC: University of South Carolina, 1989. 320 p.
4. Bazerman Ch. The Production of Technology and the Production of Human Meaning // Journal of Business and Technical Communication. 1998. Vol. 12. № 3. P. 381-387. DOI: 10.1177/1050651998012003006. EDN: JNBSWV.
5. Ornatowski C.M. Rhetoric of Science: Oxymoron or Tautology? // The Writing Instructor. 2007. URL: <http://www.writinginstructor.com/ornatowski> (data obrashcheniya: 10.03.2025).
6. Makkloski D.N. Ritorika ekonomicheskoi nauki. Vtoroe izdanie. M.; SPb.: Izd-vo In-ta Gai'dara: Izdatel'stvo Mezhdunarodnye otnosheniya, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2015. 328 s.
7. Kozlova N.Yu. Ritorika i nauka: preodolenie antichnogo razryva // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2018. № 1. S. 9-18. EDN: YUOKLS.
8. Griftsova I.N., Kozlova N.Yu. Idei filosofii yazyka R. Karnapa v kontekste kontseptual'noi inzhenerii // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2024. T. 61. № 1. S. 122-133. DOI: 10.5840/eps202461111. EDN: TWYIUI.
9. Mikeshein M.I. "Polevye" raboty epistemologa tekhnologii // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2024. T. 61. № 4. S. 25-35. DOI: 10.5840/eps202461453. EDN: URHERX.
10. Haslanger S. Gender and Race: (What) are they? (What) Do We Want them to Be? / Resisting reality. Social construction and social critique. NY: Oxford University Press, 2012. P. 221-248.
11. Burgess A., Cappelen H., Plunkett D. Conceptual Engineering and Conceptual Ethics. NY: Oxford University Press, 2020. 461 p.
12. Kozlova N.Yu. Kontseptual'naya inzheneriya: ideya i problemnoe pole // Voprosy filosofii. 2024. № 9. S. 157-166. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-9-157-166. EDN: MERGOL.
13. Hobbs T. Leviathan or the matter, forme and power of a common-wealth ecclesiastical and civill. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/3207/pg3207-images.html#link2HCH0004> (data obrashcheniya: 03.01.2025).
14. Lokk Dzh. Sochineniya: V 3-kh t. T. 1. M.: Mysl', 1985. 623 s.
15. Kozlova N.Yu. Obraznost' v nauchnom diskurse // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. 2023. № 1. S. 138-152. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1-138-152. EDN: QAPTCN.
16. Bekon F. Novyi organon, ili istinnye ukazaniya k istolkovaniyu prirody / Sochineniya. V 2-kh tomakh. T. II. M.: "Mysl'", 1971. 590 c.
17. Bekon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk / Sochineniya. V 2-kh tomakh. T. I. M.: "Mysl'", 1971. 590 c.
18. Eko U. Poiski sovershennogo yazyka v evropeiskoi kul'ture. SPb: Izd-vo "Alexandria", 2018. 422 c.
19. Frege G. Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache der reinen Denkens / Begriffsschrift und andere Aufsätze. Zweite Auflage. Hildesheim, Zurich, New York: Georg Olms Verlag, 1993. 124 s.
20. Platon. Dialogi. Kniga tret'ya i chetvertaya. M.: Eksmo, 2008. 1359 s.
21. Platon. Sobranie sochinenii v 4 t. M.: Mysl', 1990. T. 1. 861 s.
22. Arendt H. Philosophy and Politics // Social Research. 1990. Vol. 57. No. 1. P. 73-103. EDN: HKLTTN.
23. Aristotel'. Ritorika / Antichnye ritoriki. M., 1978. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt_with-big-pictures.html (data

obrashcheniya: 03.01.2025).

24. Ceccarelli Leah. Shaping Science with Rhetoric. The Cases of Dobzhansky, Schrödinger, and Wilson. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 192 p.
25. Perelman Sh., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Trans. By Wilkinson J., Weaver P. London: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.

Meaning as a category of social sciences and humanities

Medvedev Vladimir Ivanovich

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Philosophy and Sociology; St. Petersburg State Maritime Technical University

101 Leninsky Prospekt, room 501, Saint Petersburg, 190008, Russia

✉ 21medvedev.vl@gmail.com

Abstract. W. Dilthey argued that the main categories of humanities ("Geisteswissenschaften") are not cause and effect, but purpose, value and meaning. Indeed, we usually give teleological, rather than causal, explanations for human actions. Actions are from the beginning perceived as intentional. Intentions cannot be considered as the causes of human actions and historical events in the natural sciences' sense. In intentional actions, we react not to objects and situations as such, but to their meaning. Meaning is a new side of phenomena that appears in the world of purposefully acting beings. Objects and phenomena acquire meaning in relation to our goals. Supporters of the naturalistic approach in social sciences and humanities strive to get rid of meanings, to reduce the material of humanitarian knowledge to what is accessible to external observation. Philosophical grounds for such an approach were given by logical positivism. And in sociology – by E. Durkheim and behaviorism. However, it is not possible to perform such an approach consistently. Each culture is a world of meanings. The ways of understanding meanings accepted in a given culture are assimilated by us in the process of socialization. Meanings are fixed and realized in language. But the world of meanings is internalized practically – in the course of the development of a child's activity and his mastery of the forms of activity characteristic of a given culture. The central character of the concept of meaning in humanitarian knowledge prevents the transfer of natural scientific methods into it. The scientific interpretation of psychoanalysis is criticized, because it works entirely in the field of meanings. It is proved that it is impossible to analyze social and human life, ignoring the world of meanings.

Keywords: naturalistic approach, interpretation, goal, intentionality, teleological explanation, understanding sociology, cause, causal explanation, humanities, meaning

References (transliterated)

1. Dil'tei V. Nabroski k kritike istoricheskogo razuma // Voprosy filosofii, 1988, № 4, s. 135-152.
2. Vrigt G. Kh. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. tr.: Per. s angl. / Obshch. Red. G. I. Ruzavina i V. A. Smirnova. – M.: Progress, 1986. 600 s.
3. Zimmel' G. Izbrannoe. T. 2. Sozertsanie zhizni. – M.: Yurist, 1996. 607 s.
4. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2. Per. s angl. pod red. V. N. Sadovskogo. – M.: Feniks, Mezhdunarodnyi fond «Kul'turnaya initsiativa», 1992. 528 s.
5. Frenkel C. Explanation and interpretation in History // Theories of History. Ed. by P.

- Gardiner. – Glencoe, Ill.: Free Press, 1959. 549 p.
6. Longman. Dictionary of Contemporary English. International Students Edition. 6th edition. L.: Longman, 1999. 1668 p.
 7. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviya. – M.: Akademicheskii proekt, 2002. 880 s.
 8. Dil'tei V. Kategorii zhizni // Voprosy filosofii, 1995, № 10, c. 129-143.
 9. Dyurkgeim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie / per. s frantsuzskogo A. B. Gofmana. 4-e izd., ispr. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 308 s.
 10. Skinner B. F. Tekhnologiya povedeniya // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. Teksty / Pod red. V. I. Dobren'kova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. S. 30-46.
 11. Carnap R. Psychology in physical language // Ayer A.J. (ed.) Logical Positivism. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1959. P. 165-198.
 12. Neurath O. Sociology and Physicalism // Ayer A. (ed.) Logical Positivism. Glencoe, Ill.: Free Press, 1959. R. 282-317.
 13. Novye napravleniya v sotsiologicheskoi teorii / Per. s angl. Obshchaya red. G. V. Osipova. M.; Progress, 1978. 391 s.
 14. Skinner B. F. Operantnoe povedenie // Istoriya psikhologii. KhKh vek: [khrestomatiya] / Red. P. Ya. Gal'perin, A. N. Zhdan. M.: Akademicheskii proekt, 2003.
 15. Mettsinger T. Nauka o mozge i mif o svoem Ya. Tonnel' ego / Per. s angl. M.: AST, 2017. 413 s.
 16. Poltoratskii A., Shvyrev V. Znak i deyatel'nost'. – M.: Politizdat, 1970. 120 s.
 17. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika: Per. s fr. / Sost., obshch. Red. I vstup. st. G. K. Kosikova. – M.: Progress, 1989. 616 s.
 18. Shyuts A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom / Per. s nem. i angl. M.: ROSSPEN, 2004. 1056 s.
 19. Garfinkel' G. Issledovaniya po etnometodologii. – SPb.: Piter, 2007. 335 s.
 20. Shklovskii B. B. O teorii prozy. – M.: Sovetskii pisatel', 1983. 283 s.
 21. Il'enkov E. V. Gegel' i germenevtika (problema otnosheniya yazyka i myshleniya v kontseptsii Gegelya) // Voprosy filosofii, 1974, № 8, s. 66-78.
 22. Il'enkov E. V. Soobrazheniya po voprosu sootnosheniya myshleniya i rechi // Voprosy filosofii, 1977, № 6.
 23. Freid Z. Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii. – M.: Nauka, 1989. 455 s.
 24. Freid Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo: Sb. proizvedenii / Sost., nauch. red., avt. Vstup. st. M. G. Yaroshevskii. – M.: Prosveshchenie, 1989. 448 s.
 25. Riker P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike. – M.: «Academia-Tsentr», «MEDIUM», 1995. 415 s.
 26. Habermas J. Knowledge and Human Interests. L.: Heinemann, 1972. IX, 356 p.
 27. Thomas W. I. and Thomas D. S. The Child in America: Behavioral Problems and Programs. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1928. 583 p.
 28. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura / Per. s angl. M.: AST: Khranitel', 2006. 873 s.